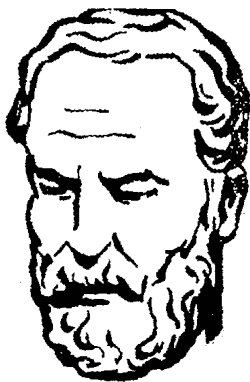

Иво Лапенна

Риторика

Издательство “VoKo”

2000

Иво Лапенна

Риторика

**Перевод с языка Эсперанто
Б.А.Зозули**

**Издательство “VoKo”
2000**

Ivo Lapenna. "Retoriko". En la lingvo Esperanto. 294 paĝojn, 19,4 cm. La 3-a eldono, korektita. Rotterdam, 1971. (La 1-a eldono — Паризо, 1950, 2-a — Rotterdam, 1958)

Иво Лапенна. "Риторика", на языке Эсперанто. 294стр., 19,4см. Ёздакне 3-е, исправленное. Роттердам, 1971г. (1-е издание — Париж, 1950, 2-е издание — Роттердам, 1958)

Ответственный редактор Почикаева Н.М.

Редакторы: Зозуля Н.П. (гл. 8, 11), Иващенко В.Г. (гл. 1, 2, 5, 6, 7, 9), Никодимов Ю.А. (гл.4), Потапенко Т.Ф. (гл. 3, 10), Почикаева Н.М. (гл. 12, 13, 14, Приложения, Комментарии)

В данной работе профессор, доктор юриспруденции И.Лапенна с научной объективностью излагает различные гипотезы возникновения языков, теорию развития лингвистики и методы овладения ораторским искусством.

"Риторика" относится к разряду так называемых "оригинальных произведений", т.е. написанных сразу на языке Эсперанто без обращения к какому-либо национальному языку.

Книга будет полезна не только специалистам (профессиональным ораторам, лекторам, преподавателям, юристам, политическим деятелям), но и всем, кто интересуется риторикой, историей возникновения языков и хочет совершенствоваться в искусстве произнесения речей, чтения лекций и докладов.

**Эта книга посвящается памяти доктора
Л.Л.Заменгофа**

и всем

“... кто способствовал тому, чтобы гениальный проект стал живым языком, людям выдающегося духа, смело приступившим к созданию художественной и научной литературы на этом языке, переводя и создавая на нём новые произведения; тем смелым родителям, которые не колеблясь сделали его своим семейным языком; всем самым непритязательным и простым людям, которые используют его в интернациональных отношениях...”

*/Из речи автора на Всемирном Конгрессе
эсперантистов в Гарлеме, 01.08.1954г./*

Об авторе

Лапенна Иво (1909 - 1987), юрист, специалист в области права социалистических государств Восточной Европы. Родился в Югославии. Окончил университет в Загребе, ф-т Права. Доктор юридических наук Загребского университета, доктор высшей ступени университета Fort Lauderdale (США), в последние годы был профессором Лондонского университета. Участник антифашистского сопротивления. В 1946г., будучи не согласен с политикой И.Б.Тито, эмигрировал в Англию. Был противником коммунистического направления в развитии общества. Издал много работ по тематике международного права и права социалистических стран; CONCEPTIONS SOVIETQUES de droit international public (на франц.), STATE and LAW: Soviet and Yugoslav Theory (на англ.), SOVIET PENEL POLICY (на англ.), Aktualaj problemoj de la nuntempa internacia vivo (на яз. Эсперанто) и др. В Советском Союзе труды И.Лапенна не издавались.

На протяжении многих лет был бессменным президентом UEA (Universala Esperanto-Asocio — Всемирная Эсперанто-Ассоциация). Активно способствовал вхождению Эсперанто-Ассоциации в состав ЮНЕСКО в качестве члена категории В (категория А — право голоса, В — право совещательного голоса, категория С — наблюдатели. — *Прим. перев.*).

Неоднократно приглашался правительствами европейских государств в качестве консультанта для решения сложных юридических вопросов, а также для работы в Международном суде в Гааге. Хорошо владел языками: хорватским (родной язык), русским, немецким, французским, английским, итальянским и пассивно знал ещё шесть языков.

Переводчик

Замечание к третьему изданию

Первое и второе издания “Риторика” (4500 экземпляров) уже давно исчезли с книжных прилавков, так же как и дополнение “Избранные речи и доклады”, изданное в 1966г.

Эти два произведения являются единым целым: первое относится к теории ораторского искусства, а второе содержит избранные тексты выступлений на языке эсперанто. Оба эти произведения были написаны не только для того, чтобы оказать помощь в публичных выступлениях на языке эсперанто, но и способствовать лучшему пониманию задач и перспектив языка. Я верю, что эта цель была достигнута, и поэтому осмелился опубликовать третье издание.

Данное издание является фоторепродукцией несколько изменённого и дополненного второго издания. Только в нескольких местах в произведение было дополнено новыми данными. Корректоры постарались исправить все опечатки, и я, надеюсь, что они в этом преуспели.

Как автор я питаю надежду, что “Риторика” будет так же хорошо принята новыми читателями, как и старыми. Как человек, много лет отдавший развитию этого языка, я хочу, чтобы моя книга вдохновила других на ещё более самоотверженный труд во имя Международного языка Эсперанто.

И.Л.

Лондон, Января 1971г.

Глава I

Введение

Язык — главный инструмент общения и мышления. Он сопровождает человека от колыбели до могилы. Материнские ласки, детский лепет, жар юности, работа в зрелом возрасте, отречение в конце жизни — всё это провозглашается, выражается, отражается непрерывно в языке и посредством языка. Важное орудие в покорении природы, в формировании человека и в созидании мира, острое оружие в жизненной борьбе, посредник в работе, способ убедить и уговорить язык — это сын и одновременно отец человека — проявляется ежедневно то как орудие труда, совершенно необходимое, то как ранящий или даже приносящий смерть кинжал, то как сеятель согласия, спокойствия, мира и любви. Созданный человеком, язык создаёт его самого. Совершенствуемый человеком, он его же совершенствует,

Роль языка, однако, не ограничивается только техническим выражением мыслей или чувств. Он (язык) является исходным материалом, с помощью которого проявляют себя многие виды искусства. Скульптор использует камень и металл. Гравёр — дерево или медь. Архитектор созидает из бетона и стали. Художник выражает себя в цвете. Композитор приводит в гармонию звуки. Но поэт, писатель, оратор выражают свои мысли, чувства и стремления посредством языка. Для них язык есть нечто более значительное, глубокое, чем простой согласованный способ формулирования идей и сообщения их другим людям. У поэтов, писателей, ораторов слово становится инструментом их творчества. Они используют его в своих целях в иной манере, чем в обыденной жизни. Для них язык — это способ художественного выражения.

В любой области человеческой деятельности необходимо глубоко знать методы, которые способствуют совершенствованию конкретной деятельности. Рабочий не может выполнить

работу высокого качества, если не владеет хорошо необходимым инструментом. Также и врач, инженер, шофёр. Не являются исключением и актеры. Они должны изучать внутреннюю сущность и многообразие приёмов самовыражения. И чем внимательнее, серьёзнее, глубже, — тем лучше!

Без таланта нельзя стать артистом. Это — несомненно. Но только таланта недостаточно. Творческий успех — и не только творческий — всегда порождается талантом и прилежанием. Обучение и изучение — необходимы. Непременно основное внимание при изучении должно уделяться тому, с чем ведется работа: камню, цвету, звуку, слову...

Оратор — мы уже говорили — использует слово. Слово, речь являются материалом, из которого он создает. Итак, нет ничего более естественного, чем начать изучение риторики с некоторых, по крайней мере, главных соображений. Конечно, не случайно, что греческие софисты, первые учителя ораторского искусства, были также и первыми грамматиками. Чтобы преподавать риторику, они должны были изучить структуру разговорного языка, силу, значимость и возможности слова, стиль и манеру выражения. Благодаря риторике появились первые зачаточные ростки науки о языке.

Часть первая

Язык

Глава II

Возникновение языка

Существует множество гипотез и теорий, которые трактуют проблемы возникновения языка, способ его формирования и пути его развития. Особенно большой интерес вызывает главный вопрос, очень связанный с выше упомянутыми, — о моногенезе или полигенезе происхождения языков. Произошли сегодняшние языки от одного единственного праязыка или, напротив, некогда существовало много подобных праязыков? Правильный, научный ответ на выше поставленные вопросы является предварительным условием для глубокого понимания языка и функций, которые он выполняет в обществе. Хотя наука еще не может ответить полностью на эти фундаментальные вопросы, однако многое уже становится ясным, а некоторые факты доказаны с большой научной достоверностью.

1. В полной тьме.

Различные религиозные концепции уверяют, что язык дан человеку некими сверхъестественными силами. Так брахманы в Ведах придают языку ранг божественного. Сарасвати, жена Брахмы, почитаема как богиня языка и просвещения. Подобное

мнение идентифицируется христианством. Новый завет гласит: “Вначале было слово, и слово было с Богом, и это слово было Бог”. (Иоанн. 1,1) По Ветхому Завету человек получил способность говорить непосредственно от своего создателя.

“И Бог Всевышний создал из земли всех тварей земных и птиц небесных и привел их к человеку, чтобы услышать, как он назовет их; и как человек назвал всех тварей живущих, такими и остались их названия”.⁽¹⁾

Но прежде чем человек назвал зверей, опираясь на те внутренние способности своей человеческой сущности, он уже объяснился со своим создателем, который: “И Бог Всевышний приказал человеку, сказав: “Со всех деревьев в саду ты можешь вкушать, но с дерева познания добра и зла ты не ешь, т.к. в день, когда съешь этот плод, ты умрешь”.⁽²⁾

Этот язык Адама и Евы и их потомков был единственным на всем земном шаре. Только потом, во времена попытки строительства Вавилонской башни, как наказание, их язык был “приведен в беспорядок”, и люди начали говорить на разных языках.⁽³⁾

“На всей земле был один язык... И Всевышний спустился, чтобы видеть город и башню, которую строили дети человеческие. И Бог сказал: “Вот один народ, и у него один язык; и вот что они начали творить, и ничто не помешает тому, что они решат сделать. Я спущусь и приведу в беспорядок их язык, чтобы один не понял другого. И Всевышний разметал их по всей земле, и они перестали понимать друг друга”...⁽⁴⁾

Вполне естественно, что под влиянием христианства имеют ввиду язык “избранного народа”, стоящего над другими народами.⁽⁵⁾ Так, исходя из Библии, первые мнения, точнее, религиозные верования или мистические, ненаучные гипотезы уверяют, что еврейский язык был праязыком, от которого произошли все последующие языки вплоть до современных.

Святой Иероним, например, произнес буквально следующее: “Вся античность доказывает, что еврейский язык, на котором написан Ветхий Завет, есть начало всех человеческих языков”.

Идея, утвержденная отцами церкви.— что еврейский - это язык откровения, является праязыком и правит духом на протяжении столетий. Даже Данте в своём произведении “De Vulgari Eloquentia”, написанном в 1303 или 1304 году, связывал происхождение европейских языков с Вавилонским Столпотворением, Но эта мистическая “адамоевовская” концепция будет долго жить после смерти великого поэта. Еще в первой половине 16-го столетия известный в то время итальянский историк Пьерфранческо Джамбулари (Pierfrancesco Giambullari) совершенно серьёзно пояснял, что итальянский язык, а именно тосканский из Флоренции — связан по прямой линии с еврейским.⁽⁶⁾

Кажется совершенно неправдоподобным, какими аргументами и хитростями пользуются, чтобы доказать связь европейских языков с еврейским. Всякое случайное сходство представляется как доказательство, что языки Европы происходят от еврейского. Не колеблясь, используют перестановку звуков или букв, если два сравниваемых слова имеют смысловую связь. Даже факт, что на еврейском пишут справа налево, в то время как в европейских языках пишут слева направо, учитывается как достаточное доказательство для насильственной перестановки букв при этимологических объяснениях.⁽⁷⁾

Первыми ростками формирующегося национализма являются новые подобные “теории”. Некий испанец в конце 16-го столетия романтично уверял, что язык Адама — это язык басков. Горопиус (Goropius) в книге, опубликованной в Антверпене в 1580 г., приводил доказательства, что только нидерландский мог быть языком, на котором говорили в раю.⁽⁸⁾

Другой, такого же рода “лингвист”, А.Кэмпе (A.Kempe), пожелал быть несколько более точным. По его мнению, три языка употреблялись или, по крайней мере, были понятны первым людям: Бог говорил с Адамом на шведском, Адам отвечал ему на датском, в то время как змей искушал Еву на французском (непонятно, толи это

комплимент, толи оскорбление для французов).⁽⁹⁾

Так же и другие языки предлагались на роль праязыков. Дж.Вебб (John Webb of Butleigh) указывал в книге, изданной в Лондоне в 1678г.: “Вероятно, что китайский язык был первоначальным языком, на котором говорил весь мир до Вавилонского Столпотворения”. Другой автор Ф.Массон (Philippe Masson) относит китайский к языку Библии. В конце 19-го столетия нашелся автор — генерал Фрэй (Freu), который провозгласил анаманский язык (*язык одного из народов центральной части Вьетнама. — Прим. переводчика*), как “матерь всех языков”.⁽¹⁰⁾

Было бы большой ошибкой думать, что сегодня уже нет такого сорта заявлений. Турецкий лингвистический конгресс, состоявшийся в 1934г., вполне серьезно занимался аргументированием, что турецкий язык лежит в корнях слов всех языков, т. к. все слова происходят от турецкого слова “günes” (“солнце”), ибо это первый объект, который привлёк внимание человека и поэтому потребовалось его как-то назвать.⁽¹¹⁾

В книге, выпущенной Ирландской издательской компанией в Нью-Йорке, доказывается, что Библия была написана ирландцами и что еврейский язык — всего лишь диалект кельтского.⁽¹²⁾

Можно было бы перечислить еще много подобных мнений. Однако, выше приведенных уже достаточно, чтобы показать как бродили, да и сейчас ещё бродят во тьме полного незнания.

2. Начало научных исследований

Выдающийся ученый Г.В.Ф. Лейбниц остро критиковал гипотезу о происхождении языков от еврейского. Он выразил мнение, что языки большей части Европы, от Азии до Египта, происходят от одного изначального языка. Лейбниц также обратил внимание на то, что исследования языков и теории долж-

ны основываться на фактах. По его предложению Пётр Великий начал собирать образцы различных языков на территории Российской империи.⁽¹³⁾

Большая заслуга в рождении лингвистики принадлежит Иоганну Готфриду Гедлеру (Hedler), одному из самых глубоких мыслителей 18-го столетия в области постановки проблемы языкознания. В своём учении "Происхождение языка" (1722 г.) он остро критиковал господствовавшее тогда мнение, что язык не может быть изобретён человеком, а есть дар божий. Очень интересно его доказательство. Одним из главных аргументов Гедлера считается следующий: если бы язык был изобретён Богом, то он был бы значительно более логичным, более рациональным, чем фактически является. В существующих языках столько хаоса, а многое так плохо организовано, что язык несомненно является произведением человека.⁽¹⁴⁾

Призыв Лейбница и мысль Гедлера, однако, оставались еще долгое время незамеченными. Только в начале 19-го столетия, главным образом, после "открытия" санскрита⁽¹⁵⁾ и рождения сравнительного языкознания появились первые, подлинно серьёзные попытки разгадать языковую загадку научными методами.

Рождение лингвистики как подлинной науки, в современном смысле слова, связано с четырьмя великими именами (датчанин и три немца), которые почти одновременно применили сравнительно-исторический метод к исследованиям языков.

Фридрих фон Шлегель, справедливо признаваемый как отец языкознания, высказал в своей работе "О языке и мудрости индусов" ("Über die Sprache und die Weisheit der Indier", 1808) идею, что санскрит и языки Греции, Италии, Германии относятся к одному роду. Он привёл примеры слов из санскрита, которые можно отыскать почти не изменившимися в греческом, латинском и немецком языках. Шлегель был первым, кто заговорил о сравнительной грамматике. Согласно Шлегелю, все языки разделяются на две большие группы: к первой относятся санскрит и родственные ему языки, ко второй — все ос-

тальные. Большие структурные различия между языками привели его к выводу, что они не происходят непосредственно из одного источника.

Другой великий лингвист. Франц Бопп (Franz Bopp), с относительно высокой точностью определил общие черты, так называемых, индоевропейских языков. В своём первом сочинении “О системах спряжения в санскрите, греческом, латинском, персидском и немецком языках”⁽¹⁶⁾ Бопп показал близость санскрита к языкам Европы, и тем самым создал базу для последующего изучения сравнительной грамматики европейских языков. Его главный труд — впечатляющая “Сравнительная грамматика санскрита, зендийского, армянского, греческого, латинского, литовского, старославянского, готского и немецкого языков”^(17:17-а) которую он издавал по частям в течение почти двадцати лет, с 1833 по 1849 гг. В этом гигантском произведении Бопп опубликовал результаты своих сравнительных исследований упомянутых языков. Он не считал, что греческий, латинский и другие европейские языки происходят от санскрита, а, напротив, полагал, что все эти языки есть последующие вариации одного первоначального общего языка.

И, наконец, Якоб Гримм, (Jacob Grimm) последний из этих трех великих немецких лингвистов-ученых, создал впечатляющую историческую и сравнительную грамматику германских языков, назвав её “Немецкая грамматика” (“Deutsche Grammatik”). Первый том появился в 1819 году.⁽¹⁸⁾ Гримм восхищался народным языком. Он подчеркивал важность всех, даже самых маленьких диалектов. Гримм прославился также открытием закона изменения некоторых согласных в греческом, готском и старогерманском языках, хотя этот закон (который, по мнению Отто Эсперсена, должен бы называться “Закон Раска” — за заслуги датского лингвиста в этой области) оказался не применим во многих случаях. Однако исследования Раска и Гримма способствовали дальнейшему развитию науки о языке.

В 1818 г. была опубликована работа Расмуса Раска о старом северном языке или о происхождении исландского языка. Раск исключительно точно изложил сравнительную грамматику

готских, славянских, литовского, латинского и греческого языков. Хотя он не знал санскрита и не использовал его в своем труде, тем не менее, он выразил мысль, что персидский и индийский языки могли бы быть дальними источниками исландского через греческий. Раск дал самое полное и очень четкое деление индоевропейских языков и показал, почему различные языки относятся к той или иной группе и в какой взаимосвязи они между собой. Это его деление оставалось в течение многих лет самым лучшим. Отто Есперсен так отзывался о работе Раска:

“Если бы она была опубликована после своего завершения и на языке более известном, чем датский, Раск мог бы считаться основателем науки о языке, т.к. его труд содержит самое лучшее изложение подлинных методов лингвистического исследования, которые были представлены в первой половине 19-го века. И он применил эти методы для решения целой серии важных вопросов.”⁽¹⁹⁾

С этого времени наука о языке быстро расцвела во всех странах. Была изучена грамматика многих живых и мёртвых языков, представлены важные результаты сравнительного изучения. Были исследованы языки малых народов и примитивных племён.

Произошёл заметный прогресс и в общей лингвистике. Возникло много теорий о языке, сформировались несколько отдельных школ. Следует назвать естественно-биологическую концепцию Августа Шлейхера (A.Schleicher), психологическое направление Г.Штейнтала (H.Steinthal), школу, так называемых, “младограмматиков”, сложившуюся, главным образом, в Лейпцигском университете, теорию Ф. Де Соссюра (F. de Saussur) и социологическое направление двух его великих последователей: А.Мейе (A.Meillet) и Ж.Вендрие (J.Vendryés), так называемая школа “слов и объектов”, — самым выдающимся представителем которой считается Х.Шухарт (Hugo Schuchart), нелингвистическое направление Дж.Бонфанте (Giuliano Bonfante) и другие. Отдельную позицию занимает яфетическая теория Н.Я.Марра.^(20, 20-а)

3. Один или множество праязыков?

Много велось и сейчас еще ведется дискуссий по вопросу о **моногенезе** или о **полигенезе** происхождения современных языков. Вообще говоря, наиболее старые теоретики, хотя и не соглашаясь в деталях, полагают, что единственный общий праязык должен был когда-то существовать (концепция **моногенеза**). Они основывают свою точку зрения главным образом на некотором, более или менее значительном сходстве между несколькими современными языками, с одной стороны, и между этими современными — и достаточно изученными старыми языками (главным образом, санскритом греческим, латинским, старославянским и древнееврейским), с другой стороны. Таким способом они классифицируют языки по группам, подгруппам, семьям и составляют детальные генеалогические таблицы — между прочим, весьма впечатляющие! Первым, кто системно классифицировал языки по этому методу, был немецкий лингвист А.Шлейхер (A.Schleicher), который воспринимал язык как естественный организм, подчинённый, как и все живое, законам рождения, жизни и смерти⁽²¹⁾. Он изобразил происхождение индоевропейских языков в форме генеалогического дерева: от исконного языка, представленного как ствол, из которого растут ветви, разветвляющиеся, в свою очередь, на более мелкие ветки и веточки, заканчивающиеся, наконец, современными индоевропейскими языками. Шлейхер попытался воссоздать этот общий индоевропейский или арийский праязык и даже сочинил на этом языке басню. Другие лингвисты последовали методу Шлейхера. Особенно популяризировал его Макс Мюллер (Max Müller) — другой известный лингвист того времени. Цель языкового генеалогического дерева⁽²²⁾ была показать, что человечество когда-то имело один единственный праязык, который затем (по непонятным причинам) разветвился на множество языков. А те, в свою очередь, продолжали “ветвиться”, порождая новые языки. Таким образом, направление эволюции должно было развиваться от одного языка, в далёком прошлом,

к сегодняшнему многоязычию и, вероятно, к еще большему числу языков в будущем.

Вот что говорит об этом М.Мюллер:

“Мы можем делать вывод не только о начале языка, но и его необходимом разветвлении; и мы понимаем, что никакое число изменений в реальных или формальных элементах языка не противоречит предполагаемому единственному, общему источнику. Наука о языке ведёт нас, таким образом, к самой высокой вершине, с которой мы видим само начало человеческой жизни на земле и где слова, так часто слышимые нами с первых дней нашего детства — “на всей земле был один язык и один способ изъясняться”, — получают более естественный смысл, более понятны, более убедительны, чем прежде”⁽²³⁾.

В другом месте этот же самый автор уверяет, что ничего не было когда-либо прибавлено к самой сущности языка; что все языковые изменения были лишь “изменением формы”; что, начиная от самых древних поколений, ни одного нового корня не было придумано и, следовательно, можно сказать, что мы употребляем слова, которые когда-то были исторгнуты из уст божественного создания.⁽²⁴⁾

Такой же концепции моногенеза о возникновении языка придерживаются и многие другие более или менее известные авторы. Среди них выделяется своим мистическим радикализмом итальянский лингвист Альфредо Тромбетти (Alfredo Trombetti). Не обращая внимания на всю совокупность языков, он пытается убедить:

“Так как исследования, которые мне до сих пор удалось осуществить, относительно языков Америки достаточны, чтобы с полной очевидностью показать их взаимосвязанность и отдаленную связь с языками Восточной Азии, я обобщил свои выводы и уверен, что человеческий язык имеет единое происхождение”⁽²⁵⁾.

Тромбетти также поставил вопрос: каким был этот единый праязык? Ответа, разумеется, он избегает, так как ни он, ни кто-либо другой не могут его дать. Во всяком случае, эти фантазии относительно единого праязыка не разбились, по мнению Тром-

бетги, тотчас после их появления. Процесс дифференциации должен был начаться только после того, как предполагаемый язык достиг определённой степени словарного и грамматического развития. "Следовательно, языки, образовавшиеся от него, должны были унаследовать некоторое количество слов и грамматических форм", — полагает автор. Почему и как воображаемое единство праязыка могло долго существовать, не распадаясь, почему и как оно внезапно начало разветвляться после достижения определённой ступени развития, автор не говорит! И так, становится достаточно ясным, что всё это нужно только, чтобы оправдать его точку зрения! Иначе как бы он мог на базе корневого подобия⁽²⁶⁾ создавать свою теорию, если бы этот праязык состоял, например, только из нескольких не артикулированных звуков или звуковых сочетаний? Нет, праязык должен был иметь много слов, которые касались, например, хозяйственной деятельности, родственных отношений, даже исчислений, чтобы можно было установить связь между его корнями и корнями, употребляемых сегодня языков! Таким образом, вместо того, чтобы создать теорию на прочном фундаменте исследованных фактов, автор действовал наоборот: он придумал факты, чтобы обосновать свои теоретические утверждения!

Другие лингвисты и философы, занимавшиеся этой проблемой, считали, что когда-то существовало много праязыков. К ним относится, например, Фридрих фон Шлегель (Fridrich von Schlegel) и Фридрих Мюллер (Fridrich Müller), которые полагали, что языки не происходят из одного единственного источника, а из нескольких. Выдающийся британский лингвист У.Э.Коллинсон (W.E.Collinson), в книге, опубликованной в 1927 г., не принял эту сторону:

"Мы должны признать, — писал он, что мы не знаем, все ли языки мира вышли из одного источника (теория моногенеза, т. е. одиночного происхождения) или из многих (полигенез)" ⁽²⁷⁾

Но он верно акцентирует, что "уже на заре истории мы на-

ходим различия в языковых группах”⁽²⁸⁾

Даже авторы, принимающие теорию моногенеза, очень часто вынуждены создавать множество гипотез, чтобы как-то согласовать свою точку зрения с реальностью. Макс Мюллер, чьё мнение о едином праязыке уже цитировалось, признаёт:

“Каково бы ни было происхождение языка, сто начальная тенденция стремилась к бесконечным изменениям”⁽²⁹⁾

Итак, автор, который в этом же самом произведении полагает происхождение языка из единого источника, не может закрыть глаза на тот факт, что ставит новую не доказанную и не доказуемую гипотезу: этот единый праязык должен быстро расщепиться на массу языков и диалектов!

Сегодня невозможно отыскать серьёзную теорию, базирующуюся на гипотезе одного единственного праязыка, общего для всего человечества. Д.Ревес (G.Révész) говорит в своей книге о происхождении и предыстории языка:

“Концепция языкового генеалогического дерева в последнее время исключена из исследований. Даже для И.Шмидта (Joh.Schmidt) идея о “праязыке” стала всего лишь призраком. Подобно “первому человеку” и “первому народу”, “первый язык” является фантазией, ни на чём не базирующейся гипотезе, основанной на недоказуемом толковании общего представления эволюции... Не существует доказательства этой гипотезы, ни исторического, ни с помощью сравнительной лингвистики.”⁽³⁰⁾

Ì.Ïùè (Mario Pei), хотя и находится под сильным влиянием идеи общего “праязыка”, признаёт: ничто или только немного связывает такие языковые группы как индоевропейская и малайско-полинезийская, или китайский язык и язык готтентотов⁽³¹⁾.

Так же и другие теоретики полностью не освободились от мысли, которая тяжело нависла над их работами, о моногенезисном происхождении: если не может быть один единственный праязык, то количество “праязыков”, по крайней мере, должно быть, по возможности, ограничено. Такова, фактически, суть всех их стараний в этой части.

4. Различные мнения о формировании языков

Вопрос, каким образом возник язык, и как он затем сформировался, был и остаётся весьма спорным. Относительно этого пункта существуют самые различные мнения. Разумеется, проще утверждать, что язык присущ человеку по природе, по самой его человеческой сущности. Для авторов, которые верят, что человек в один прекрасный день, внезапно, появился на земле таким, как он есть сегодня, не существует никаких трудностей в вопросе формирования языка. Если та или иная сверхъестественная сила — независимо от веры — действительно создала человека и дала ему определенные качества, то очевидно ничто не помешает признать, что одно из этих качеств — это способность говорить, полученная человеком уже в окончательном виде, с изначально достаточным количеством слов и флексий, чтобы в 19-м и даже в 20-м столетии некоторые из лингвистов могли бы сочинять на эту тему романтические сказки.

С другой стороны, также в научных кругах или среде, претендующей на подобную характеристику, нередко случаются различные странности. Одна из таких — заслуживает быть упомянутой. Полагая, вероятно, что вопросы, связанные с возникновением и формированием конкретного языка — неразрешимы, французское Общество лингвистики (*Société de Linguistique*) формально запретило в 1866 году всякие дальнейшие споры на эту тему.

Излишне говорить, что наука не склоняется перед предрассудками или догмами и не уделяет особого внимания различного рода запретам. Человека заинтересовал этот феномен, и, стараясь его понять, он ищет его причину, его значение, его самый глубокий смысл.

Одним из главных вопросов, который в течение нескольких столетий занимал античных философов и разделял их на два основных лагеря, был вопрос о связях между словами и связях

между предметами и их наименованиями. И на этом поле греческие софисты посеяли первые семена.

Софист Гермоген (середина 5-го столетия до н.э.) полагал, что язык — ничто иное, как соглашение между лицами, которые им пользуются. Он пояснял, что “груша” могла бы называться “сливой”, а “слива” — “грушей”, если бы людям это нравилось. По Гермогену выходило, что язык является совершенно произвольным творением человека.

Другой греческий философ Гераклит (6-е столетие) доказывал обратное: слова имеют “естественное” существование, т.е. существуют сами по себе. Употреблять слова вне их природы, означает не говорить, а производить шум. Нельзя давать вещам любые имена и названия по своему усмотрению, но каждый предмет имеет своё собственное имя, в зависимости от его природы. Как видно, по Гераклиту, между предметами и словами существует некий специальный детерминизм.^(31-а)

Великий мыслитель Демокрит (5-е столетие) назвал слова “звуковыми статуями” (“agalмата фонēнта”). Слова, согласно мнению этого греческого материалиста, не являются естественными картинками, которые природа каким-то образом вложила в человеческую душу так, что она (душа) непременно должна была бы их принять и воспроизвести в форме определённых звуковых сочетаний. Слова — это статуи из звуков, существующие так же, как художественные произведения из камня и бронзы. Демокрит признавал, относительно языка, принцип его сознательного создания, но не произвольного, как считал Гермоген. Напротив, Гераклит принадлежал к философской школе естественного возникновения языка.

Сущность всей этой дискуссии относится к вопросу, получают ли слова свои свойства согласно природе объектов (*fysei*) или отношения между словом и объектом основано на законе, на соглашении, на привычке — более или менее сознательно (*thesei*). Этому вопросу был посвящён известный диалог Платона (428 – 348) “Kratylos”. В этом произведении Кратил и Гермоген детально рассматривают аргументы и контраргументы обе-

их точек зрения. Платон делает вывод из этого спора: ни одно из двух мнений не является верным, т.к. язык, истинный по своей натуре, может существовать только в виде идеи.

Также большое внимание языку уделил Аристотель (384 – 322), особенно в “Поэтике” и “Риторике”. Он разделил слова на категории, и его работа оказала большое влияние на последующие поколения.

Следующий шаг в этой области сделал Эпикур (341 – 270). Ему принадлежит мысль, что первое формирование языка люди совершили неосознанно, подобно кашлю, чиханию, вздоху. Однако, поясняет философ, прежде чем родился настоящий язык, и для того, чтобы он родился, должно было состояться некое соглашение между людьми, чтобы все знали, что именно означают эти странные звуки. Итак, для Эпикура также самый глубокий источник языка состоит во взаимном соглашении или, по крайней мере, в некоем специальном неявном договоре между теми, кто этот язык использует. Следовательно, и с точки зрения Эпикура язык во всех случаях является продуктом, созданным человеком на базе звуков, которые он может естественным образом исторгать из своего рта.

Выше приведённые мнения, хотя и представленные кратко, достаточны, чтобы показать, как уже в античной греческой философии появились ростки тех более поздних гипотез о формировании языка. Вот главные из них.

1. Одни полагают, что слова совершенно “естественным образом” соотносятся с предметами и идеями. Такова точка зрения Гераклита. В сущности, такой же самый мистический, ненаучный взгляд на этот предмет имеют все, кто полагает, что язык предопределён свойствами природы, т.е. созданием сверхъестественных сил.
2. По мнению других, способность издавать артикулированные звуки присуща человеку и в прошлом и теперь от рождения.⁽³¹⁻⁶⁾ И нужно было только назвать совершенно случайно или по своему усмотрению различные предметы, идеи, качества и действия посредством комбинаций этих звуков.

Эта мысль Гермогена, которую можно найти у Дж. Локка (John

Locke, 1632 – 1704), а именно в его работе “An Essay Concerning Human Understanding” (“Эссе о человеческом понимании”^(31-н)), гармонирует с его философией. Локк полагает, что можно мыслить без конкретных символов для отдельных идей. Он даже верит, что человеческий мозг способен сформировать не только понятия (общие представления), но и целые предложения без какой-либо помощи слов. По мнению Локка вполне естественно, что примитивный человек приспособил какие-то артикулированные звуки, которыми он владел, чтобы совершенно произвольно назвать свои различные, уже появившиеся идеи. Вот характерное высказывание Локка о возникновении языка:

“Таким образом, мы можем понять, почему слова, которые по своей природе так хорошо адаптируются к этим целям, были приняты людьми для употребления как символы их идей. И не обязательно в силу какой-то природной связи, которая как бы существует между отдельными артикулированными звуками и определенными понятиями, ибо в этом случае должен был бы существовать только один язык для всех людей, но посредством преднамеренной связи, согласно которой определённое слово произвольно делается символом этой идеи.”⁽³²⁾

Разумеется, что это сознательное, но полностью произвольное создание языка, должно было, по Дж.Локку привести к различию между языками. Возможность образовывать слова из артикулированных звуков современных высокоразвитых языков — почти безгранична. Великий немецкий философ Лейбниц в своём сочинении “De Arte Combinatoria” (“Об искусстве комбинирования”) подсчитал, что из 23 букв можно составить более 25852 триллионов различных слов, а точнее звуков и различных звуковых сочетаний.

Если принять отправным пунктом произвольное создание слов из уже готовых, существующих артикулированных звуков, то становится очевидным, что бесконечные возможности этого созидания обязательно приведут к большим вариациям в языках с бесчисленными взаимозависимостями. И это нельзя приписывать ничему иному, как чистой случайности, если в двух или нескольких языках, не имеющих никаких связей

между собой, имеются две одинаковые или похожие звуковые комбинации для одного и того же или похожего понятия. Несомненно, например (даже вне рамок локковского понятия), итальянское слово "donna" и японское "онна" не имеют с лингвистической точки зрения ничего общего, хотя по звучанию они похожи, и оба этих слова означают — "женщина". И напротив, общность имеет суффикс "in", который присутствует во многих языках для обозначения женского пола: **regina** (латинск.), **regina** (итал.), **reine** (франц.), **Konigin** (нем.), **regino** (эсперанто) и т.д.

3. Третье направление утверждает, что разговорный язык возник на основе имитации естественных звуков. Первобытные люди, постоянно слышавшие вокруг себя звуки природы, начинали называть животных, предметы и явления по их характеризующим звукам, которые издавались (или, как им казалось, издавались) этими объектами. Теорию онматопеического (звуковое подражание) возникновения и формирования языков распространял, в основном, известный немецкий философ Иоганн Готфрид Гердер (Johann Gottfried Herder). Он полагал, что возникновение языка обязано внутреннему побуждению природы, подобно зрелому эмбриону, настойчиво требующему своего рождения. Достигнув определённой степени готовности, первые слова формировались так, что человеческое внимание останавливалось на определённом явлении, полученном посредством ощущений, которые являются самыми различными метками рассматриваемого объекта. Например, увидев овцу и услышав её блеяние, человек настолько удержал в своём сознании именно блеяние как наиболее характерный признак, что потом снова, встретив такое животное, он имитировал блеяние и назвал это животное "блеющим".

Ономатопеическая теория приближается к гипотезе о "природной" связности и зависимости между словами и предметами.

Несколько более глубокое исследование показывает, что во всех языках, фактически, имеется некоторое количество онматопеических слов, но их число весьма ограничено,⁽³³⁾ и

нельзя построить сколько-нибудь серьёзную теорию на этой гипотезе. М.Мюллер назвал её несколько насмешливо теорией “bau-vau” (“ya-ya”) и отбросил как совершенно безосновательную. “Количество слов. — сказал он. — которые фактически сформированы на базе имитации звуков, уменьшается до весьма малой пропорции ... и, наконец, нам остаётся убедиться, что языки имеют другое происхождение”⁽³⁴⁾

4. Следующая гипотеза, которая уверяет, что первобытный человек, очевидно, не имел артикулированного языка, но всегда мог издать какой-то стон, вздох, крик и т.п. Эти звуки мало-помалу сделались названиями объектов, явлений, действий.

5. Многие философы, среди которых также и великий французский мыслитель Э.Б.Кодильяк (E.V. Condillac. 1715 – 1780).^(34-а) подняли свой голос, протестуя против онома topеической теории, указывая, что эта теория, фактически, считает человека созданием ниже животных.

Эти философы не могут согласиться, что человек должен был бы изучать природу животных, ветра, волны, лай и мяуканье, чириканье и писк, рёв и скрежет. Человек, — говорят они, — издаёт и крики, и стоны, и всхлипывания сам по себе. Нет необходимости заимствовать их у природы или звукоподражать животным. Человек реагирует такими или иными звуками в зависимости от того — владеет им страх, удивление, радость, боль, любовь или ненависть.

Крики или междометия в сочетании с жестами многие философы и лингвисты представляют как источники языка. Согласно этой теории именно язык должен быть ясно отличим от случайных выразительных жестов и звуков. Однако, и разговорный язык, и язык жестов может быть производным от таких звуков и произвольных жестов. Учитывая тот факт, что разговорный язык поддерживается спонтанными жестами и звуками (подобно тому, как дети постепенно меняют свою случайную эмоциональную реакцию на сознательные звуки и жесты), эти авторы считают произвольные манеры выражения как праформы или начальные формы языка. Кроме Кондильяка (E.V. Condillac) эту идею также поддерживали Ч. Дарвин,

Г. Спенсер (H. Spenser), У. Ванд (W. Wundt), Хёффдинг (Höffding), В. Ерусалэм (W. Jerusalem) и другие.⁽³⁵⁾

Гипотезу, что язык обязан своим возникновением исключительно междометиям, как естественным реакциям человека на различные ситуации, Макс Мюллер (Max Müller) назвал в своей книге — теория “пух-пух” (“puh-puh”). Идея о жестах как источнике языка вошла затем в базовую теорию советского языковеда академика Н. Я. Марра (1864 – 1934 гг.).

6. Как было уже замечено, Гермоген объяснял появление языка взаимным соглашением между людьми, говорящими на этом языке. Эту же мысль можно отыскать, в той или иной форме, и по сей день у многих философов или лингвистов. Так, например, Ж. Ж. Руссо (J. J. Rousseau) представлял себе появление языка на основе соглашения, наподобие социального контракта (contrat social), который, как известно, он полагал основой всего социального порядка. Руссо, однако, не пояснял, каким образом человек, ещё не имея языка, мог обсуждать вопрос соглашения о звуках, означающих ту или иную идею, систематизировать эти звуки, принимать соглашения о создании и функционировании языка! Эта же идея присутствует в работах выдающихся и известных современных лингвистов, как, например М. Пэи. Вот, что говорит он в своей книге для детей:

“Язык, фактически, начинается, когда два или несколько человеческих созданий решат, что определённый звук или группа звуков должны иметь одинаковое значение для всех собеседников. В этот момент и рождается язык... Следующее, что мы можем констатировать: если язык развивался, как мы предполагаем, на основе взаимного соглашения, то не будет сюрпризом, что в мире существует так много различных языков”.⁽³⁶⁾

М. Пэи не говорит, когда и как произошло это взаимное соглашение. Несомненно, люди, которые говорят на одном языке, не делают этого, т.е., опираясь на явное соглашение в виде контракта. “Соглашение” имеет совершенно иной характер, чем думал Руссо или, это происходит несколько иначе, чем полагает Марио Пэи. И объяснять, таким образом, появление и эволюцию

языка, даже в книге для детей, действительно, — слишком упрощать дело.

Макс Мюллер подменяет идею Гермогена о договорном соглашении идеей дарвинизма, а именно — естественным исключением (удалением, устранением; *примеч. переводчика*). Вот что он понимает под “естественным исключением”.

Набор чувственных впечатлений создаёт духовную картину или восприятие. Многие подобного рода восприятия приводят к общему понятию. Теперь, — говорит М. Мюллер, — “мы можем понять, что определённое число чувственных впечатлений может явиться причиной ответного голосового выражения. Некий крик, междометие или имитация возникшего звука может сформировать часть чувственных впечатлений. Мы также понимаем, что некоторое число такого рода голосовых выражений может потеряться в общих выражениях и оставить после себя корень (слова), как знак относительного или общего понятия...”⁽³⁷⁾

Трактуя проблему о том, как появились общие понятия, автор пишет, что они сформировались не случайно, а в силу определённой закономерности. Мюллер уверяет, что эта закономерность находится в самом сознании:

“Этот закон есть наш внутренний здравый смысл, который реагирует на внешний здравый смысл, на здравый смысл, если можно так сказать, природы. Естественный отбор есть ... неизменно, всегда отбор рациональный... Не всякое случайное восприятие достойно быть признанным как общее понятие: только одно ... самое сильное, самое полезное. Многие восприятия, которые естественным способом представляются нашему интеллекту, никогда, однако, не бывают заключёнными в общие понятия и, следовательно, не получают какое-то имя”⁽³⁸⁾

Мюллер поясняет, например, что не существует слов, имеющих отношение ко всем голубого или красного цвета растениям, не существует слов, вмещающих понятие собака и кошка, а не лошадь и бык.⁽³⁹⁾

7. Не согласившись со всеми этими гипотезами и теоретическими попытками объяснить возникновение языка, многие

мыслители пришли к идее: исследовать процесс формирования речи у детей, чтобы понять первые ростки языка первобытных людей.

Эта идея — очень стара. Греческий историк Геродот рассказывает, как египетский фараон Псаметик уже в 6-м столетии до н.э., желая узнать, какой язык появился первым на земле, провёл эксперимент с двумя новорождёнными детьми, воспитываемыми козой. Дети никогда не слышали человеческую речь. Через некоторое время они заговорили, и первое слово было “bekos”. На вопрос, в каком языке есть такое слово, фараону ответили: это слово из фригийского языка, и означает оно — “хлеб”. Итак, фараон заключил, что фригийский язык был праязыком! Известный учитель ораторов в древнем Риме Квинтилиан заметил, что дети, воспитываемые немymi няньками, должны быть немymi. Дж. Локк обратил внимание, что их язык прост — это язык козы: “bek”, которому придано греческое окончание “-os”!⁽⁴⁰⁾

Безотносительно к тому, действительно ли имел место такой “эксперимент”, этот рассказ сам по себе интересен, т.к. показывает, что уже в античные времена в разных странах древнего мира проявляли большой интерес к возникновению языка и пытались объяснить, изучая формирование языка у детей.

Один из ученых, исследовавших язык с этой точки зрения, был французский философ, историк и критик Ипполит Тайн (Hippolite Taine, 1828 - 1893). Он исследовал этот феномен, не выходя из своего кабинета. Тайн констатировал, что в возрасте от 3,5 месяцев ребёнок начинает издавать различные междометия из простых гласных. Через несколько месяцев ребёнок начинает дополнять их согласными, и междометия становятся всё более артикулированными. Вначале девочка не связывает звуки с конкретной мыслью, но с 11-месячного возраста она поворачивала голову в сторону матери на вопрос: “А где — мама?” В возрасте 12 месяцев слово “кукла” уже означало для неё что-то пёстрое, разноцветное. И, наконец, в возрасте 1-1,5 лет она сформировала слова: “папа”, “мама”, “ва-ва” (собака), “ко-ко” (курица, петух), “да-да” (лошадь), “мяу” (кошка). Почти

все эти слова, — говорит И.Тайн, — являются удвоенными одно-
сложными словами, имитирующими естественные звуки. В воз-
расте одного года и семи месяцев девочка произносила слово
“амн”, что означало еду или “я хочу есть”.

И.Тайн, а затем и многие другие, среди которых был
Ф.Гарланда (F.Garlanda), сделали вывод, что первые “слова”, ко-
торые произносят дети, имеют очень сложное значение: “мн” или
“амн” — это может быть “еда”, “есть”, “я хочу есть”, “я голо-
ден”... (41)

В последний десяток лет в исследовании детского языка про-
изошёл явный прогресс. В книге не хватает места, чтобы предста-
вить многосторонние, часто очень интересные, результаты дет-
ской психологии. Но следует заметить два важных факта: 1) не
только первые крики, но также и первые артикулированные звуки
связаны единственно с чувствами удовольствия или неудовольст-
вия, и эти крики или звуки издаются бессознательно, совершенно
инстинктивно; 2) произнесение артикулированных слов в начале
ничего не означает и только после приобретает разнообразное
значение. К.В.Вальянтин (C.W.Valentine) говорит, что он мог раз-
личать у своего ребёнка в конце первого месяца три вида спон-
танных криков: крик голода, боли и удовольствия, но эти крики,
подчёркивает К.В.Вальянтин, не могут считаться языком. В три
месяца начались “упражнения” в артикуляции звуков, главным
образом в состоянии счастья и удовольствия. Эти упражнения с
артикулированными звуками становились всё более и более час-
тыми, и, наконец, ребёнок начинал имитировать услышанные
слова. Но также и в этой стадии употребление некоторых слов
было связано с чувствами:

“Таким образом, кажется, что первое реальное чувство, даже
от слова “дада” (папа), которое мать продолжала повторять,
чтобы приучить ребёнка узнавать отца, было, в общем-то, неким
чувством, которое переходило от отца к игрушкам через некото-
рое чувство-образ. “Нан-нан”, кажется, обобщилось как крик и

Другой специалист в этом вопросе, Леопольд Штайн (Leopold Stein), говорит, что выражение “мам-ам”, которое девочка употребила в первый раз на 206-й день своей жизни как знак ласки, применяла это слово с 354-го дня по 602-й день ко всем лицам, ко всякой еде, ко всякому предмету или случаю, который удовлетворял её желание. И Штайн делает вывод:

“Итак, очевидно, что в этой стадии “слово” вызывает стремление включить его в любую актуальную грамматическую (логическую) категорию”⁽⁴³⁾

Один из лингвистов, который считал детскую речь с первого года жизни очень важной для понимания того, как возник язык, был Отто Есперсен (Otto Jespersen). По его мнению, необходимо обратить внимание на речь младенца, как он произносит её в первый год жизни, если хотят провести параллель с возникновением языка в истории человека.

Сравнивая детский язык, а именно, формирование речи у детей в первый год с языком примитивного племени, многие лингвисты нашли несколько общих черт. Это заставило их считать, что к пониманию возникновения языка, в целом, приводит понимание, как возникает язык у детей. Был, между прочим, сделан вывод, что начала праязыков представляли собой звуки с многочисленными значениями без какого-либо различия между существительными, прилагательными, глаголами или между подлежащими, сказуемыми и т.п. Эти различия появились много позже, благодаря дальнейшему прогрессу человечества и параллельному развитию языка.

Хотя попытки найти языковые начала у первобытных людей путём изучения сегодняшнего детского языка кажутся нам методом совершенно не сообразным научным требованиям, но и эта концепция несколько способствует лучшему пониманию свойств языка. Дети сегодня наследуют способность говорить только через физиологические органы. Повторяя своих родителей, они издают артикулированные звуки. А родители, в свою очередь, унаследовали эту способность от своих — от поколений праотцев в длиннейшей истории человека. В этом эволюционном процессе всё более развивались и органы речи. Таким

образом, детская манера говорить не может привести к пониманию, как развился язык тех созданий, которые не обладали таким речевым аппаратом. Сравнения детского языка с языком современных племён, находящихся на низкой ступени развития, ещё не могут дать удовлетворительных результатов, потому что, как верно указал О.Есперсен, даже самые отсталые из племён имеют “позади себя много столетий языкового развития”, а потому условия, в которых они находятся — совершенно иные, чем те, в которых жил первобытный человек. И, наконец, не следует забывать, что каждый ребёнок живет в определённом социальном окружении, от которого и получает язык. С первого же момента рождения мать, отец, члены семьи и другие лица разговаривают с детьми даже, если они ничего не понимают. С ними говорят на очень упрощенном, своём собственном языке, чтобы детям легче было заговорить.

Всё вышесказанное показывает, что данная концепция — неприемлема. Но и эта теория весьма точна, когда делает вывод, что первые звуки или, точнее, звуковые сочетания в начальной стадии развития человеческого языка имели многообразное, разветвлённое значение.

8. Как было сказано, некоторые ученые считают, что язык возник из междометий, в то время как другие, более многочисленные, связывают междометия с жестами. Эту идею о жестах как источнике языка можно отыскать ещё у античных учёных. Латинский поэт Лукреций (Lucretius, приблизительно 98 – 55 гг.) упоминает о жестах в своём известном сочинении “De Rebus Natura” (“О природе вещей”). Он говорит, что природа сама заставляет людей производить некие звуки приблизительно так, как способность говорить “толкает детей употреблять жесты, когда обстоятельства заставляют их указывать пальцем на объект, находящийся перед ними”.

Валентине заметил, что самые ранние жесты детей — не что иное, как спонтанные выражения чувств или желаний. В этой стадии жесты не могут быть интерпретированы как символы с определённым выражением чувств, что, в сущности, является языком. “Но, — продолжает он, — нелегко понять, как та-

кие естественные выражения могут эволюционировать в жесты, имеющие значение".⁽⁴⁵⁾ Также Л.Штайн много раз упоминал жесты как древнюю форму понимания.⁽⁴⁶⁾ В свою очередь, Ф.Гарланда признаёт факт, что и сегодня жесты часто употребляются как средство помощи в разговорном языке:

“Разговорный язык — это только часть общего понятия “язык”. Мы говорим руками, глазами, всем телом”.⁽⁴⁷⁾

И далее, говоря об упомянутой многогранности значения первых слов, Гарланда задаёт вопрос: каким образом люди могли разобраться в этой неразберихе. И он отвечает: “Только помогая звукам жестами, руками, головой и всем телом”⁽⁴⁸⁾

На основе проведённых исследований, советский лингвист и этнолог Николай Яковлевич Марр представил теорию, согласно которой самая примитивная форма общения была исключительно с помощью жестов. По его мнению, из такого языка жестов мало по малу возник разговорный звуковой язык.

5. От многоязычия к одноязычию

Относительно всех языковых проблем Марр предложил, в сущности, новую материалистическую теорию, используя те положительные результаты, которых уже добились лингвисты. Свою теорию Н.Я.Марр назвал “яфетической” или “новой”, и под этим именем она известна.⁽⁴⁹⁾

После многолетних исследований, проверок и анализа Марр дал ответ на многие вопросы, которые в течение столетий интересовали и простых людей и учёных. Важные проблемы о моногенезисном или полигенезисном происхождении, о способе формирования языка, о степени сознательности (“искусственности”) при создании языка Марр разъяснял во многих своих работах, лекциях и статьях. Вот краткое резюме его главных выводов относительно данного вопроса.

Первый язык был полностью не звуковым, а знаковым, жестовым или “кинетическим”, как его назвал Н.Я.Марр. В переходную эпоху, в течение которой шаг за шагом человек формиро-

вался из обезьяноподобного, человекоподобного антропоида, этот наш предок самым естественным образом использовал руки как средство коммуникации. Рука ведь была главным инструментом, и потому она была также непосредственно связана с центрами примитивного конкретного мышления более чем какой-либо другой орган. Марр говорит, что язык жестов не только давал возможность выражать свои мысли, картины-понятия и общаться с коллективом, но также и развивать воображение, как способ общения и с чужим племенем, и со своим, и с отдельными его членами, имеющими близкие потребности личной жизни, которые в ту эпоху ещё не отделились от коллектива. ⁽⁵⁰⁾

Какой степени совершенства может достигнуть взаимопонимание с помощью жестов, говорит Марр, видно из многих случаев употребления такого языка в различных частях света даже сейчас. В Австралии, например, в племени варрамунга (Warramunga) вдовы не имеют права говорить в некоторых случаях целых двенадцать месяцев после смерти мужа. В течение этого времени они общаются исключительно на языке жестов. Вдовы за это время так привыкают к этому, что после снятия запрета продолжают общаться на языке жестов. Учёный Леви-Бруль (Lévy-Bruhl) рассказывает, что нередко, когда женщины собираются в поле, царит почти полная тишина, хотя фактически они оживлённо беседуют жестами, на пальцах. Они разговаривают так быстро, что очень трудно имитировать их жесты. Подобный язык также очень распространён на всём Американском континенте. Индейцы различных племён не понимают звукового языка друг друга, а потому используют язык жестов. Американский исследователь, продолжает Марр, уверял, что можно написать объёмистую грамматику языка жестов. О богатстве такого языка можно судить по тому, что два индейца могут полдня беседовать, рассказывая друг другу, о различных делах, используя лишь движения пальцев, головы и ног. ⁽⁵¹⁾

По мнению Марра, язык жестов царил много десятков, если не сотен, тысячелетий.

В процессе трудовой деятельности, в борьбе с силами природы передние конечности живших тогда человекообразных обезьян всё более и более приспосабливались к новым условиям. Они становились всё более и более основными человеческими органами, главным орудием в борьбе за выживание человека. С помощью по новому сформировавшихся органов наш предок бросил первые камни, чтобы защитить себя или добыть себе пищу. С помощью передних конечностей он уже в середине палеолита отрывал нужные ему ветки деревьев и даже использовал, сделанные из кремния, клиновидные предметы для ударов, сверления, выкапывания, резки и т.п. Постепенно, используемые в трудовом процессе и, одновременно, для примитивного взаимного общения, передние конечности развивались, становились более искусными и чувствительными. Это, в свою очередь, постоянно совершенствовало их ловкость и работоспособность, а также как средство коммуникации, пока, наконец, приспособившись к новым функциям, они настолько преобразились, что, в сущности, изменились их изначальные свойства: передние конечности превратились в руки.

Предок человека, а затем и первобытные люди умели, однако, издавать различные звуки. Марр считает, что такими звуками были САЛ, БЕР, ЙОШ и РОШ. Все эти звуковые сочетания производились вместе, слитно, из глубины горла, издаваемые как единый звук. Только позднее, шаг за шагом и в то же время, давая возможность развивать разговорный язык, эти звуковые комплексы начали дифференцироваться, перемещаясь из глубины горла в гортань и рот.⁽⁵²⁾

Первобытный человек вначале издавал эти звуковые сочетания без какого-либо глубокого смысла. Они имели смысл не более чем блеяние, которым животные выражают несколько элементарных чувств. По мнению Марра, упомянутые звуковые сочетания использовались во время танцев, пения без слов, религиозного культа, колдовства и, главным образом, во время охоты, сбора диких фруктов, ловли рыбы и другой работы.

Мало помалу элементарные звуковые комплексы (сочетания), издаваемые в начале как неосознанная реакция без особого

значения, становились каким-то образом сигналами, а затем — знаками или заместителями символов окружающих людей предметов и природных явлений. Возникла первая ассоциативная связь между звуком и предметом или природным явлением.

Такая ассоциативность, ещё не четкая и даже беспорядочная, была присуща разговорному языку, который является ничем иным, как продолжающимися символическими связями между звуками и данными явлениями, которые люди таким образом обозначали.

Должны были пройти тысячелетия, прежде чем человек осознал эту подлинно революционную возможность. “Огромное, решающее значение этого момента, — говорит Марр, — когда рука и глаза были заменены аппаратом, полностью сконцентрированным в голове, в непосредственной связи с мозгом, вблизи от него, и связаны с губами ртом”. Однажды осознав эту возможность, человек обязательно должен был продолжить эту дорогу. Язык жестов ещё долгое время оставался главным средством общения, но ему всё больше и больше помогал звуковой язык, звуковыми символами, означавшими ещё весьма неясные, общие, размытые понятия о многочисленных объектах и явлениях природы, событиях и действиях. И всё это зависело от образа жизни определённых групп людей. Так, например, слово “рука” означало не только руку, но и “сила”, “сильный”, “мощь”, “мощный”, “богатство”, “бог”, “разум”⁽⁵³⁾. Особенно важным является значение — “разум”. Этот смысл слово “рука” имеет во многих языках, например, в армянском, грузинском и русском.^{(54;}
54-а)

Всё это показывает, насколько сильно первобытный человек связывал дух, интеллект с рукой, важность, с которой он относился к возможности общаться с себе подобными.

Постепенный переход от жестов к звуковому языку происходил в течение тысячелетий.⁽⁵⁵⁾ Развиваясь, усложняясь, дифференцируясь, звуковой язык всё более заменял язык жестов. Однако и до сегодняшнего дня последний частично сохранился. Только роли поменялись. Вначале как вспомогательный — зарождающийся звуковой язык стал основным, а язык жестов

превратился во вспомогательный. Теперь роль жестов — выделить, окрасить, обогатить слово, выражение голосом — всё ещё остаётся достаточно важной даже в повседневной жизни. Но роль жестов особенно проявляется в игре актёра и искусстве оратора. Поэтому в данной книге искусству жестов уделяется особое внимание.

Проблема количества “праязыков” решена в яфетической теории, на основе полигенеза. Если, фактически, первым способом взаимопонимания был жест, если только в постепенном, продолжительном процессе своего очеловечивания наш предок создал для себя звуковой язык, тогда очевидно, что этот язык не может быть единственным на земле. Согласно Марру, “в начале” не существовало ни одного, ни множества “праязыков”, а все многочисленные человеческие группы создавали для себя собственный язык. Следовательно, “начало” (а по сути — тысячелетия) звукового языка характеризовалось большим различием. “В начале, — пишет Марр, — было много языков, которые, взаимно переплетаясь, изменялись взаимно проникали, поглощались один другим, снова разветвлялись и т.д. В результате формировались новые языковые объединения или новые разветвления. Всё это вело и сейчас ведёт к уменьшению числа языков на земле, и, в конце концов, даст в будущем один единый общий человеческий язык”.⁽⁵⁶⁾

В другом месте Марр выражает ту же самую мысль, подчёркивая общую линию развития, которая ведёт от многоязычия в далёком прошлом к единому языку в более или менее близком будущем. “Яфетическая теория учит, что человечество не начинало с одного единственного языка, но шло и идёт от многоязычия к одноязычию всего человечества”.

Марр, разумеется, не оставляет без внимания словарные (корневые), грамматические (структурные) и звуковые сходства между различными языками. Этот факт он объясняет не беспочвенным утверждением о предполагаемом едином языке, но перекрещиванием, сплавлением, случайными разветвлениями, новыми соединениями, заимствованиями и т.п., первоначально

различных языков, которые принадлежали различным группам людей: случайным объединениям, родам, племенам, народам и т.п.

Конечно, многие пункты теории Марра не могут быть приняты.⁽⁵⁷⁾ Однако, представленным теоретическим заключениям об эволюции, большое подтверждение дают новые открытия в других областях науки.

6. Что говорит антропология?^(58*)

Нельзя полностью понять язык (мы имеем ввиду человеческий звуковой язык, когда употребляем этот термин без уточнений), если рассматривать его только с чисто лингвистической точки зрения. Возможность употреблять язык для общения обусловлено физиологической способностью говорить-слушать, и потому физиология органов речи и слуха занимает важное место в изучении языка. Психология рассматривает язык, главным образом, с точки зрения интеллектуальных действий, касающихся связи между словом и мыслью. Но язык — это также исторический факт и потому история не может быть к нему безразлична. Во многих других научных ветвях язык, в той или иной мере, является объектом исследования. Первостепенную роль для объяснения происхождения языка имеет антропология: та часть этой науки, которая занимается вопросом, как сформировался и выделился человек из прочего животного мира, как особенное и уникальное создание *Homo sapiens*.

Известно, что в различных частях Земного шара найдены костные останки наших предков. На базе этих ископаемых останков, иногда только кусочков черепа и других костей, смогли реконструировать в широких пределах очень продолжительную историю появления человека. В рамках этого краткого трактата о языке стоит вспомнить хотя бы несколько существенных факторов.

Первый вопрос, где та граница между человеком и *не*человеком. Если принять чисто анатомические критерии, то можно

согласиться с теми антропологами, которые говорят, что человек физиологически отделился от остального животного мира с того момента, как начал вертикально ходить по земле или, по крайней мере, с начала эволюции его стопы. Но это само по себе недостаточно. Подлинно решающим критерием является начало использования первых, специально изготовленных, орудий труда и, параллельно в связи с этим, создание элементарных языковых понятий. “Рука и язык: вот что такое человек” — сказал Генри Бэrr (Henri Berr) в предисловии к книге Ж.Вендрие “Язык” (J.Vendryés. “Le Langage”). И продолжает:

“Мы считаем, что отметкой конца истории зоологии и начала истории человека является “изобретение” руки (если можно так сказать) и языка”. Это представляет решительный прогресс логики практической и логики интеллектуальной” (Ж.Вендрие (J.Vendryés), “Язык” (“Le Langage”), Paris, 1921.)

Жизнь началась на земле приблизительно один миллиард лет назад. Для палеозоя (приблизительно 170 миллионов лет назад) характерны беспозвоночные, рыбы и амфибии. Мезозой (приблизительно до 60 миллионов лет назад) — это возраст рептилий. Третичный период начался приблизительно 60 миллионов лет назад, и в эту эпоху широко распространились млекопитающие. Только в четвертичный период, который начался 1 миллион лет назад, постепенно стал формироваться человек. Анатомически человек, вместе с предками обезьян и обезьянами, относится к отряду приматов. Среди обезьян более всего подобны человеку бесхвостые шимпанзе, гориллы, орангутанги и гиббоны. Согласно Т.Хьюксли (Т.Н.Huxley), структурные различия между человеком и гориллой или шимпанзе менее велики, чем между гориллой и низшими обезьянами. Поэтому сегодня семейство антропоидных (человекообразных) обезьян (Parapithecidae и Pongidae) и семейство человека (Hominidae) или гоминид (*примеч. переводчика*), к которому относится Homo sapiens и другие предки, объединяемые в одно общее подсемейство, называемое “гоминоиды” (Hominoidea), четко отделённое от других обезьян, из которых восточные — составляют от-

38

дельное семейство “церкопитеков” (Cercopithecoidea), в то время как американские или западные обезьяны образуют третье надсемейство, называемое “цебоиды” (Ceboidea).^(58-a)

Первые, самые примитивные приматы, появляются в начале четвертичного периода, около 60-ти миллионов лет назад. Они эволюционировали в течение миллионов лет от палеоцена и эоцена, так что в олигоцене (30 миллионов лет назад) уже различают самых примитивных обычных обезьян от, также крайне примитивных, человекообразных антропоидов. В следующую эпоху, в миоцене (20 миллионов лет назад) человекообразные обезьяны уже широко распространились. Их ископаемые останки найдены в Европе, Азии, Северной и Южной Африке. Совершенно точно, что некоторые из этих ранних типов, эволюционируя, превратились в Hominidae, самые древние ископаемые останки которых находят в слое, относящемся к раннему плейстоцену.

В те давние времена в густых лесах жили два вида обезьян. Первые скакали с ветки на ветку с помощью четырёх конечностей, но другие бесхвостые человекообразные предки совершали прыжки, раскачиваясь на передних, которыми они хватались попеременно за одну, затем за следующую ветку и т.д. Таким образом, они развили великолепную ловкость передних конечностей и стали подлинными акробатами на трапециях.

Многие человекообразные обезьяны и дальше продолжали жить на деревьях. Они так и остались обезьянами. Но несколько групп бесхвостых предков спустились на землю там, где леса стали не такими густыми, и постепенно адаптировались к новым обстоятельствам. В новых условиях эти антропоиды с частично уже более развитыми передними конечностями всё более и более приспособлялись к передвижению в вертикальном положении, используя только задние конечности, а передние употребляли для других целей. Одновременно, в ещё большей степени, изменился мозг, что и привело в дальнейшем к революционным изменениям в истории мира: появлению человека.

Среди самых примитивных человекообразных обезьян находится, так называемый “проконсул” (Proconsul), ископаемые

останки которого найдены в Кении. По мнению некоторых исследователей, он является более или менее прямым предком отряда приматов (*Hominidae*). Из соотношения длин передних и задних конечностей, а также по форме костей, можно сделать вывод, что он не жил на деревьях, а ходил, бегал и прыгал по земле. Наибольший интерес представляют недавно обнаруженные ископаемые останки южноафриканских человеко-обезьян, относящихся к подсемейству австралопитеков (*Australopithecinae*). Их самой важной чертой является сходство их мозга с мозгом человекообразных обезьян, но зубы и конечности подобны человеческим. Череп павианов, проломленный тупым предметом, были найдены поблизости от нескольких ископаемых останков. Поэтому сделали вывод, что австралопитеки были, по крайней мере, настолько развиты, что могли охотиться и убивать с помощью камней или подобных предметов. До сих пор нет доказательства, что они действительно охотились таким образом или сознательно изготавливали самые примитивные орудия.

Теперь уже доказано, что первые специально изготовленные орудия труда, найденные на сегодняшний день, относятся к плейстоцену (минимум 600 тысяч лет назад), а вероятно и раньше. Грубо обработанные каменные орудия, найденные во многих частях света, изготовлены в те далёкие времена. Однако, самые старые из до сих пор найденных орудий, действительно принадлежащих к предкам приматов, относятся к середине плейстоцена, и очень вероятно, ко второму ледниковому периоду (приблизительно 450 миллионов лет назад). Эти ископаемые были найдены на Яве (*Pithecanthropus*), а затем возле Пекина (*Sinanthropus*). Всего были найдены костные останки, принадлежащие сорока особям. Ископаемые останки показывают, что конечности питекантропов и синантропов подобны человеческим и что их тело уже заметно выпрямлено. Они не имели подбородка. Несомненно, что они пользовались огнём и вероятно, также поедали себе подобных. Пекинский человек пользовался различными, сознательно сделанными из камня, орудиями труда. А потому он должен был уметь общаться, т.к. без языка невозможно использовать орудия труда и передачу опыта сле-

дующим поколениям. Многие учёные помещают питекантропа и синантропа в первый межледниковый период раннего плейстоцена, приблизительно полмиллиона лет назад.

В других местах земного шара одновременно существовали похожие группы первобытных людей, схожие с яванским и пекинским человеком. Из них самым интересным является гейдельбергский человек, названный так по челюсти, найденной вблизи г.Гейдельберг (Heidelberg) в Германии⁽⁵⁸⁻⁶⁾. Также как яванский и пекинский, он не имел выступающего подбородка. В 1954 году в Алжире были обнаружены два ископаемых фрагмента, подобные гейдельбергской находке. Возле них были найдены каменные орудия труда. Некоторые учёные полагают, что гейдельбергский человек жил во времена второго ледникового периода, приблизительно 450 тысяч лет назад, в то время как другие помещают его в первый межледниковый период, т.е. 550 миллионов лет назад. Как бы то ни было, во всяком случае доказано с полной научной достоверностью, что предки человека уже 550 тысяч и 400 тысяч лет назад жили в таких отдалённых друг от друга регионах как Ява, Китай, Германия и Алжир. Это соответствует широкому распространению более древних человекообразных предков, чьи ископаемые останки также найдены в различных частях света.

Следующим типом является неандерталец, названный так по месту, где впервые были найдены его ископаемые останки (Неандерталь, Германия). Неандерталец жил в третьем межледниковом периоде, а возможно и до конца последнего ледникового периода, группами на обширных территориях Европы, Азии и Африки. Во всех эти регионах найдены его останки. Ископаемые останки очень схожих типов найдены и в других частях Африки и на Яве. Для этого типа характерен широкий нос, мощные надбровные дуги, сильная челюсть, большие зубы, несколько искривлённые бедренные кости, указывающие на то, что он ещё не полностью выпрямился. Нижняя челюсть неандертальца

была более развита, что указывает на формирование подбородка в начальной стадии. Развитие мозга показывает, что разговорный язык полностью сформировался.

Важнейшие открытия были сделаны в горных пещерах Монте-Кармело (Палестина). В одной из них был найден скелет женщины, в основном — неандертальский по структуре, но имеющий многие черты современного человека. В другой пещере были найдены несколько скелетов с главными чертами современного типа, но и несколько похожими на неандертальские. Если принять, как полагают некоторые исследователи, что неандерталец находится на конце другой, параллельной линии эволюции, в то время как современный человек сформировался по линии, связавшей его с типом питекантропа, через различные переходные типы, то очень правдоподобно, что неандерталец мог скрещиваться и фактически скрещивался с представителями параллельной линии. Таким образом, останки из Монте-Кармело можно рассматривать как последнюю стадию перед современным человеком, полностью прямоходящим и имеющим, между прочим, выступающий подбородок.

Итак, установлена следующая эволюционная линия. Приматы из миоцена как общие предки последующих обезьян и человека —> южноафриканские человекообразные обезьяны, имевшие скелет, приспособленный для вертикального передвижения на двух ногах, но обезьяний череп и маленький мозг —> наиболее ранние производители орудий труда, принимающие всё более вертикальное прямохождение, с большим мозгом и черепом близким по строению к человеческому, но без подбородка (питекантропы и подобные им в различных частях света) —> неандерталец, ещё более прямоходящий, с большим мозгом, но без выступающего подбородка —> скелеты из Монте-Кармело как переходный тип между неандертальской стадией и сегодняшним *Homo sapiens*, в то время как неандерталец исчезает.

В этом длиннейшем эволюционном процессе многих сотен тысяч лет надбровные дуги почти исчезли, отодвинулся прежде выступавший, рот, но выдвинулся нос, чтобы сохранить необ-

ходимое пространство для носовых пазух. Сформировался подбородок, наиболее вероятно, в результате постоянных речевых упражнений, развивавших также анатомический язык. Когда появились зачатки разговорной речи, анатомический язык должен был выполнить большую работу. Почти непрерывно, изо дня в день, от рождения до смерти, из поколения в поколение анатомический язык упражнялся, высовываясь вперёд до предела. Усиливались мускулы языка, что требовало увеличения пространства для выполнения анатомическим языком новых задач. Таким образом в течение многих тысячелетий формировался подбородок, пока не обрёл современную форму. Фактически, вся нижняя челюсть изменилась и приобрела современный вид. Освобождение рук от ходьбы имело первостепенное значение в формировании человека. Их движения координировались зрением. Человеческий глаз, также как глаза обезьян и даже некоторых предков обезьян могли различать цвет. Оба глаза могли зафиксироваться на одном объекте, что давало возможность более точно определить дистанцию, оценивать взаимные размеры объектов, контролировать движение, главным образом, руки. Дальнейшее увеличение мозга требовало большего пространства в черепе, и кости черепа сделались тоньше. В самом мозге отделы, относящиеся к обонянию, уменьшились, а относящиеся к зрению — увеличились. В течение многих тысячелетий в мозгу сформировались речевые центры.

Многочисленные доказательства сравнительной анатомии и антропологии о происхождении человека и эволюционного процесса очеловечивания подтверждает эмбриология. Она показывает, что развитие плода, от оплодотворения яйцеклетки до рождения ребёнка, повторяет более ранние стадии развития человека, т.е. в своём развитии, на каждом этапе эмбриональной формы повторяет протипы тех органов (жабры, хвост, различные мускулы, артерии и т.п.), которые затем преобразовываются в другие, человеческие органы. Остатки таких праорганов иногда можно отыскать у взрослого человека. Т.е. за 9 месяцев сво-

его развития человеческий эмбрион проходит, как в кино, миллионы лет эволюционного процесса.

Эти точно установленные факты ещё более поддерживают концепцию языкового полигенеза. Ж.Вендрие (J.Vendryés) правильно говорит, что проблема происхождения языка тесно связана с вопросом о происхождении человека и человеческого общества.⁽⁵⁹⁾

О чём же говорят эти выводы?

Прежде всего они показывают, что язык не существует сам по себе, и не “подарен” человеку, и не является “врождённым” свойством человека, но что он был создан человеком постепенно, в течение многих тысячелетий. Первые начала языка некоего вида, как способ самого простого общения, относятся к очень отдалённой эпохе раннего плейстоцена, когда первые человекообразные сознательно изготовили первые примитивные орудия труда. Это случилось именно во времена питекантропов, а очень может быть, и раньше. Форма гейдельбергской челюсти наводит на мысль, что её обладатель не мог иметь артикулированный язык. Г.Уэллс (H.G.Wells) уверяет, что гейдельбергская челюсть “совершенно не имеет подбородка, намного тяжелее и уже, чем человеческая, так что маловероятно, что язык этого создания мог там свободно двигаться”.⁽⁶⁰⁾ Другой автор придерживается того же мнения и акцентирует, что гейдельбергская челюсть и челюсти человекообразных обезьян схожи. И добавляет, что этот факт, в связи с мускульной структурой языка, указывает на то, что, вероятнее всего, гейдельбергский человек не мог использовать свой анатомический язык для речи.

Следовательно, если гейдельбергский человек и его предки до первых людей не могли издавать артикулированные звуки речи, но, однако, должны были каким-то образом общаться, а на это указывает факт, что они изготавливали орудия труда, — тогда очевидно, что они пользовались только жестами. Это тем более вероятно из-за первостепенного значения в процессе очеловечивания зрительного контроля за ручными манипуляциями. Фактом является также то, что первые формы общения и мышления в этой стадии должны были иметь конкретный характер, а это

является важнейшим подтверждением того, что первым способом общения были движения руками и другими частями тела, особенно мимикой лица, которая способна выразить различные эмоции. К этому можно добавить крики, вначале как неосознанные, связанные с чувствами, но в последствии всё более и более являющиеся символами.

На черепе яванского человека заметны начальные структуры височных и лобных долей, которые в мозгу соответствуют областям с центрами речи. Этот факт многие⁽⁶¹⁾ объясняют как признак, что этот предок уже обладал зачатками речи.

Теперь рассмотрим неандертальца, который жил в последний межледниковый период (он начался приблизительно 150 миллионов лет назад). Ископаемые останки этого существа были найдены в геологическом слое, относящемся к последнему ледниковому периоду (начался 120, а закончился 60 тысяч лет назад). У неандертальца мозговые центры речи ещё не совершенны. На основании этого, а также по виду и величине неба и форме нижней челюсти, можно сделать вывод, что неандерталец уже совершенствовал свою речь. Поэтому не слишком важно — первыми звуковыми сочетаниями были САЛ, БЭР, ЙОН, РОШ, как полагает Марр, или какие-то другие звуки. Важен несомненный факт, что звуковая речь формировалась в течение многих тысячелетий, очень и очень медленно, вместе со всей эволюцией человека и его коммуникативных органов. Постепенное появление звуковой речи произошло путём перехода к новой звуковой форме от системы жестов и движений.

Однако, даже, если не принять эту весьма вероятную гипотезу о языке жестов как о первом способе общения, но считать, что звуковая речь использовалась с самого начала, остаётся факт, что уже в начале эпохи, когда были сделаны первые орудия труда, наш предок уже широко распространился на земле. Не только останки неандертальца и последующих типов, но и ископаемые останки питекантропа, гейдельбергского человека и их современников найдены в различных местах на огромном расстоянии друг от друга. Можно ли вообразить, что наши

предки, ещё бродившие по таким обширным пространствам маленькими группами “на полусогнутых”, могли создать для себя какой-то единый язык?^(61-а)

Конечно же — нет!

Этому ничто не способствовало. Всё было против. Не нужно забывать, что те наши предки не имели ни письменности, ни литературы, ни школ, телефонов, радио, телевидения, кораблей, железных дорог, самолётов, никаких других средств передвижения, что совместно способствовало бы единству языка. Не нужно забывать, что Земля тогда была редко заселена, а контакты между отдельными группами первобытных людей были очень редки. Наши предки жили главным образом в своих группах изолированно от других.

Совершенно очевидно, что в подобных обстоятельствах была создана масса различных языков. Каждая человеческая группа создавала себе свой собственный язык. Форма и словарный запас зависел от общих материальных обстоятельств (географическая среда, климат и т.п.), в которых он жил, от отдельных обстоятельств, из которых он черпал средства к существованию (охота, рыболовство, сбор диких плодов и т.п.), а в целом — от достигнутого уровня развития.

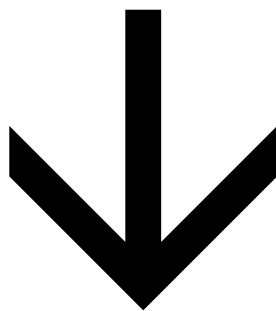
Эти многочисленные языки часто объединялись или просто поглощались один другим, создавая, таким образом, общий язык для большей группы людей. Протекали также и обратные процессы, а именно, языки распадались, если группа (род, племя и т.п.) разделялась. Однако, на пути ко всё большему объединению, создавая более высокие и более глубокие формы экономической и другой разносторонней социальной жизни, люди создавали себе также объединённые языки из элементов многих или, даже, очень многих “материнских” языков.

Язык, являясь чисто социальным феноменом, всегда преданно отражал и отражает социальную жизнь во всех её аспектах: экономических, культурных, моральных. Он сопровождает эволюцию человечества и, в свою очередь, помогает этой эволюции. Создание больших социальных объединений всегда сопровождалось созданием больших общих языков, которые, в

свою очередь, цементировали связи этих объединений. Распад больших социальных сообществ был причиной гибели их общих языков. Но т.к. в общем развитии человечество движется от некогда разного вида обобщённости (орда, род, племя, народ, нация, с одной стороны; касты и классы, с другой стороны) к объединению, так же и языки развиваются от некогда огромного разнообразия к более или менее быстрому объединению в общий язык.⁽⁶²⁾

Это несомненно научное заключение, имеет также большое значение для правильного понимания международного языка.^(62-а)

а) Ясно, что и международный язык также является социальным феноменом, как всякий другой язык. Понятно, что международный язык не устанавливается, как нечто "искусственное" против нормального течения, а, напротив, полностью гармонирует с основной линией эволюции языка в целом. И более того, он ускоряет великий процесс, свидетелями которого являются поколения новой эпохи. Именно процесс широкомасштабного сближения языков на базе общего объединения человечества. Одновременно язык и сам развивается в этой эволюции и отражает, таким образом, самую высокую степень интернациональности. Являясь выражением общечеловеческих тенденций, он, со своей стороны, помогает укреплению этих тенденций.

Глава III

Язык как социальный феномен

Язык — это социальный феномен, а не какое-то “природное” или “биологическое” явление. Это означает, что он мог возникнуть, что он развивался и развивается исключительно в рамках человеческого общества. Итак, языком управляют социальные, а не биологические законы. Это также означает, что носителем языка всегда была и остаётся какая-то группа людей. Но это совершенно не означает, что носителем языка является или должна являться только “нация”. И сейчас ещё находятся люди, которые без лишних размышлений и научной ответственности заявляют о “национальной душе” или “национальном духе” как единственных силах создания языка. Из этого часто делают выводы, что существование международного языка невозможно, так как не существует “интернациональная нация” с “интернациональной душой”.

Несомненно, слова о “глубинах национальной души”, о “её мистических созидательных силах” относительно языка (выделено переводчиком), звучат поэтически и очень впечатляют. Однако, они не имеют ничего общего с реальностью. Говорить так о языке — не менее мистически, чем сказать, например, что Ева говорила со Змием на французском.⁽⁶³⁾

Являясь социальным феноменом, язык уходит своими корнями в общество. Но, возникнув однажды, он, в то же время, сам оказывает влияние на общество. Таким образом, язык, также как и все другие социальные феномены (религия, искусство, политика, юриспруденция, мода и пр.), как все они, в зависимости от своего характера, находятся в функциональных отношениях с обществом.

1. Естественно-биологическая концепция

Чтобы иметь возможность более чётко увидеть, что означает социальный характер, полезно хотя бы в нескольких словах рассмотреть, что бы это могло означать, если бы не было социальным феноменом в двойном смысле: а) язык возник параллельно с формированием человека, помогая в то же время этому формированию; что таким образом он является **исключительной принадлежностью** человеческого общества; б) это возникновение, эволюция и дальнейшие изменения явились не как результат действий личной, произвольной воли, но как коллектива, в рамках общества, под влиянием сил, царящих в этом обществе.

В этом случае ответ мог быть только такой: язык является природным биологическим явлением. Первым, и самым главным выводом этой точки зрения, был бы вывод о том, что к языку приложимы законы естественной природы, законы биологические, а не определённые, специальные, действующие в человеческом обществе.

Разумеется, никто не отрицает необходимость и дальше изучать законы природы, чтобы всё лучше и лучше понимать мир и человека как часть этого мира в его другом качестве, т.е. естественно живущего существа. Специальная физиология органов речи, центров речи и слуха в мозгу человека, особенно, если это изучение простирается на эволюцию этих органов, — весьма полезна. Но эти исследования, хотя и очень помогающие пониманию механизма речи и её развития, однако, не проливают свет на сущность самого языка. Многие другие живые существа издают, в силу своей природы, различные, очень разнообразные звуки или шумы и, таким образом, **инстинктивно** выражают некоторые свои основные чувства: голод, страх, страсть и т.п. Однако, эти звуки и шумы имеют некое значение не сами по себе как сознательные указатели этих чувств или состояний, но только как **целостная часть** конкретного поведения, присущая самой природе этого животного. Некоторые животные, главным образом домашние, могут быть “обучены” реагировать на различные слова или, в некоторых случаях, даже на нарисованные фигуры. Они “учатся” также что-то требовать:

например, собаки — лаяньем или кошки — мяуканьсм. Попугай повторяют целые слова в различных языках. Некоторые уверяют, что даже орангутанги, собаки, овцы могут быть обучены произносить несколько слов.⁽⁶⁴⁾ Однако, это не является языком (речью) в подлинном смысле, а именно в смысле особого инструмента, организованного как система символов, представляющая идеи и служащая для сознательного общения и мышления. Животные могут лаять, мяукать, ржать, чирикать, блеять и т.п., но они не могут говорить. Когда они издадут эти различные звуки или шумы, это является обобщенным выражением конкретного чувства: радости, страха, боли, голода, а не как нечто конкретное. Хотя физиологическая база разговорного языка есть способность издавать звуки, и эта способность всё время совершенствуется параллельно с развитием языка, однако, она сама по себе ещё — не язык. Только когда определённый звук или сочетание звуков привязываются к определённом объекту или идее, воспринимая таким образом какое-то значение от другого человека, то, признанный как таковой, социально, возникает звуковой язык. Этим языком обладает только человек, и он приобретает его в процессе своего формирования как человек.

Речь идёт о том, что именно этот язык пытались представить как естественное, биологическое явление, а не как социальный феномен.

Такая “естественная” идея служила отправным пунктом для многих теорий с различными вариантами.

Некоторые, например, А.Шлайхер (A. Schleicher) и его последователи, главным образом из школы “младограмматиков”, рассматривали сам язык как естественный организм. А.Шлайхер говорил: “Языки живут также, как естественные организмы. Они, конечно, не ведут себя как люди и не имеют истории, и потому мы употребляем слово “жизнь” в более узком, буквальном смысле.⁽⁶⁵⁾ По мнению А.Шлайхера, жизнь языка, в сущности, не отличается от жизни всех других “живущих организмов — растений и животных”. Как животные, языки имеют периоды роста от самых простых структур к более сложным формам и периоды старения, во время которых языки всё более и более отдаляются от достигнутого наивысшего уровня развития, их

формы дегенерируют. “Естественники называют такой процесс. — говорит Шлайхер. — обратной метаморфозой. Ещё более ясно он выразил эту точку зрения в своей книге “Теория Дарвина и лингвистика” (Weinag. 1873. стр.7): “Языки — это природные организмы, которые не зависят от человеческой воли, но рождаются, растут и развиваются по собственным законам, а затем стареют и умирают”.⁽⁶⁶⁾

Другие полагают, что языки — это врождённое свойство, принадлежащее по самой природе человеку, т.е. неотделимая часть его самого как биологического создания, совершенно адекватное крику и шуму, производимыми животными. Эти теории, фактически, идентичны так называемой предъязыковой, т.е. до появления человека, стадии, когда на земле жили предшественники человека из животного мира, которые владели языком не только на уровне человекообразных, но даже — Homo sapiens. Возможно, ничто так хорошо не иллюстрирует сущность этой точки зрения, чем исторический факт, что даже святой Василий (s-hta Bazilo) был обвинен Эвномием (Eunomius) в атеизме, т.к. полагал, что дети “учатся говорить”! Т.е. язык (не речевой аппарат) является врожденным свойством, так что дети не приобретают его из окружающего мира, а он (язык) существует как составная часть их человеческой природы, и не важно, в этом контексте, получено данное свойство от сверхъестественных сил или нет.

2. Язык и общество

В отличие от взгляда на язык, как на естественное, биологическое явление, в том или ином смысле, другие ученые уже давно начали рассматривать его как социальный феномен. Они поняли, что, если язык есть нечто существующее только в человеческом обществе, то он может быть объяснён только как социальное явление. Эта концепция также служит отправным пунктом для многих теорий, отличающихся между собой и нередко противоречащих друг другу. Но они имеют одну общую главную черту: они рассматривают язык как социальное явление, что, фактически, и есть. Сегодня не найдётся ни одного

сколь-нибудь серьёзного филолога или социолога, который не согласился бы с этим фундаментальным положением. Другое дело, что существовали и существуют различные интерпретации этого факта.

Наибольшие заслуги в этом корректном учении о языке имеет известный шведский лингвист Фердинанд де Соссюр (F. de Saussure). Он четко указал на различие между языком (*langue*), речью (*parole*) и способностью говорить (*langage*), принадлежащим "кроме того, к сфере индивидуальной и к сфере социальной". О самом языке Ф. де Соссюр говорит:

"Но что такое язык? Мы не смешиваем его с понятием: способность говорить; он только определённая часть, основная, и это верно, способности говорить. Он — одновременно и социальный продукт способности говорить (*faculté du langage*) и совокупность необходимых соглашений, принятых обществом, чтобы разрешить индивидуумам применение этой способности."⁽⁶⁷⁾

В другом месте он пишет:

"Отделяя язык от речи, одним ударом отсекается: во-первых, социальное — от индивидуального; во-вторых, сущность — от второстепенного и, более или менее, случайного".⁽⁶⁸⁾

Язык не является функцией субъекта, который говорит. Язык — это продукт, который индивидуум, как бы регистрирует пассивно. Напротив, речь — результат индивидуальной воли и интеллекта. В этой индивидуальной деятельности необходимо различать: а) комбинации, посредством которых говорящий субъект использует язык для выражения своих собственных мыслей; б) психофизический механизм, который позволяет ему публично представить внешнему миру эти комбинации. Язык же является:

"...социальной частью способности говорить, внешней стороной по отношению к индивидууму, который самостоятельно не может создать или изменить его. Он (язык) существует на основе некоторого соглашения, заключённого между членами общества... Мы только что видели — язык является социальным институтом, но многие черты отличают его от других институтов: политических, юридических и т.п."⁽⁶⁹⁾

Вот еще несколько мнений о социальном характере языка. Один из самых известных лингвистов всех времён Энтон Мейле (Antoin Meillet) писал в своей книге “Историческая и общая лингвистика”:

“Фактически, языки не существуют и не развиваются сами по себе. Язык — это институт, принадлежащий коллективу, и изменения, которым он подвергается, связаны с историей этого коллектива.”⁽⁷⁰⁾

Другой великий французский лингвист Ж. Вендрие (J. Vendryès) также рассматривал язык как социальное явление. “Лоно общества, — говорил он, — это место, где формируется его язык”.

Язык, согласно мнению французского ученого, возник тогда, когда люди почувствовали необходимость общения друг с другом, и продолжал:

“Язык, являющийся социальным фактором — “*par excellence*”, есть результат социальных контактов. Он становится одним из самых сильных связей, которые объединяют общество, и он обязан своим развитием существованию социальной группы”.⁽⁷¹⁾

Поэтому Ж. Вендрие полагает, что только исследуя социальную роль языка, можно получить представление, чем он, в действительности, является.

С другой стороны, не только Марр, в Советском Союзе, рассматривал язык как социальный феномен. Не загромождая текст цитатами, упомяну только советского учёного А.С. Чикобабу, который на вопрос: “Что такое язык?”, отвечал ясно и без колебаний:

“Язык — это социальный феномен”.⁽⁷²⁾

Хотя на сегодняшний день, в общем-то, отброшена мысль, что язык — это природное явление, однако идея о “естественности” языка появляется, в той или иной форме, даже в наши дни, под тем или иным предлогом, с той или иной целью. Когда, например, говорят о национальных языках, как о “естественных”, а о языке международном, как об искусственном, снова появляется фетиш “естественности”.^(72-a) И это имело место не только в беседах обычных людей

(неспециалистов) или в газетных статьях, но даже в различных учебниках и трудах известных лингвистов Запада и, особенно часто, в Советском Союзе. Если бы употребление этих неподходящих терминов имело только характер некоего поэтического сравнения, это было бы не столь важно. Но это не так. Эти термины употребляются в прямом смысле, как будто национальные языки являются какими-то “природными” ростками “естественно” живущего организма — нации, в то время как Международный язык является чем-то “искусственным, в смысле — **противоестественным**, “придуманым” одним человеком, а потому лишённым всякой возможности развиваться, без литературы и живого характера... и в конечном результате, что он вовсе не является языком. Такие абсурдные высказывания, давно повторяемые без зазрения совести даже известными лингвистами, показывают не только полное игнорирование элементарных фактов относительно Эсперанто, но они в то же время показывают недостаточное понимание социального характера языка в целом.

Не случайно, что в огромном труде А.Мейле (A.Meillet) и М.Коэна (M.Cohen) “Les Langues du Monde” (“Языки мира”), в котором представлены все сколько-нибудь важные языки, Эсперанто не нашлось места. Согласно этому произведению, число языков в мире, не считая “местные языковые формы”, колеблется между 2500 и 3500. На 29 из этих языков говорят более чем по 10 миллионов человек. Около 25 языков важны с точки зрения распространённости в мире (например, самый распространённый — испанский; он является государственным языком во многих станах мира; *примечан. переводчика*) и по количеству печатной продукции, издаваемой на этих языках, в то время как на 40 – 50 языках печатается некоторое количество литературы, заметной или не очень.⁽⁷³⁾ Почему бы не добавить и язык Эсперанто к этим 25 — “имеющим значение в связи с печатной продукцией” или, по крайней мере, хотя и несправедливо, к тем 40 – 50 языкам, на которых издаётся какая бы то ни было литература, “значительная или незначительная”? Просто преднамеренно^(73-а), и совершенно ненаучно, закрывают глаза на действительность, и в своём самомнении думают, что можно отрицать всё.

Также не случайно, если автор решится представить Эсперанто среди языков мира, как это сделал Марио Пэи в книге “The World’s Chief Languages” (“Главные языки мира”), то тотчас страхует себя фразой, что включение в книгу языка эсперанто “нужно рассматривать не как защиту или признание автором его принципов или основ построения”.⁽⁷⁴⁾

Что с полным правом можно требовать от лингвистов, если они действительно хотят оставаться преданными своей науке, так это — не “защищать” или “одобрять” какой-либо язык, а просто знать Эсперанто и признавать его как социальный факт со всеми вытекающими отсюда последствиями. За исключением нескольких достойных уважения филологов, остальная масса учёных языковедов этого не делают. Если они открывают какой-то забытый язык, какого-то, отрезанного от мира, племени в Центральной Африке, они организуют экспедицию, тратят определённые суммы, издают книги об этой новой находке. Но когда Международный язык представляется своими различными применениями в жизни, приносит свою удивительную литературу прямо к порогам кабинетов филологов, то они не видят или не хотят воспринимать его как реальность.⁽⁷⁴⁻¹⁾

Применение международного языка эсперанто на практике является само по себе достойным внимания, даже если оставить без внимания его идейную сторону, социальную роль и созданные на этом языке культурные ценности (таково обычно первое знакомство с языком). Уже в этом случае, отбросив всё остальное, лингвистическая наука должна была бы серьёзно заняться его изучением. Такое изучение Эсперанто, *не как теоретического проекта, а как социального факта*, могло бы во многом способствовать лучшему пониманию тех социальных сил, в широком смысле этого слова, которые вызывают язык к существованию, заставляют его развиваться, помогают или мешают его распаду, т.е. затрагивают все вопросы, которые интересуют лингвистику.

Но лингвистика, за некоторым исключением (повторяю ещё раз), или игнорирует этот факт, а потому замалчивает его, или, если в целом и высказывается, то делает такие априорные утверждения и высказывает такие абсурдные мысли, что все эти разговоры не имеют ничего общего ни с реальностью, ни с

элементарными требованиями научной трактовки. Так ведут себя не только принципиальные противники международного языка и, даже самой идеи подобного языка, но и филологи, которые лично не симпатизируют ему и, которые по-иному смотрят на язык как на социальный феномен, но не делают окончательных выводов из этого, в принципе, корректного исходного пункта. До сегодняшнего дня позиция учёных-лингвистов относительно международного языка представляется, вообще говоря, самым плохим доказательством, которое она (позиция) может дать не эсперанто, а им самим. Первый шаг, который необходимо сделать, чтобы убрать плохое впечатление, — это освободиться от фетиша “естественности”, когда речь идёт об эсперанто, как, в общем, освободились от этого фетиша, изучая все другие, не только национальные, языки. Сделав этот шаг, наука двинется вперёд.

1. Природная и социальная среда.

Внешние природные силы привели к возникновению человека. Но человек — не беспомощная кукла, швыряемая во все стороны волнами внешних физических явлений. С того момента, когда человек построил первые сооружения, чтобы защитить и упрочить своё существование, он начал приспосабливать, подчинять, изменять природные силы на пользу себе. Оставаясь частью природы, он вошёл в новый, высший мир, мир человеческого общества, управляемый иными, *социальными*, принципами и законами.

Человек — существо социальное, и таковым, вне сомнения, был его предок. Индивидуум всегда принадлежал и сейчас принадлежит к какой-либо социальной группе. Конкретный характер любой социальной группы зависит от многих факторов, как внешних (окружающая среда), так и внутренних (социальные институты, созданные в самой группе в процессе её эволюции). Но внешние — всё больше теряют своё значение по мере подчинения природных сил интересам человека. И даже больше, эти силы проявляют своё влияние не прямо, непосредственно, а через изменения отношений к социально значимым ценностям.

Эти силы, которые влияют на формирование каких-либо человеческих групп и придают им особый характер, влияют также и на их язык. Когда бы ни формировалась какая-либо группа как социальная единица со специфическими чертами, она создавала для себя свой язык на базе конкретных потребностей, зависевших от достигнутого уровня развития и всех элементов на неё влияющих. Язык, в свою очередь, помогал сплочению социальной группы и усиливал чувство принадлежности данной группе.

На язык влияет физическое и социальное окружение. Социальная среда — это многочисленные социальные силы, такие как религия, политическая организация, искусство, моральные концепции. Всё это прямо отражается на языке. Само их появление не может не сопровождаться языковым выражением. Напротив, физическое окружение, например, топографическая структура региона (горы, равнины, берег моря и т.п.), климат, флора и фауна, минералы, отражается в языке настолько, насколько они имеют конкретную ценность для данного общества. Недостаточно, если в окружающей природе имеется какое-то животное, растение или минерал, чтобы оно имело своё имя. Необходимо многое другое. Это животное, растение, предмет должны стать, в каком-то смысле, социально важными, чтобы войти в язык.

Индейцы племени **ноотка** живут на берегу моря. В их языке имеется огромное количество точных названий различных морских рыб, животных и растений. Это же можно заметить и в языке других индейских племён, живущих у берега моря. Их словари, в этом отношении, могут быть сравнимы со словарём басков в юго-западной Франции и северной Испании или словарным запасом любого другого народа, занимающегося рыболовством.

Напротив, в словаре южных индейских племён **паиуте**, которые живут на пустынных плато Аризоны, Невады и Утахо, можно найти массу специальных топографических выражений. Они не были бы созданы, если бы не были необходимы для жизни в полупустынных регионах. Также и племена **ноотка**, конечно, не имели бы такого большого количества слов для обозначения морской фауны, если бы они добывали пищу, охотясь на земле

или занимаясь сельским хозяйством, а не рыболовством, даже если бы и жили в этом же регионе.

Другие индейские племена, пищей которых, главным образом, являются корешки и семена диких растений, то есть, вегетарианская, имеют богатый словарь именно в этой области. У них есть различные обозначения для одного и того же растения, в зависимости от цвета, стадии развития, приготовлено это растение или сырое и т.д. С другой стороны, многие индейские племена используют только одно слово для обозначения луны и солнца, и только из контекста можно понять, о чём идёт речь.⁽⁷⁵⁾ Эти объекты, конечно, не находятся в центре их материальной и духовной жизни. Во всех языках заметно такое же влияние окружающей природы на социальную сторону жизни. В арабском языке много слов, характеризующих лошадь, т.к. в жизни арабов это животное играет огромную роль. В языке народа сомали имеется много специальных выражений, относящихся к верблюду, т.к. жизнь этого кочевого народа тесно связана с этим животным. А хорваты, которые видели верблюда только в зоопарке, не имеют слова для обозначения верблюдицы и верблюжонка. Но в хорватском много слов, относящихся к сельскохозяйственному скоту: быкам, овцам, лошадям, которые играют особую роль в их хозяйстве. Они различают этих животных не только по возрасту полу и цвету, но и по многим другим характеристикам.^(75-а)

Совершенно точно, что племена, живущие на природе, имеют острое зрение, и ничто не мешает им отличать бесчисленные оттенки цвета в красоте величественной природы. Однако в языке многих племён часто отсутствуют названия простых цветовых оттенков. Только производство красок, красящих веществ и цветных объектов явилось причиной появления огромного списка названий цветовых оттенков, всевозможных нюансов, главным образом в языках народов, которые создали красильную промышленность.^(75-б)

Подобными примерами можно было бы легко заполнить всю книгу. Природная среда влияет на язык только через социальное окружение или, как говорит Э. Сапир (E. Sapir):

“Другими словами, относительно языка, всё влияние окружающей среды ограничивается. в конечном счёте, влиянием социального окружения”. (76)

Социальное окружение также прямо оказывает влияние на язык. Таким образом, язык, между прочим, передаётся от поколения к поколению. Так называемые ониматопеические слова, которые дети, кажется учат, подражая “звукам природы”, являются полностью имитацией слов, которые дети слышат от своего окружения. Они говорят “да-да”, так как во Франции отец, качая ребёнка на колене (имитируя скачку на лошади), говорит “да-да”. Они едят яйцо “a la coque”, — отсюда и “ко-ко”. И они имитируют именно это. Не лошадь или курицу, которых современные дети, конечно же, никогда не видели!

В хорватском, сербском и других языках, народы которых, до недавнего времени, жили большими семьями (zadruga), имеется много слов, отражающих родственные отношения. В сербскохорватском, например, есть отдельные слова дяди как брата отца и дяди как брата матери, дяди как мужа сестры матери и дяди как мужа сестры отца. Это упрощало понимание для других членов семьи. Совместное проживание в больших объединённых семьях требовало таких языковых различий. С исчезновением подобных “семейных объединений” исчезали также и эти выражения. Новое поколение в Югославии почти не знает их. Все стали просто “дядями” и “тётями”! (76-а)

Отдельные характерные черты, которые выделяют племенные языки, по степени влияния на них окружающей среды, в принципе, соответствуют характеру, так называемых, специальных языков в рамках более развитых общих языков.

— * —

Глава IV

Факторы, влияющие на развитие языков

Язык, с одной стороны, подвержен влиянию факторов, которые, в большей или меньшей степени, оказывают воздействие на другие социальные явления, а с другой стороны, сам является одним из факторов, и даже очень важным, который активно влияет на развитие общества.

В эволюции языков ясно прослеживаются две противоположные тенденции: стремление к разделению и стремление к объединению. Это не что иное, как проявление двух антагонистических категорий факторов, которые неразрывно, но с различной степенью во все эпохи и в любой среде влияют на язык. К первой категории относятся такие дифференцирующие факторы, которые оказывают разобщающее, разрушающее влияние. Вторая категория состоит из объединяющих факторов, которые сдерживают распад, разобщение языка.

1. Разъединяющие факторы

Главными дифференцирующими факторами являются:

а) **ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ ФАКТОР.** Климат, высокие горы, большие моря, широкие реки, непроходимые болота, густые леса, безжизненные пустыни, несомненно, разделяют людей, но в основном, на примитивной стадии развития. Под влиянием этих условий группы людей не только создают свои отдельные языки, но их языки остаются без взаимных контактов. Это, разумеется, препятствует сближению языков.

Географический фактор имеет большое значение на низших ступенях

развития цивилизации. И даже сегодня он не потерял своего значения. Группы людей, живущие изолированно и редко вступающие в контакты с другими людьми, имеют свой обособленный язык, непонятный вне данной среды.

Известно, что аборигены как Северной, так и Южной Америки говорят на совершенно разных языках, количество которых огромно. Каждое племя, зачастую насчитывающее всего несколько сотен человек, имеют свой собственный язык.

В Южной Америке только языки племён тупи-гуарани более или менее понятны многим другим племенам. Эти языки оказали влияние также и на португальский язык в Бразилии. Другие же языки разнятся от племени к племени и даже от хижины к хижине настолько, что лишь члены одной семьи понимают друг друга.^(77-а)

Интересное описание многочисленных языков Северной Америки дал уже в 17-м столетии Габриэль Сагард (Gabriel Sagard) в своей книге “Большое путешествие в страну гуронов”.⁽⁷⁸⁾ Сагард уверял, что в тех краях, которые он посетил, очень редко бывало, чтобы две деревни говорили на одном языке. Э.Сапир, посвятивший большую часть своей жизни изучению культуры американских индейцев, говорит о бесчисленном количестве индейских языков:

“Местные жители Америки, проживающие севернее Мексики (численностью около 1150000), в момент открытия Америки Колумбом говорили на огромном количестве языков, большая часть которых употребляется и сегодня, хотя во многих случаях это — всего лишь желание проявить индивидуальность. Некоторые из этих языков, как, например, “siouxi” и “navaho”, находятся ещё в состоянии расцвета”.⁽⁷⁹⁾

Только в Калифорнии, на площади в 150000 кв. миль, Кробэр (Kroeber) насчитал 31 языковую семью и 135 диалектов. Как было сказано,⁽⁸⁰⁾ в сочинении “Языки мира” приводится более чем 100 языковых семей и множество изолированных языков сегодняшней Америки.

Аборигены Австралии, чья численность составляет около 200000 человек, говорят минимум на 500 языках.

Такая же ситуация и в Азии. Языки этого огромного континента весьма различны, а их число — огромно. “Лингвист, — говорит М.Пэй, — разумеется, найдет в Азии и языки первого ранга, с точки зрения количества говорящих, употребляющихся в коммерции, политике и культуре. Но он также встретит там “мириады” менее значительных

языков, на которых говорит незначительное количество людей и которые никогда не достигали высокого уровня".⁽⁸¹⁾ В Бирме, например, главным образом под влиянием династии Алаунпая (Alaungpaya) возник бирманский язык, на котором созданы достойные упоминания литературные произведения. В те времена он был средством общения не только в Бирме, но и в Аракане (Arakanio) и Пегу (Pegu), хотя обе эти области находились под британским владычеством (Аракан — с 1826г., Пегу — с 1852г.) и затем вошли в состав Британской Бирмы.^(81-а) Однако, в горных районах изолированно проживало много независимых племён, которые сохранили свой собственный племенной язык. Один из путешественников, капитан Гордон, описал эти языки. На некоторых из них говорит всего лишь 30 — 40 семей. Языки столь различны между собой, что даже соседние племена не понимают их. "Сотни американских языков, — пишет Антуан Мейс (A.Meillet), — не являются родственными, т. к. большая часть континента имеет малую плотность населения и поэтому отдельные группы индейцев живут изолированно".⁽⁸²⁾

То же наблюдается и в любом другом регионе. Если человеческие группы живут изолированно, разделены на маленькие общины, мало контактирующие между собой, они создают свой собственный язык, который неизвестен за пределами определённого языкового сообщества.

Такова разделяющая роль географического фактора главным образом действующего на низших стадиях развития цивилизации и языкового уровня. Тот факт, что на подобном низком уровне развития географический фактор вместе с другими дифференцирующими элементами так сильно влияют на разделение языков, подтверждает концепцию о существовании множества языковых вариаций на стадии первоначального формирования языков.

б) **Экономико-социальные факторы.** Существует много факторов, относящихся к этой группе. Наиболее важные из них следующие:

1) **Кастовые или классовые факторы.**

С развитием человечества, с расслоением примитивного сообщества на различные антагонистические классы изменялся также и язык. Всякое экономическое различие означало одновременно и социальное расслоение, и это обязательно приводило к языковой дифференциации. Если различные классы резко отделены один от другого, то их языки также сильно отличаются. И, напротив, если классы имеют оживлённые

взаимные контакты, их языки выказывают меньшие отличия.

Кастовое общество древней Индии представляет типичный пример почти полной кастовой изоляции. Поэтому в Индии касты имеют свои собственные языки, начиная с высшей касты брахманов, которые говорят на санскрите, до низших слоёв, находящихся вне каст, говорящих на различных пракритских диалектах. В языке дравидов южной Индии и северной части Цейлона даже род организован не по половому признаку, а по кастовому: “высший” член семьи и “низший”, так что женщины и даже богини (в религии) могут находиться в самом низшем ранге, на уровне категорий неодушевлённых предметов.⁽⁸³⁾

В Римской империи латинский язык был вначале языком патрициев. Рассматривая формирование этого языка Макс Мюллер сделал вывод:

“Если бы плебеи правили вместо патрициев, латинский язык сильно отличался бы от того, которым пользовался Цицерон”.⁽⁸⁴⁾

Подобное явление замечено и в средневековой феодальной Европе. Правящий феодальный класс — дворянства, духовенства и учёных, был социальным носителем средневекового латинского языка, в то время как подневольная народная толпа говорила на самых различных языках и диалектах. В Англии, после нормандского завоевания, правящий класс говорил на нормандском диалекте французского языка, в то время как крестьяне и ремесленники в течение какого-то времени говорили на саксонском.

В современную эпоху различные социальные слои менее изолированы друг от друга. Из-за влияния и всё более усиливающегося значения объединяющих факторов, классовые факторы больше не играют такой роли, чтобы они могли создать совершенно отдельный язык. Было бы, однако, ошибкой думать, что классовое влияние совершенно исчезло. Различные социальные слои часто имеют тенденцию к компактному проживанию в отдельных кварталах, так что и с территориальной точки зрения они оказываются разделёнными. Отношения между ними в этом случае становятся внешними, формальными и редкими. Последствия таковы, что языковые выражения этих групп также дифференцируются. Рассматривая язык буржуазии и рабочих в Лондоне, Париже или в каком-либо другом большом городе, можно легко заметить, что дистанция между ними не малая. “Существуют классы и подклассы со своими языковыми особенностями”, — говорил Мейе (A. Meillet).⁽⁸⁵⁾

Вот что пишет Маргарет Шлаух (Margaret Schlauch) о лондонском “кокни” (cockney):

“В рамках англо-говорящего мира можно найти самые острые контрасты между лондонским диалектом кокни, с одной стороны, и языком высших классов (“upper-class”), с другой стороны. Лондонцы не стыдятся этих контрастов. Они спокойно относятся к существованию классовых различий в языке”^(86, 86-а)

Мартр определённо ошибается, преувеличивая влияние классов на язык. Но было бы также ошибкой отрицать более или менее значительную роль классов в развитии языка, в зависимости от конкретной структуры данной социальной группы. Еще раз обратимся к А.Мейе: “Всякое социальное различие имеет шанс выразить себя в языковом различии”.

2) Профессиональный фактор. Разделение труда и, как следствие, появление профессий стало причиной возникновения отдельных профессиональных или технических языков. Где бы ни произошло разделение труда, должно произойти также и разделение языка. Любая профессия, любое занятие имеет свои собственные термины, которые чаще всего неизвестны вне данного круга профессионального общения. Чем больше человечество развивается, тем происходит большая специализация профессий. Чем больше физических и духовных сил отдаёт индивидуум своей профессии, тем больше специализируется данный профессиональный язык.

Если для городского жителя, в общем-то, достаточно слов “овца”, “баран”, “ягнёнок”, то английский фермер “испытывает необходимость иметь термины для обозначения “овцы-однолетки”, “овцы-двулетки” и уточнить — “нестриженная двулетняя овца” (teg), более общее выражение “twinter”, т. е. двузимняя. В Уэльсе овцеводы используют большое количество названий различных маркировок ушей овец, принадлежащих разным хозяевам.⁽⁸⁸⁾ Много профессиональных терминов имеется у овцеводов Далмации и, вероятно, в других районах Югославии и иных странах. Но обращает на себя внимание тот факт, что овцеводы Далмации, использующие огромное количество специальных овцеводческих терминов, не знают названий многих горных цветов, трав и других растений, которые их непосредственно окружают. Но, разумеется, любой ботаник знает названия этих и многих других растений. То же самое мы заметим в профессии зоолога, медика, юриста, историка, электрика, портного и других специалистов.

Полный словарный состав многих развитых языков имеет сегодня сотни тысяч выражений. Среди них только относительно небольшое количество является общим для всех, говорящих на данном языке. Даже в Англии, стране с высокоразвитой культурой и цивилизацией, крестьяне в середине прошлого века знали не более 300 слов (согласно анкетированию, проведённому Максом Мюллером):

“Хорошо образованный англичанин ... редко употребляет в разговоре более 3000 - 4000 слов, а умеющие говорить красноречиво, могут иметь словарный запас до 10000 слов”.⁽⁸⁹⁾

Англичанин Д'Орсэй (D'Orsay) много лет назад провёл исследование, из которого сделал вывод, что “количество употребляемых слов у неграмотного и полуграмотного человека не превышает 500”.⁽⁹⁰⁾ Президент Linguaphone Institute сделал вывод, что обычный (среднестатистический) человек использует в обычной жизни около 1000 общеупотребительных слов и редко переходит границу в 1200 слов.⁽⁹¹⁾

Хотя Марио Пэй, кажется, считает такую оценку слишком низкой, однако определённо об этом не высказывается. Он только сообщает дополнительную информацию, полученную в результате исследования, проведённого группой психологов. Согласно результатам исследования, 4-летний ребёнок “знает более 5000 слов”, а 10-летний — 34000 слов! По другим источникам, представленным М.Пэй, взрослый идиот знает 10000 слов, в то время как нормальный среднестатистический взрослый обладает запасом в 35000 – 70000 слов!⁽⁹²⁾

Своё собственное мнение М.Пэй выразил следующими словами:

“Говорят, полный английский словарь состоит, приблизительно, из полумиллиона слов. Сомневаюсь, что какой-либо человек знает более чем одну пятую из этого количества”⁽⁹³⁾

Весьма вероятно, что подобное утверждение — слишком оптимистично. Конечно же, такого человека нет. Более реально следующее мнение М.Пэй:

“Сотни тысяч слов, хотя и зафиксированы в словарях, относятся к специальной научной или профессиональной речи (*parlances*), и не употребляются, и даже неизвестны подавляющему большинству. Любое современное поле деятельности имеет свою специальную терминологию, которая понятна только тем, кто ею занимается. Есть специальные словари: одни для медиков, другие для ботаников, психологов,

музыкантов...⁽⁹⁴⁾

Безотносительно к мнению М.Пэи или кого-либо другого можно предположить, что словарный запас, общий для всех членов данного языкового сообщества, включая также самые непросвещённые слои взрослого населения (и именно эта часть населения играет решающую роль), содержит не более 1% всего словарного состава. Такая оценка — оптимистична, т. к. означает, что даже самые необразованные знают около 4000 слов, в то время как средние образованный человек употребляет от 4000 до 5000 слов (разумеется для тех языков, в которых слово имеет автономное лингвистическое значение).⁽⁹⁵⁾ Все остальные слова относятся к профессиональным терминам. Сюда же следует отнести и специальные выражения, возникшие на базе различных дополнительных видов человеческой деятельности, таких, как спорт, охота, путешествия и т.п.

3) Фактор полового различия. Выше уже был упомянут женский язык жестов. Отмечено, что у различных примитивных племён звуковой язык женщин очень сильно отличается от мужского. Кафрские женщины (имеется ввиду южно-африканский народ коса; примеч. переводчика) употребляют много таких слов, которые отсутствуют в языке мужчин. Согласно табу, женщинам запрещается употреблять слова, схожие по звучанию с именами их самых близких родственников-мужчин. И в других языках африканских племён слова-табу также оказывают влияние на дифференциацию языка. Подобный феномен заметил Тибор Секели (T.Sekelj) у нескольких индейских племён Бразилии.

В Африке также найдены племена, в которых женщины говорят на совершенно другом языке. Этот феномен объясняют тем фактом, что победившее племя истребило всех мужчин побеждённого племени и забрало их женщин.

Очень интересен случай огромного различия между мужским и женским языком в племени "yana" в северной Калифорнии. Мужская форма употребительна только между мужчинами, в то время как женская используется не только в разговоре между женщинами, но и между мужчинами и женщинами. Причиной существования такого женского языка не является табу, т. к. женщины свободно пользуются мужской формой языка, когда цитируют слова мужчин. Весьма вероятно, ограниченные женские формы языка указывают на менее высокий социальный статус женщины в этом обществе.⁽⁹⁶⁾

В древней Индии женщины говорили на праkritском языке.

Пракритские языки вошли в литературу, во-первых, потому, что в санскритском театре женские персонажи, не важно, изображали они героинь из благородных слоёв общества или нет, представлялись говорящими на пракритском языке, в то время, как служители религии и представители высших светских слоёв употребляли санскрит. В средние века, в феодальную эпоху, женщины в Европе обычно не говорили на латыни. Считают, что Данте первым предпринял попытку через речь женских персонажей ввести в итальянскую литературу язык народа (*lingua volgare*). Фактически же, подлинной причиной явилось то, что в Италии, также как и в других странах, начался процесс внутреннего распада феодальной системы и усиление роли нарождающейся буржуазии. В отношении языка этот процесс помог обрести равенство низшим и средним слоям общества, включая представителей религии низших рангов, а также и женщинам, независимо от их сословной принадлежности.

Вне этих причин также можно найти различие между мужскими и женскими языковыми формами в зависимости от трудовой деятельности, присущей им, главным образом, на более низкой стадии развития. Мужчины, например, занимаются охотой, в то время как женщины собирают дикие плоды или выращивают растения. Под влиянием этих разных занятий также и разговорный язык оказывается различным, главным образом, в словарном составе. Подобное явление можно очень хорошо наблюдать в среде эмигрантов и беженцев: женщины, обычно в первую очередь вводят в свою речь из нового языка слова, относящиеся к ведению домашнего хозяйства, а мужчины начинают употреблять профессиональные термины, присущие их новому месту жительства.

Как видим, языковое различие по половому фактору не является биологическим, как может показаться на первый взгляд, а является экономическим и социальным фактором. Биологический пол, как таковой, не оказывает сильного влияния на язык, по крайней мере, сегодня, но он может стать весьма значимым, если каждый из двух полов будет заниматься только определённой работой.

4) Религиозный фактор. Почти все религии употребляют в своих ритуалах особый язык. В древнем Риме, по уверению Квинтилиана, сами служители культа с трудом понимали свои священные гимны. В буддистских храмах Японии, пишет М.Пэй, жрецы бормочут молитвы и священные псалмы на санскрите, уже почти не понимая их смысла. Все

христианские религии имеют свой язык, сильно отличающийся от повседневного. Католическая церковь применяет, главным образом, латинский язык, хотя в некоторых странах используются старые или специальные формы других языков. Славянская православная церковь ведёт богослужение на старославянском, греческая — на старогреческом... Также и другие религии имеют свои особые языки. Священный язык Ислама — это традиционный арабский литературный язык. Южный буддизм применяет, так называемый, язык пали. “Назначение религиозных обрядов (вести человека в особый мир, мир святости) требует также и особого языка”, говорит Meillet.⁽⁹⁷⁾

Когда какая-либо религия имеет широкое территориальное распространение, тогда, разумеется, и данный религиозный язык имеет такое же распространение. Однако из-за своих застывших античных форм этот язык обычно не является средством общения в привычном смысле слова. В большинстве случаев, такой язык имеет значение символа религиозного единства. Но часто оказывается, что приверженцы этой религии принадлежат к высшему социально-экономическому слою общества или образует его основную часть. В этом случае религиозный язык идентифицируется с кастовым или классовым языком. Таковыми, например, были санскрит брахманов и средневековая латынь. Вообще говоря, чем более важную роль играет религия в какой-то социальной группе, тем большее значение имеет её язык и тем более сильно ощущается её влияние. В средневековой Венгрии употребление народного языка считалось преступлением, и были случаи, когда таких “преступников” осуждали на казнь.

Другие факторы также способствуют разобщению. Например, передача языка от старого поколения новому, различные политические препятствия межрегиональным и интернациональным связям и многое другое. Разумеется, и такие явления играют более или менее важную дифференцирующую роль, и пренебрегать ими нельзя.

Важность специальных языков, как дифференцирующего фактора станет понятна, если учесть, что, например, племя в южной Индии, насчитывающее около 800 человек, “имеет 3 специальных религиозных языка, один сленговый и два диалекта, принадлежащих различным социальным группам”.⁽⁹⁸⁾

2. Объединяющие факторы

Существует много явлений, которые оказывают объединяющее влияние в процессе языковой эволюции. Эти факторы можно разделить на три основные группы: социально-экономическую, техническую и просветительскую.

а) Социально-экономические факторы. В сущности, вся история человечества — это история движения к более высоким технологиям производства на базе новых, всегда более совершенных орудий труда. Этот путь, который в течение длительного времени направлял человечество к высшим, более широким формам совместного проживания, вел его от примитивной орды через род, племя, народ к сегодняшним нациям и продолжает вести к будущему объединённому человечеству.

На этом пути к вершине многие элементы всё более подтверждают своё объединяющее влияние.

Вот главные из них.

1) *Разделение труда.* Переход к более прогрессивным методам производства явился причиной появления более крупных социальных объединений с более совершенным разделением труда и, следовательно, с более широкими возможностями обмена не только материальными, но и духовными ценностями. Таким образом, разделение труда, с одной стороны, представляется как разделяющий фактор по вертикали (формирование профессиональных языков). С другой стороны, разделение труда приводит людей к взаимной экономической зависимости на обширных территориях и, следовательно, представляется как мощный объединяющий фактор по горизонтали (не только внутри нации, но и интернационально). Чем глубже разделение труда, чем больше специализируется деятельность индивидуума, тем более зависимым становится он от деятельности другого человека. Взаимные обмены увеличиваются по видам товаров и расширяются территориально. Сегодня они пересекают национальные границы и простираются на весь земной шар. Все искусственные попытки остановить этот нормальный экономический и социальный эволюционный процесс авторитарными методами приводили и будут приводить к фиаско. Именно эта взаимозависимость указывает, сколь сильно влияние такого объединяющего фактора, как разделение труда и на язык,

поскольку этот фактор присутствует в самой основе, из которой вырос единый литературный национальный язык, а затем появится и международный.⁽⁹⁹⁾

2) *Идея равенства.* Прогресс в материальной жизни общества сопровождается прогрессом в области духовной жизни. Отдельное значение имеет идея равенства людей, которая получает всё более широкое и глубокое содержание: от религиозного равенства в смерти и после смерти, к политическому равенству, провозглашённому Французской революцией, и до современных требований максимального, по возможности, экономического равенства и социальной защищённости. Осознание сущности равенства человеческой природы, над всеми второстепенными различиями, хотя и медленно, но пробирает себе дорогу. Принятие Всемирной Декларации прав человека есть убедительный признак этого факта.⁽¹⁰⁰⁾ Между почти полной или очень сильной изоляцией каст и классов в рабовладельческой или феодальной социально-экономической системе, с одной стороны, и сегодняшним классовым расслоением, с другой, имеется, тем не менее, большое отличие! Между точкой зрения древних греков, считавших любого иностранца варваром, человеком низшего ранга, и провозглашённым ныне принципом (хотя ещё, по большей части, не реализованным) равенства всех народов, наций и рас — также большое отличие. Установление равенства культур и цивилизаций (что, разумеется, не означает их единообразия), демократизация общественной жизни и политических институтов — всё это даёт возможность осуществлять активные контакты между людьми, что и отражается в сближении языков.

б) *Технические факторы.* Развитие различных средств сообщения и передвижения позволило в широких масштабах контактировать не только в рамках нации. Корабли, железные дороги, самолёты, автомобили, телеграф, телефон, радио и телевидение — эти и другие средства взаимосвязи, стали одновременно и мощным средством сближения языков. С помощью этих технических средств перемещаются между регионами, из страны в страну не только товары и люди, но и слова. Одновременно по этой же причине также становятся общими и словосочетания. Это, вне сомнения, сближает национальные литературные языки и одновременно ускоряет мощный объединительный процесс языков в целом, явление, название которому международный язык.

в) **Фактор просвещения.** Создание письменности, возникновение литературы, изобретение печатных машин, расцвет науки и искусства, школы и университеты, библиотеки, театры, звуковое кино, радио и телевидение — вот только некоторые из факторов просвещения. Множась и распространяясь, прогрессируя в других областях, эти факторы становятся поистине мощной основой объединительного процесса языков. Тысячи учителей и профессоров преподают единый литературный язык своей нации сотням тысяч детей в школах и других учебных заведениях. Этот язык каждый день люди слышат по радио и телевидению, в кино, со сцены театра. С его помощью они читают книги, журналы и газеты... Если сегодня цивилизованные народы имеют свой большой, общий литературный язык, это, в большей части, есть следствие просветительных факторов, за которыми стоят принудительная власть государства и целая армия солдат просвещения, определённые финансовые и, главным образом, материальные средства. Разумеется, что в таких условиях нет причин для распада общего национального языка на диалекты. Но была и остаётся обратная дорога. Литературные, письменно зафиксированные языки, не распадаются, но диалекты, напротив, исчезают или становятся совершенно ничего не значащими.

* * *

*

Как видно, в отношении языка некоторые факторы являются дифференцирующими (разъединяющими), в то время как другие — объединяют. Более того, можно сказать, что их влияние на язык проявляется комплексно. Как объединяющие, так и разъединяющие факторы действуют одновременно, взаимно переплетаясь, влияют друг на друга, помогают или противостоят. В одной социальной группе они играют более важную роль, в другой — менее, более эффективны на одной ступени эволюции и менее эффективны — на другой. Они влияют на человеческий интеллект, и сами подвергаются изменению со стороны интеллекта. И добавлю: от них зависит язык определённой группы людей.

В этом смысле верно определение Сапира о языке как “совокупности символов, отражающих весь физический и социальный фон, в котором пребывает какая-то группа людей.”⁽¹⁰¹⁾

Так трактуется бытие и характер языков орды, рода, племени, народа, нации, языков интернациональных, с одной стороны, и кастовых, классовых, религиозных, профессиональных и, даже женских — с другой стороны. Но, бросив взгляд на рассматриваемый феномен, мы также заметим, что *с общим прогрессом человечества объединяющих факторов становится намного больше, и их значение усиливается, в то время как разъединяющие факторы играют всё менее заметную роль.* В результате, в силу различных причин, появились общие языки, которые служат средством коммуникаций внутри новых, более обширных и более сложных социальных объединений (или даже вне их, если они достаточно сильны, чтобы навязать свой язык другим), в то время как прежние языки или исчезли, или стали языками только регионального или местного значения.

Для правильного понимания и объективной оценки позиции Эсперанто в рамках этой общей языковой эволюции, упомянутые факторы имеют первостепенное значение. Как любой другой язык, Эсперанто также возник на определённой ступени эволюции. Как и всякий язык, Эсперанто имеет своего носителя в человеческом обществе и является социальным феноменом, который подвержен влиянию различных факторов. Международный язык (Автор имеет ввиду Эсперанто. — *примеч. пер.*) обязан своим появлением; жизнью и развитием объединяющим силам, действующим в человеческом обществе. Дальнейшее постоянное, и быстро усиливающееся значение этих сил, толкает человечество или в пучину саморазрушения, или ведёт все нации и расы (если они позорно отказываются от своих прав на существование и свободу) к рабскому игу под одним языком, или к интеграции на базе равенства. В первом случае излишне говорить о каком-то языке. Во втором — будет царить язык хозяев мира. В третьем случае, единственно рациональном, самым верным и приемлемым будет путь внутреннего укрепления Международного языка и его применения на всей планете.

Между тем, сегодняшнее динамичное развитие мирового сообщества представляет картину языков, которые не разделены резкими границами, а являются многоцветными, неординарными, многогранными спектрами, в которых различные языки (включая диалекты, сленги и другие языковые

формы), подобно краскам, переливаются один в другой, взаимно перемешиваются, но, однако, не только различаются по горизонтали (язык одного региона отличается от другого), но и изменяются по вертикали от одного класса к другому. И также язык в своей полноте отражает актуальную, комплексную, социальную структуру общества, как результат достигнутого исторического развития.

3. Личность или коллектив

Какова роль личности в создании языка?

Социальная группа всегда была и остаётся высшей законодательной инстанцией языка. Однако она не может создать такой язык, какой ей хочется. Язык, как было выше сказано, явление обусловленное. Случайность, несомненно, также играет свою роль. Но случайность всегда оказывает действие только в рамках общего закона и, следовательно, является только составной частью этого закона.

Личность как член своей социальной группы и, следовательно, определённого языкового сообщества, конечно же полностью принимает участие в создании языка. Но это её создание не является произвольным. Личность, действующая подобным образом, изолировалась бы сама себя от языкового общества.

Не только в этом качестве, но и как член отдельной социальной подгруппы в рамках социальной группы, индивидуум способствует развитию языка. В этом смысле язык является самым демократичным явлением человеческого сообщества, т. к. он является продуктом, созданным всеми, на базе реально существующих сил в обществе и подлинной значимости, которой в определённый момент обладает отдельная или одиночная социальная подгруппа в данном обществе. Эта значимость — нужно хорошо это понять — не является чем-то заранее зафиксированным раз и навсегда и для любой социальной группы, например, физическая сила, численность, экономическая мощь, социальное положение, интеллектуальная ценность и т. п., хотя многое из выше перечисленного, может иметь решающее значение в той или иной социальной группе в зависимости от её характера и внутренних взаимоотношений.

Роль выдающейся личности, влиянием которой нельзя пренебречь в

начальной стадии формирования языка, становится всё более заметной. Поэт, прозаик, философ, учёный, лингвист, оратор, журналист, драматург, — вот чьё влияние весьма ощутимо в процессе сознательного созидания языка.^(102, 102-а) Но и другие лица, менее заметные, достаточно активно, хотя и менее осознано, принимают участие в развитии языка. Разумеется, личность может играть свою роль только если созидательная активность соответствует потребностям данного времени для данной группы людей и общему закону, управляющему развитием языка.⁽¹⁰³⁾ Личность часто игнорирует этот закон. Это не имеет большого значения, если языковая инициатива индивидуума является подходящей, если она удовлетворяет требованиям общества, то общество — этот последний и безапелляционный законодатель языка — примет нововведение и закрепит его в своём языке. Если же нет, то новое слово, новое выражение, новая грамматическая форма, предлагаемая отдельной личностью, исчезнет бесследно. Во всех случаях индивидуальность инициатора каким-то образом теряется в общей языковой активности социальной группы, будь то орда, племя, род, каста, класс, профессиональная группа, религиозная община, нация или интернациональная группа, чувствующая потребность в межнациональном общении и принимающая с этой целью Международный язык. Поэтому точно не известно, кто же совершенствует язык и сколь велико его участие в этой созидательной деятельности. Вклад личности в развитие языка растворяется в массе общества. И только лингвисты иногда вспоминают этих людей и их созидательную роль в отношении языка. Легко можно заметить, что создание языка осуществляется путями несколько более сложными, чем “соглашение” или “взаимное соглашение”, как, даже сегодня, полагают некоторые.

Итак, действия по созданию языка могут быть более или менее спонтанными, более или менее сознательными, но “сознательные” действия не делают язык “искусственным”, в смысле “противоестественным”, если только эти действия сообразуются с потребностями коллектива, что является важным. Это относится ко всем языкам, в том числе и к эсперанто.

Несмотря на роль, которую играет личность в создании и развитии языка, действительным социальным носителем языка является не индивидуум, а только коллектив. Это в совершенстве постиг доктор Заменгоф (*создатель языка эсперанто. — примеч. пер.*). Поэтому он отверг притязания отдельных личностей (*на право вносить изменения в*

эсперанто. — *примеч. пер.)* и оставил эсперанто формироваться и развиваться “по тем же самым законам, по которым формируется и развивается любой живой язык”. И так, действительно, было и есть.

— * —

Глава V

Формирование больших общих языков

Также как раньше, чем племя, появилась орда, а род — более древнее образование, чем нация, — также в первую очередь сформировался язык орды, затем племени, рода, региональные языки народов, наций и, наконец, Интернациональный язык. Направление развития всегда шло, как было рассмотрено выше, к становлению на Земле меньшего количества языков для более многочисленных по составу человеческих объединений.

Создание новых общих языков для более обширных социумов всегда осуществлялось из элементов многих “материнских языков”, хотя в нескольких случаях только один из них становился основой нового языка, в то время как остальные “материнские языки” содействовали его обогащению. Таким образом, вновь созданный язык, предназначение которого — ещё больше удовлетворять требованиям коммуникации и мышления, был всегда более выразительным, чем отдельные языки, из которых он образовался.

Такое созидание, в отличие от более или менее спонтанного формирования на примитивных стадиях, было, в основном, сознательным, хотя и зависело от общих экономических, социальных и даже политических обстоятельств, и от лингвистического материала, уже созданного на тот период, в более узких рамках различных “материнских языков”.

1. Греческий язык

Процессы, которые приводили и приводят к образованию больших общих литературных языков, различны. Вне сомнения, одним из самых интересных был процесс, который привёл к созданию древнегреческого языка.

Индоевропейские племена, двигавшиеся с севера волна за волной или в течение продолжительного времени, проникали на Балканский полуостров, на острова Эгейского моря и западное побережье Малой Азии. Они говорили на различных эллинских языках. В регионах, которые они занимали, жили племена, происхождение и язык которых неизвестны. Остались только отдельные названия. Точно известно, что язык этих аборигенов не принадлежал к индоевропейской группе. В Малой Азии греки также встретили неэллинские языки. Таким образом, эллинские языки распространились на чуждом субстрате, и это, в большей части, объясняет различные нововведения в грамматическую структуру и большое число “чужих слов”.

В 7-м столетии до н.э. Греция была разделена на многочисленные города-государства. Со времён первых письменных документов в Греции использовались различные языки. Из текстов 5-го столетия до н.э. видно, что в эту эпоху каждый город имел свой собственный язык. Все эти языки, которые многие лингвисты совершенно неправильно называют “диалектами”, т.к. поверх их не существовало никакого общего языка, можно разделить на несколько групп, каждая из которых состоит из многих языков. Ахайская лингвистическая группа является остатком от самого древнего нашествия эллинских племён. В северо-восточной части страны была эолийская группа языков, в состав которой входил язык острова Лесбос (язык Сапфо и Алкея). Дорическая группа состояла из большого числа языков, различающихся между собой. К этой группе принадлежали языки Коринфа, Лаконии, Сицилии (Сиракуз), островов Крит, Родос и др. На дорическом языке сформировалась литература Италии и Сицилии. Самой важной, с

78

литературной точки зрения, является ионийско-аттическая группа. Смесь ионийского и эолийского создала особый язык, который Meillet называет “искусственным”, но который использовался в поэзии и служил грекам средством общения даже за пределами Малой Азии (как писал Гесиод). Все ионические города употребляли общий ионический язык, а именно тот, на котором писали Геродот, Анакреон и Гиппократ. Дорийцы же, напротив, находились в это время на более низком уровне развития и пользовались ещё разными языками. На ионическом языке в 7-м столетии до н.э. начался рассвет литературы. В Афинах на аттическом языке в 5 – 4 веках была создана богатейшая литература.

Все эти языки и диалекты мало помалу, начиная с 4-го столетия до н.э., сплелись в один общий эллинский язык. Базой этого языка были аттический, смешавшийся с ионическим. Александр Македонский перенёс этот новый общий язык — *koinê* — на обширную территорию, завоёванную его армией. ⁽¹⁰⁴⁾ Со временем этот язык стал большим общим языком Восточной Римской империи. Из него образовался современный греческий язык. Античный греческий язык, на котором говорили на Сицилии, вскоре исчез, а его место занял латинский, обогащённый античным греческим. *Koinê* стал общим языком для всех восточных регионов Римской империи, которые потеряли свою независимость. Раньше в этих регионах говорили на многих языках. Разумеется, этот общий греческий язык был сильно обогащён словами различных языков, на которых раньше говорили в Греции и на Востоке.

2. Латинский язык

Племена, жившие на Апеннинском полуострове в обозримую историческую эпоху, говорили на совершенно разных итало-кельтских языках. Неизвестно откуда они пришли и когда заняли эту территорию. Лигурийцы располагались в Центральной и Западной Италии, а также в южной части Галлии, до того как им ограничили доступ к Генуэзскому заливу.

Приблизительно в начале 4-го века до н.э. на Италийском полуострове располагались, по крайней мере, три главные италийские языковые группы с большим количеством подгрупп. Это

были группы: умбрийская, оская и латинская. Этот латинский, который первым узнали учёные, был языком Латии (Latium) и, фактически, только языком патрициев в самом Риме. Его называли *sermo urbanus* (городской язык), в отличие от *sermo rusticus* (сельский, простой язык), языка близлежащих территорий. На Сицилии говорили на дорическом типе греческого и общем — *koinê*, который, в свою очередь, как мы видим, был смесью аттического и ионического языков. На севере от Рима говорили на этрусском.

Постепенно, параллельно с ростом мощи Рима, распространялся и одновременно развивался латинский, непрерывно обогащаясь от местных языков, побеждённых племён. Сначала он распространился на близлежащие территории, затем одержал победу над окской и умбрийской группами, поглотил даже неиталийские языки, как например, этрусский и кельтский в северных районах и мезапийский в южной части. Наконец, латинский был навязан большей части западного мира — Галлии, Испании, Северной Африке.

Начало латинского как литературного языка датируют, начиная с 3-го века до н.э., с появлением драм Ливия Андроника и ораторских произведений Катона. Сципион, Гортензий, Лукреций и особенно великий оратор и учитель ораторского искусства Цицерон, отточили и дальше развили его. Этот латинский язык — смесь многих языков — был принесён на концах мечей римских легионов на огромнейшую территорию и навязан как общий имперский язык бесчисленным региональным и местным языкам и диалектам. Произошёл величайший объединительный процесс, который длился многие столетия.

Когда в 5-м столетии н.э. западная часть империи пала под ударами варваров, этот объединяющий процесс еще полностью не завершился. Хотя и находятся лингвисты, которые уверяют, что все жители Римской империи говорили на общем литературном латинском языке, это не соответствует и не может

соответствовать фактическому состоянию. Это утверждение может относиться только к литературным и другим памятникам, которые дошли до нас, но не к живым языкам народных масс.

Если даже сегодня, когда все учитываемые объединяющие факторы более сильны и более эффективны, чем в ту эпоху, находят столь огромные различия между языками народов одного национального сообщества, как можно было прийти к мысли, что в 3-м или 4-м веке до н.э. было бы возможно полное языковое единство всех слоёв населения. Итак, когда пала экономическая и политическая мощь Рима, окончил свою жизнь и литературный латинский язык как доминирующий государственный язык, но он продолжал жить дальше как классовый и религиозный язык христианства — правящего феодального класса средних веков. Народы некогда обширной империи продолжали говорить и развивать свои собственные региональные языки, из которых в последующую эпоху, на базе уже других объединяющих процессов, формировались отдельные, т.н., романские языки.

Старый латинский, следовательно, не распался на многие диалекты, как ошибочно полагают некоторые. Он “законсервировался” и всего лишь перешёл от одного социального носителя к другому, т.е., к дворянскому социальному классу, к церкви и науке, которые дальше продолжали развивать его.^(104-а) Напротив, народные языки, которые не были полностью латинизированы и именно поэтому отличались между собой, продолжали жить своей жизнью, по сути, в новых условиях. А так как объединительные силы Рима уже не оказывали воздействия, а феодализм, церковь и наука хотя и сдерживали распад латинского языка, но не затрагивали языки народов, в действие вступили другие дифференцирующие факторы. Эти языки пошли по своему собственному пути развития, испытывая в средние века влияние со стороны латинского языка высших классов.

Намного позже, в связи с возникновением капитализма и его дальнейшего развития, параллельно с формированием наций и крупных национальных государств, появились также и новые национальные языки. Так, например, формировались языки романской литературы. Но они не были непосредственно дочерними, языками классической латыни как это полагают некоторые. Напротив, все они имеют “родственные связи” с местными языками отдельных регионов. Таким образом, французский, итальянский,

испанский, португальский, румынский языки не происходят непосредственно от классического латинского языка соответствующих регионов.

3. Ещё несколько примеров

Если рассмотреть любой из сегодняшних литературных национальных языков, то всегда можно увидеть одно и то же: все они являются сознательными творениями, состоящими из многочисленных элементов.

Например, сегодняшний французский. Во Франции, даже сейчас, когда все объединяющие факторы оказывают своё значительное влияние, существуют “десятки тысяч местных наречий”⁽¹⁰⁵⁾. Наречия и диалекты проникают один в другой, так что соседние деревни и регионы понимают друг друга, формируя, таким образом, непрерывное языковое пространство.⁽¹⁰⁶⁾ Однако, между отдельными диалектами существуют столь значительные отличия, что их можно было бы с полным правом назвать отдельными языками. Так, по мнению Мейллета (Meillet), лоранцы (Lograin) или франц-комтейцы (Franc-Comtois) не понимают пиккардийцев (Picard). Над всеми этими диалектами и наречиями царит общий литературный французский язык, которому обучают в школах, который употребляется во всех культурных и официальных мероприятиях, который все понимают и на котором все говорят.

Этот общий французский язык произошёл от языка парижан, а точнее парижской буржуазии. Его появление обозначилось в начале 17-го столетия. Главный город, как культурный и политический центр, место постоянного пребывания королевского двора, город, в котором находился известный университет, дал свой язык всей Франции. Однако южная часть страны испытала незначительное влияние языка столицы. Там французский язык был чужим. Он крепился в городах, но в сельскую местность проникал с трудом. Достаточно проехать по южным регионам Франции, чтобы убедиться в этом.

Да, этот красивый, гибкий, действительно восхитительный французский язык состоит из многих элементов, взятых из многих различных источников. Хотя на язык Парижа оказывали и оказывают влияние не только языки народов Франции, но и иностранные, в основном, германские. Во французском этимологическом словаре, содержащем 4635 корней, 2028 — латинского происхождения, 925 — греческого, 604 — взяты из германских языков, 96 — из кельтских, 154 — из английского, 285 — из итальянского, 119 — из испанского. От африканских языков происходят 6 слов, из различных азиатских взяты 99, из языков американских индейцев — 62, из австралийских и полинезийских — 2 слова. Остальные слова — португальского, арабского, еврейского, венгерского, турецкого и славянского происхождения.

Также и нынешний английский вышел из столицы. Однако, в отличие от Парижа, Лондон находится на перекрёстке диалектов и местных наречий. Из этих диалектов, как минимум, девять считаются главными. Из-за расположения Лондона в Британии, а также всемирной роли этой страны в течение последних столетий, английский язык состоит из ещё большего количества элементов, чем французский. Он содержит огромное количество слов латинского происхождения, которые несколькими волнами накатывались на остров. Но в нём также есть слова из греческого, французского, немецкого, итальянского, испанского, датского, еврейского, кельтского, китайского..., практически из всех языков мира. Приблизительно только 40% слов в английском языке являются словами англосаксонского происхождения, которые и формируют базу английского языка. Все остальные слова происходят из других языков. Если принять во внимание, что каждый из языков, чьи слова вошли в состав английского, в свою очередь также имеют многочисленных предшественников, можно вообразить пестроту английского словаря. Используя множество слов из других источников, английский народ сумел обогатить свой общий язык, добившись высокой степени совершенства и стал в своей целостности мощным средством общения и мышления.⁽¹⁰⁷⁾

В Германии, в средние века не существовало такого культурного и политического центра, как в Англии и Франции.

Литературный немецкий язык формировался иным путём. Он возник, в основном, в канцеляриях принцев, но реформация, приняв его как литературный язык, нормировала его более строго. Этот общий немецкий язык, несколько тяжёлый и достаточно трудный, преподавался и преподаётся в школах, применяется в науке и литературе. Но весь народ не владеет им в такой степени, как во Франции. В немецком языке также много заимствованных слов, но характерной особенностью этого языка является то, что создатели немецкого языка предпочитают одевать его в германскую одежду. Например, немецкое *Asdruck* есть не что иное, как калька с итальянского *expressio*, и оно имеет все оттенки французского слова *expression* (выражение). Слово *Fernsprecher* — это перевод слова “телефон” (с греческого, “далёкий звук”). *Wasserleitung* (водопровод) заменил, некогда употреблявшееся слово *Aquädukt*, заимствованное из латинского и т.д.

Базой обще-итальянского языка является тосканский (*lingua toscana*), который сформировался и развивался в культурных кругах Флоренции (*Firenze*). В Италии также существует большое количество диалектов и местных языковых форм. Они столь различны между собой и так сильно отличаются от итальянского литературного языка, что человек, владеющий итальянским, совершенно не понимает или понимает с большим трудом, например, пьемонтский (*piemontese*) диалект.

Русский язык основывается на диалекте Москвы. Источником японского является токийский диалект. Национальный язык Китая представлен, главным образом, языком мандаринов из северных провинций (регион Пекина). В Китае существует масса диалектов и местных наречий. В Национальном Собрании Народных представителей Китая прибегают к помощи переводчиков, чтобы переводить выступления депутатов из разных провинций.

В последнее время появилось много новых общенациональных языков. Индонезийский язык создан на базе одной из малайских форм, и он служит как язык межнационального общения для 70 миллионов индонезийцев. В Африке язык племени *хаус* стал

средством взаимного общения, культуры и цивилизации в Нигерии, в то время как *суахили* стал общим языком всей восточной Африки, бывших английских колоний.^(108; 108-а)

* * *

*

Все большие, богатые в культурном отношении, языки в большей части были созданы сознательно из различных элементов. Чем более многочисленны источники, тем богаче был и остаётся язык, тем больше он является средством общения и инструментом мышления.

Разумеется, в первый момент все эти новые корни, составные слова или формы могут казаться "дикими". Люди, если они не понимают необходимости обогащения и изменения языка, который должен адаптироваться к новым условиям, выступают против, так называемого, варварства. Но жизнь требует новых форм, и они постоянно побеждают, несмотря на критику. Впрочем, сами критикующие забывают, что нет "чистых" языков, как нет "чистых" рас, возможно, за исключением некоторых, совершенно примитивных, в течение столетий изолированных племён и их племенных языков. Большие общие языки, на которых создавалась и создаётся заметная литература и другие культурные ценности в истории мира, никогда не были "чистыми", но всегда представляли собой смесь. Богатству формы и содержания этих языков способствовали многие

источники. Новые слова и формы, однажды введённые в язык, нормально употребляются в устной и письменной форме. Как и весь язык, они воспринимаются совершенно "естественно", как свои, и никто не обращает внимания на их фактическое происхождение и, как правило, даже не знает его.

Также и международный язык черпал и постоянно черпает из различных источников, обогащаясь день ото дня новыми оттенками. Именно поэтому он является мощным средством общения и мышления в рамках всего мира.

— * —

Глава VI

Международный язык

Самым выдающимся культурно-историческим событием в области мировой лингвистики является возникновение и формирование Международного языка. Его задача — служить общим языком в рамках всего мира. Благодаря своему сверхординарному значению, с точки зрения лингвистики и социологии, этот язык заслуживает особого внимания. Международный язык мог возникнуть в таких исторических условиях, когда, с одной стороны, прогресс в международных отношениях, в самом широком смысле слова, достиг такого характера и такой степени, что стала понятна необходимость в подобном средстве общения, а с другой стороны, этот самый прогресс создал достаточный интернациональный языковый материал, на котором мог базироваться подлинно международный язык, представляющий по своим внутренним элементам синтез, заранее оговоренных эволюционных процессов в лингвистике. Это очень хорошо понял автор языка Эсперанто доктор Л.Л.Заменгоф. Свою мысль он сформулировал в короткой фразе: “Для того чтобы язык был всемирным, недостаточно только назвать его таковым”. Эта истина была напечатана на титульном листе первого учебника Эсперанто в 1887 году. Идея общего языка — значительно старше, чем сам Международный язык. Рассказы и легенды из древних времён доказывают, что уже тогда, в разных местах Земли, ощущалось отсутствие общего языка для общения между различными народами. Но в ту эпоху не было и не могло быть никакого международного языка. В то время не было столь острой

необходимости и, главное, отсутствовал богатый интерлингвистический материал, из которого можно было бы сформировать международный язык. Должны были пройти многие столетия, чтобы сформировались главные условия. Это произошло в новую эпоху, когда объединяющие факторы возобладали над дифференцирующими.

1. Формирование

Переход от феодализма к новой экономической системе, капитализму, характеризуется массовым машинным производством для рынка, всё более детальным разделением труда, увеличением международной коммерческой деятельности. Всё это потребовало многократного усиления эффективности языка.

а) "Третий класс" — прогрессивная буржуазия — везде выставляла требования о создании объединённых государств, без внутренних таможенных границ, без помех коммерции и взаимному общению. Разрушая феодальную раздробленность, буржуазия сумела мало по-малу создать объединённые государства. Параллельно с формированием наций и национальных государств, сформировались и далее развивались большие общенациональные литературные языки.

б) Средневековый латинский, социальным носителем которого был правящий феодальный класс, постепенно исчезал вместе со своим носителем и, наконец, остался только как отдельный религиозный язык римско-католической церкви. Причиной угасания средневековой латыни в качестве средства коммуникации не являлось, как ошибочно считают некоторые, кажущееся отсутствие слов, необходимых для выражения новых идей. Ничто не мешало созданию этих слов. Причиной было исчезновение самого социального носителя — класса феодалов. Эту судьбу латинского предвидел один из выдающихся гуманистов своего времени, испанец J.L. Vives, в своей книге "De Disciplinis" (1532), в которой писал: "Было бы счастьем, если бы существовал один

единственный язык, который бы использовали все народы... Погибнет латинский язык и настанет большой беспорядок во всех науках, очуждение между народами”.

в) В связи с исчезновением латыни, а также из-за расширения международных отношений, постоянно, всё более и более ощущалась большая необходимость в нейтральном международном языке. Следует подчеркнуть, что материальные отношения, главным образом в сфере взаимного обмена товарами, очень быстро прогрессировали. В то время как духовное интернациональное общение сильно отставало из-за отсутствия общего языка. Изучение многих иностранных языков в школах и университетах, несмотря на миллионы и миллионы рабочих часов, пожертвованных на эту цель, несмотря на огромные затраты, дали весьма скромные результаты. В этом может убедиться каждый, путешествуя из страны в страну или приняв участие в каких-либо международных конгрессах, конференциях, встречах. Отсутствие общего международного языка уже в тот период ощущалось столь сильно, что попытки его создать приняли прямо-таки массовый характер. ⁽¹⁰⁹⁾

д) Независимо от этих попыток, совершенно спонтанно сформировался и постоянно продолжает формироваться подлинно международный лингвистический материал. Он состоит не только из интернационального корневого материала, но в него входят также и близкие по смыслу выражения. ⁽¹¹⁰⁾

Так на базе постоянного сближения культур появляются зачатки основ международного языка внутри мирового сообщества. И в этом смысле международный язык условно воспринимается так же, как и любой другой язык.

2. Интернациональность.

Заменгоф хорошо понимал, что международный язык должен состоять из элементов максимально интернациональных. Поэтому он составил словарь языка эсперанто из корней тех слов, которые к тому времени стали интернациональными и обозначили дорогу для дальнейшего обогащения языка с помощью

новых интернациональных выражений. Но Л.Л.Заменгоф также чётко понял, что язык не состоит только из слов. Более того, он понял, язык не состоит только из интернациональных слов ни по форме, ни по содержанию, и, чтобы он был лёгким, необходимо привести его в порядок и систематизировать интернациональный лингвистический материал, освободить его от побочного балласта и нелепостей. Так, например, эсперанто имеет фонетическую орфографию, т.е. каждый элемент имеет определённое значение (*корень, суффикс, префикс, окончание; примеч. переводчика*), а весь язык построен по агглютивному (*склеивающему; примеч. переводчика*) принципу с очень простой грамматической структурой. С помощью системы аффиксов эсперанто получил возможность лёгкого словообразования. На первый взгляд, это несколько сковывает, так называемое, “мгновенное понимание”, с помощью которого некоторые псевдонаучные изобретатели новых проектов вводят в заблуждение лиц, уже говорящих на многих европейских языках. Но именно это и придаёт языку дальнейшую лёгкость и намного более широкую и подлинную международность, разумеется, не с точки зрения определённых небольших национальных групп и их интеллектуальных сателлитов, а всех наций и этнических групп. Именно это облегчает быстрое изучение этого языка и, непосредственно следующее за этим, применение при чтении, письме и в беседе не только для жителей так называемых западных стран, но и для людей всех континентов, даже не имеющих специального образования.

Но эсперанто является международным языком и также с другой точки зрения. Национальные языки, даже когда они в силу особых условий распространились за пределы своих национальных территорий, даже когда они употребляются в большей или меньшей степени для международного общения, остаются национальными и в силу своих исторических традиций и, главным образом, благодаря своим социальным носителям. Национальные языки принадлежат определённым нациям. Каждая нация есть духовный собственник своего национального языка. Можно более или менее хорошо выучить этот иностранный язык, который используется как международный, но он никогда не

будет восприниматься как свой родной язык. Его можно только имитировать более или менее успешно, очень редко — в совершенстве, но никогда — как свой собственный. Международный же язык, напротив, является собственностью интернационального коллектива, и каждый член этого коллектива считает его своим. Поэтому эсперанто и является подлинным международным языком также и с точки зрения своего социального носителя. Это также способствует лёгкости языка: более легко овладевают языком, если это язык собственный. Наконец, эсперанто является интернациональным также и с точки зрения цели: быть нейтральным, наднациональным инструментом общения в рамках всего мира. Ни один национальный язык не имеет этих трёх существенных элементов интернациональности. Поэтому никакой национальный язык, даже самый распространённый, не может быть назван “международным”. С другой стороны, проект общего языка не может называться ни “международным”, ни “языком”, прежде чем он социально и интернационально не укоренится, как эффективный инструмент общения. Настало время, чтобы в первую очередь лингвисты, чьей профессией являются занятия языком, начали называть вещи своими именами!

3. Социальный носитель

Вопреки всем препятствиям: предосуждению, шовинизму, войнам, ошибочным представлениям, запрещениям — Международный язык прокладывая себе дорогу во всех частях света, проникал во все социальные слои, постоянно обогащаясь новым культурным содержанием и параллельно продолжая развиваться внутренне. Из гениального проекта он превратился в наполненный нюансами, живой язык с присущим ему собственным духом живого интернационального коллектива.

Но именно поэтому у многих, особенно у филологов, возникает вопрос, вызывающий столько недоумения и ошибочных выводов. Если подлинным носителем языка является не индивидуум, а некая социальная группа, то какая социальная группа является носителем международного языка? Племена, народы,

нации — все они имеют свои племенные, национальные языки. Но где, — задают они вопрос, — этот “интернациональный народ”, чьим языком является Международный язык? Такого народа нет, а поэтому не может существовать и такой язык в подлинном смысле слова. Эсперанто, возможно, подходит для того, чтобы выразить самые простые мысли или быть чем-то вроде упражнения для мозга “более подходящим, нежели шахматы или бридж”, — говорят в различных своих трудах многие лингвисты, симпатизирующие языку эсперанто, или более или менее подходит как интересное дополнительное занятие, но он не может быть подлинно живым языком! И не стоит даже говорить о возможности литературного творчества или художественного выражения с его помощью! И вместо того, чтобы опереться на факты (предварительными условиями которых явились бы научные анализ или выводы), искажается реальность, чтобы утвердить свои собственные ошибочные или искажённые концепции!”

Весь конфуз этой фундаментально ошибочной позиции в том, что оставляется без внимания весьма простой факт, а именно, эти самые индивидуумы могут принадлежать к различным социальным группам или группироваться по своим лингвистическим воззрениям. Если бросить взгляд на многочисленные диалекты (которые, весьма вероятно, назывались бы “языками”, если бы над ними не стоял общенациональный язык), то легко заметить, что эти самые лица, которые в большей своей части являются отдельной социальной группой в регионе, носителями такого определённого диалекта, одновременно формируют часть национального коллектива и *в этом качестве* представляют социальный фон национального языка. Более того, эти же самые лица могут принадлежать к какой-то профессии, религии, иметь побочные интересы, род занятий и *как таковые* составлять основу, на которой произрастают специальные лингвистические формы.

Величайшая эволюция всех экономических сил в современную эпоху, стремительный прогресс науки явились не только причиной создания обильного лингвистического материала интернационального характера, но также всё более впечатляющего вовлечения человечества во взаимную интеграцию.

Этот объективный эволюционный процесс должен был породить новое чувство действительной (не абстрактной, например, только философской мысли) принадлежности к самому широкому социальному объединению, которое одновременно сосредоточилось и на человечестве. И Заменгоф это почувствовал, тем более, что он родился, жил и воспитывался в среде многонациональной, насыщенной взаимной межнациональной ненавистью. Совершенно естественно, что он вложил в язык дух интернационализма и гуманизма. Поэтому его личные мысли объективно сочетались с объективно формирующимися условиями. Гуманный интернационализм был и остаётся мощной идейной основой языка. Он дал эсперанто сердце и душу, совершенно особый характер и выражение, без которого ни один язык не может жить, развиваться и совершенствоваться.

Таким образом, со дня своего рождения Международный язык был самым чистым выражением живого чувства принадлежности к человечеству. А он (язык), в свою очередь, способствовал и способствует усилению этого чувства.

И также как эти люди, пока ещё не многочисленные, которые являются частью своего национального или регионального языкового сообщества или какого-либо другого социума, *определяют себя* как часть человечества. С этой точки зрения они реально формируют интернациональные социальные силы, на которых покоится Международный язык. Таким образом, Эсперанто не является языком, подобным диалекту или национальному языку, не адекватен сленгу. Эсперанто — это один из трёх языков, располагающихся вертикально один над другим, не с точки зрения “ценности” (*ценность этих языков одинаково высока*), а с точки зрения *трёх главных аспектов*, в которых личность может проявлять свою социальную принадлежность: к региону (региональный диалект), к нации (национальный язык), к человечеству (международный язык эсперанто):

4. Цельность языка.

Как и предполагал Л.Л.Заменгоф, международный язык развивался, в принципе также, как развивается любой другой язык. Многим этот факт, как и другие, недостаточно понятен, но наиболее часто он непонятен в среде лингвистов с мировыми именами. О том, что “эсперанто не может развиваться” или “должен распасться на диалекты” было написано уже так много, что можно издать целую книгу самых абсурдных цитат. Речь снова идёт об утверждениях априори без знания каких-либо фактов.

И один из фактов, это тот, что за время своего существования и применения с 1887 года живущий язык эсперанто удивительно развивался. Значение некоторых корней было модифицировано путём расширения смысла или образности или, наоборот, сужения смысла и уточнения значения слова. Более короткие формы заменялись на более длинные. Все возможности, содержащиеся в структуре языка и его гибкости, но на которые ранее не обращали внимания, были по аналогии и логически всё более используемы. Эволюция эсперанто проявилась, главным образом, в увеличении количества корней (т.е. слов; *примеч. переводчика*). В 1887 году язык имел всего 904 корня слов. Многие другие корни имелись в технических и профессиональных терминах и теперь входят в Полный иллюстрированный словарь эсперанто (*Plena Ilustrita Vortaro de Esperanto*). (112; 112-a)

Несмотря на эту грандиозную эволюцию, которая сделала язык таким инструментом, чтобы он мог выражать нюансы мыслей, эсперанто ничего не потерял с точки зрения своей простоты, гибкости и лёгкости. Фундаментальные правила грамматики остались теми же самыми. С другой стороны, для практического приложения языка в повседневной жизни нет необходимости иметь более 700-800 корней, из которых можно образовать 7000-8000 производных слов. В зависимости от индивидуального образования это количество слов будет более или менее велико.

То же самое имеет место в национальных языках. Никогда словарный запас отдельного человека не охватывает весь

словарь языка!

Лёгкость эсперанто не состоит в том, что он имеет ограниченное количество слов, как об думают некоторые псевдоучёные. Лёгкость эсперанто состоит в простоте и логике его грамматической структуры, в гениальной системе аффиксов, в том факте, что каждый человек, изучивший этот язык, ощущает его не как иностранный, а как свой собственный.

Эсперанто не только сохранил, но и усилил свою цельность. Люди, которые принимают его, делают это не для того, чтобы ввести в него нелогичность своего национального языка, заразить его национальными "идиотизмами" (так лингвисты и переводчики во всем мире окрестили идиомы, идиоматические обороты; *примеч. переводчика*) или другими национализмами и, таким образом, нарушить его цельность, стройность, а, напротив, *чтобы прийти к взаимному пониманию с помощью одного общего языка.* Это психологическое состояние, эта воля сохранить языковую цельность, не позволяет эсперанто "разложиться на диалекты", распасться. Но это явление присуще не только языку Эсперанто. Пока какое-то сообщество, социальная группа хотят иметь свой общий язык, а эта воля, как было выше показано, зависит от многих факторов, они (сообщество, группа) сохраняют в этот язык цельным. Когда эта воля исчезает под тяжестью различных дифференцирующих факторов, тогда язык перестает быть единым целым. То же может случиться и с национальным языком, если в силу различных причин, чаще всего экономических и политических, распадается, бывший до того единым, языковой социум (что имело место во многих социальных сообществах). Но это не может случиться с международным языком, *принятым добровольно, с целью использования его как средство международного языкового общения.*

Расширение поля, на котором эсперанто практически применяется, увеличение количества людей, говорящих на эсперанто, привело к увеличению числа различных международных контактов между этими людьми, и в результате способствовало всё большему укреплению цельности языка. Этому способствовали

и способствуют, главным образом, писатели, поэты, учёные, журналисты и все те, кто создаёт свои произведения на языке эсперанто. Этому весьма содействуют также ораторы, лекторы и все, кто активно использует язык в клубах и различных обществах, во время конгрессов, конференций, при переписке по почте, в дружеских беседах и в частной семейной жизни.⁽¹¹²⁻⁶⁾

Развитие международного языка не диктуется кем-то сверху, но идёт снизу от тех людей, которые используют его. Таким образом, не существует какого-либо принципиального различия между путями развития национальных литературных языков и эсперанто. Международный язык ведь развивается целюно. И происходит это вопреки тому, что “предвидят” и пытаются сегодня игнорировать некоторые учёные.

5 . Влияние общества

Международный язык может казаться неестественным “только для людей, которые не знают его или не владеют им в определённой степени. Но подобного рода “неестественность” имеет любой язык, когда его слышат или читают люди хорошо не владеющие им. Нидерландский язык звучит ужасно “варварски” для германского уха. И — наоборот. Только так не принято говорить о национальных языках, в то время как о международном языке любой полуграмотный человек безо всякого стыда отваживается высказывать своё высокое мнение. Интересно, что эти лица часто недостаточно хорошо владеют и своим родным национальным языком и поэтому не могут осознать, как варварски он звучит в их устах или читается в их написании.

И, наконец, нужно понять, что международный язык является таким же искусственным, как и любой национальный язык,⁽¹¹³⁾ если под этим совершенно неприемлемым выражением, когда его употребляют относительно языка, понимают “созданный человеком”. Следовательно, если говорят об английском, французском или другом языке, то не присваивают ему эпитет “искусственный” или “вспомогательный” или любой другой (как это делают, говоря о международном языке), чтобы вольно или невольно не вызвать недоумение или непонимание.

Всё это порождает хаос, который мешает нормальному распространению языка эсперанто среди широких слоёв населения. С другой стороны, это вызывает у людей, которые начинают изучать международный язык, а иногда уже изучивших, сомнения в ценности эсперанто в сравнении с национальными языками. Каждый человек, использующий эсперанто, и особенно оратор, должен иметь глубокое убеждение, что этот инструмент в высшей степени подходит и даже относительно совершенен для международного общения.

И только от человека зависит: овладеет ли он этим инструментом. Только от него зависит, станет ли этот инструмент мощным средством общения и выражения мысли или будет только бледным, бескровным, бесцветным и хромым лепетом. Это касается не только эсперанто, но и любого национального языка! Возможно, некоторые полагают, что национальные языки, свой родной, не нужно изучать, оттачивать, совершенствоваться в нём? Почему же тогда этим языкам отводится столько времени в школах всего мира? Почему после столь долгого изучения знания своего родного литературного языка остаются скромными?

Именно поэтому национальный язык является не неким естественным феноменом, а созданием общества: нынешнего и бывшего! Именно поэтому национальные языки подчиняются законам и правилам, которые нужно хорошо выучить, да и потом продолжать совершенствовать свои знания, чтобы хорошо знать свой родной язык!

Между национальными языками и эсперанто, фактически, не существует никакой принципиальной разницы. Как национальные языки, так и эсперанто имеют одинаковых социальных носителей: группу людей. Эволюция этих групп зависит от различных факторов. И национальные языки и эсперанто, в какой-то степени созданы спонтанно, а начиная с какого-то момента — сознательно. Сколь значительно сознательное участие в создании языка — не имеет принципиального значения. Но степень сознательного имеет, однако, позитивное значение относительно результатов. Чем более сознательно создание на базе определённых правил эволюции языка, тем более совершенен результат. Именно поэтому Международный язык многократно превосходит национальные языки, не только как средство общения в повседневной жизни, но также и как средство художественного выражения.

Между национальными языками и Международным существует одно огромное различие, а именно, различие цели, которой они служат. В то время как задача национальных языков обеспечить ограниченную необходимость в общении и мышлении в национальных рамках, Международный язык освобождает мысль от цепей национального языка и отправляет её в свободный полёт от страны к стране, от народа к народу, по всему миру. Когда в массовом порядке во всех школах мира станут изучать Международный язык, затратив на его изучение в четыре раза меньше времени, чем на изучение родного языка, тогда человечество переживёт великую духовную революцию и тогда в полной мере станет очевидным плодотворное моральное и интеллектуальное влияние Международного языка.

* * *

Глава VII

Язык и мысль

Язык — не только главное средство общения. Он также — инструмент мышления. Язык даёт возможность обобщать и систематизировать явления. Давать названия предметам, событиям, действиям, что означает, фактически, исследовать их до некоторой степени, синтезировать определённое понятие одним символом — словом.

Понятие, разумеется не должно быть абсолютно истинным. Обычно оно только относительно верно. Правда является подлинной только в определённых обстоятельствах, в определённых условиях, в рамках достигнутого общего уровня развития и степени знания. Познание мира прогрессирует постепенно, и новые открытия науки способствуют расширению и углублению прежних знаний.

Поэтому прогрессирует не только язык, но и содержание слов постоянно меняется от эпохи к эпохе. И даже более того, в течение одной и той же эпохи, для одного и того же поколения это содержание не остаётся тем же самым для всех людей. Разным был смысл слова «солнце» до Галилея и после него. Различен смысл слова «атом» для крупного физика и неспециалиста. Разную идею несёт в себе слово «эсперанто» для человека владеющего этим языком и для того, кто лишь что-то слышал о нём. Следовательно, весь язык отражает сущность достигнутых знаний всего общества в определённую эпоху. Но индивидуальное знание языка является скромным по сравнению с объёмом знаний, который отражает весь язык, как скромны индивидуальные научные

знания одного человека по сравнению со знаниями всего общества. Таким образом, знания всего общества никоим образом не могут идентифицироваться со знаниями коллектива (взятыми как целое) о языке.

Существуют слова, очень немногочисленные, которые, в общем, понятны всему коллективу, говорящему на данном языке. Другие слова известны только людям определённых профессий, определённых направлений, в определённой среде. Наконец, достаточно большое количество слов известно только специалистам. Но даже слова, в общем, понятные или слова знакомые только профессионалам или специалистам не вписываются в рамки объёма знаний любого отдельно взятого человека. Здесь существуют бесконечные варианты, число которых почти также велико, как и многочисленные представители данного языкового сообщества.

Однако, какое-то общее ядро знания содержится в каждом слове. То, что солнце — это сверкающий, греющий диск, восходящий утром и опускающийся вечером, что он — самый большой объект на небосводе, который видит человеческий глаз, и когда говорят “солнце”, думают именно об этом предмете, а не о луне или какой-то звезде, есть, несомненно, суть общего содержания слова “солнце” во все эпохи и для всех людей с момента, когда человек узнал об этом объекте и назвал его так. Подобный же общий смысл содержит и любое другое слово, и этот смысл понимает каждый человек, который знает само это слово. Но вне этого ядра смысл слова варьируется от эпохи к эпохе, от одной социальной группы к другой, от человека к человеку!

Принимая во внимание вышеуказанную многозначность слов, можно безошибочно утверждать, что язык такой, каким он является, даёт возможность осуществлять процесс мышления. Свои достигнутые знания, относительные (как мы видим), человек каким-то образом фиксирует, конкретизирует в языке. Это даёт возможность мысли осуществлять новые умственные операции, новые комбинации, достигать новых знаний и так бесконечно приближаться к недостижимой абсолютной истине.

Есть лингвисты и философы, которые полагают, что можно

мыслить без помощи языка. Они приводят в пример художников, актёров, музыкантов, которые выражают себя посредством цвета, звука и т.п., не используя для этого язык. Упоминают также рабочего или ремесленника, которые почти автоматически изготавливают различные вещи, не используя при этом речь, хотя очевидно, что они в процессе работы осмысливают операции.

Приведённые примеры не кажутся столь удачными. Прежде всего, следует заметить, что можно ощущать, не прибегая к помощи символов. Любовь, ненависть, радость, печаль и т.п. чувствуют без речевых операций и анализа. Если художник, скульптор или кто-то другой выражает себя не языком, а иными способами, это означает только, что на этом поле чувств он использует неречевые выражения, но это совершенно не означает, что он способен в области логического мышления использовать приёмы своего особого искусства. С другой стороны, ремесленник или рабочий, которые почти автоматически изготавливают вещь, достигли автоматизма (если мы вообще имеем право употребить здесь это слово) после долгой практики, которая, несомненно, с самого начала требовала логического мышления с помощью языка. Автоматические действия и реакция абсолютно никоим образом не противоречат утверждению, что логическое мышление возможно только с помощью языка. Только язык с помощью своих обобщений и систематизаций даёт возможность создавать логически осмысленные фразы, конкретизирующие и подчёркивающие логичность мышления. Такая логически построенная фраза, конкретизация мышления, формируют базу для следующей мысли, которая будет снова конкретизирована в новой фразе. Таким образом, язык помогает мысли, а мысль развивает язык.

Мысль и язык взаимно влияют друг на друга. Однако мысль, которая, в свою очередь, развивается под весьма различными влияниям материальной жизни, является первичной, а язык — вторичным. Это означает, что возникающая мысль непрерывно ищет новые адекватные выражения в языке. Найдя такие выражения, мысль сама получает новые возможности для работы, что приводит к дальнейшему поиску новых выражений. В этом взаимном влиянии и помощи развиваются и мысль и язык. Если

мысль — это мать языка, то дочь — не только полезна, но и необходима своей матери. Иными словами: *богатство нашей мысли обогащает наш язык, но также и богатство нашего языка в значительной степени обогащает нашу мысль.*

Богатство какого-либо языка важно не только с точки зрения межчеловеческого общения, но также и для мышления. Чем богаче язык, тем больше возможностей для мышления, адекватного самовыражения, общения и, применяя риторику, влияя на других.

Но что такое — языковое богатство?

Обычно полагают: чем больше слов содержится в языке, тем он богаче. Конечно, словарный запас — хороший критерий оценки, однако — не единственный.

Прежде всего, следует помнить, что многие слова в результате изменений становятся архаизмами и совершенно не употребляются в новых обстоятельствах. Чаще всего они сидят в больших словарях, забытые всеми, незнакомые и непонятные. Они являются излишним украшением, не ценимые как языковое богатство.

С другой стороны, не следует забывать, что многие правила всех национальных языков, созданные и развиваемые в течение столетий под влиянием иных условий, чем сегодняшние, как-то застыли, затвердели и, таким образом, почти насильно связывают мысль, заставляя её работать в ограниченных условиях.

Богатство языка не зависит от всей сокровищницы словарного запаса, собранной и зарегистрированной в словарях, а зависит от тех слов, которые употребляются и применяются. Только слова, подходящие для выражения наших мыслей и стремлений, считаются подлинным языковым богатством.

Гибкость и приспособляемость языковых форм, возможно даже важнее языкового богатства. Бесплезно для языка иметь сотни тысяч слов, если они, практически, не употребляются! Бесплезна тщательно разработанная грамматика, если она не помогает мысли, а тормозит её!

Если судить о богатстве языка по этим критериям, можно легко констатировать, что международный язык — самый богатый язык на сегодняшний день.

Часто задают вопросы, можно ли на языке эсперанто создавать художественную литературу или писать научные труды, подходит ли язык для докладов, лекций, бесед, выступлений. Многие считают, что эсперанто хотя и подходит для ежедневной практической жизни, но является недостаточно подходящим инструментом для выражения более сложных мыслей.

Такое мнение совершенно ошибочно. Международный характер эсперанто позволяет адекватно выражать мысль во всех случаях, встречающихся в каждом национальном языке. Это, фактически, означает, что он значительно богаче, чем какой-либо национальный язык. Всё, что можно сказать на литературном национальном языке, можно выразить и на эсперанто. Напротив, понятия одного национального языка очень часто нельзя выразить на другом национальном языке (*См. гипотезу Куайна (Quain). — Примеч. пер.*)

Вот только два-три примера.

В итальянском языке есть слово “*intascare*”. Во многих национальных языках подобного по смыслу слова нет. Это слово означает: положить, сунуть в карман. Фактически, слово “*вкарманить*” (*intascare*) имеет иной оттенок, чем “*положить в карман*”. Но итальянский также не имеет многих других слов, подобных по выразительности слову “*intascare*”, хотя во многих случаях подобные слова сделали бы язык более выразительным. В Международном языке можно легко составить большое количество подобных слов. (*Примеры переводчика: “изавтобуситься — elaytobusiqi (на эсперанто)”*). Читатели, разве вам не приходилось таким способом покидать переполненный автобус?! Или вот ещё пример из языка эсперанто: *ronardo* - кинжал, *ronardi* - ударить кинжалом. Ну нет в русском языке краткого, быстрого слова “кинжалить”, *enterigi* - вбить, засунуть, вложить в землю). *Surtabligi* - вывалить на стол, *enĝrankigi* - втолкнуть, впихнуть что-либо в шкаф, “вшкафить”. Принцип логически применимый. В национальных языках такое невозможно, и потому мысль скована и несвободна. Нужно использовать несколько слов, часто целую фразу, чтобы описать подобную мысль. Ясно, что такого рода описания событий каким-то образом разжижают, ослабляют

остроту идеи.

Во многих языках можно из некоторых существительных сформировать глаголы. Существительное “царь” можно преобразовать в глагол “царствовать”, а можно сказать: “быть царём”. Между этими двумя формами — и это очевидно — большая разница. Первая форма “царствовать” (править) — более динамична, чем вторая. Царствовать — означает: действовать, вести себя как царь, в то время как “быть царём” является просто констатацией факта, несколько статично (*Например, царь Фёдор Иоанович был царём, но не правил; фактическим правителем был Борис Годунов. — Примеч. пер.*). Таким способом в эсперанто (*а в данном примере и в русском*) можно создать из любого существительного глагол (и не только глагол, но и прилагательное, наречие, причастие и деепричастие; *примеч. переводчика*), что в национальных языках далеко не всегда возможно. В эсперанто можно параллельно и совершенно логически употреблять обе формы, и таким способом чётко выразить два смысла, динамичный и статичный. Можно употребить форму: царствовать, “профессорствовать”, “адвокатствовать”, “солдатить” (тянуть солдатскую лямку; *примеч. переводчика*), т.е. всегда, когда хотят подчеркнуть динамичность или, наоборот, употребить статичную форму, когда нужно просто констатировать факт. Есть большая разница между “он профессорствовал” и “он был профессором”. Всё это даёт полную свободу — свободу, ограниченную только логически, дающую возможность не только для точного выражения, но и открывающую новую дорогу мысли.

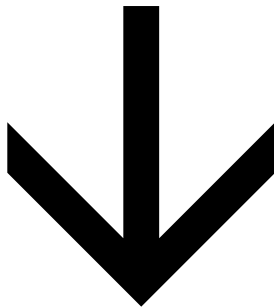
Во многих языках можно также сформировать глаголы из прилагательных. Однако, не во всех. Кроме того, не во всех языках, в которых это можно сделать, такое правило является общим. Оно применимо только к некоторым прилагательным. В эсперанто это правило носит общий характер и ограничивается только требованиями смысла образуемого слова. На языке эсперанто можно сказать «быть белым», но можно и сказать «белеет». Снова, первая форма статична, в то время как вторая имеет оттенок динамичности. Первая форма констатирует белый цвет, а вторая — приблизительно означает: производить

впечатление белизны, бросаться в глаза как нечто белое. Если мы видим перед собой простую белую бумагу, то, конечно же, скажем: “бумага белая”, а не — “бумага белеет”. Однако, если мы катаемся на лыжах в горах, покрытых снегом и хотим выразить словами воздействие на нас снежной белизны, мы скажем: “снег белеет”^(113-а) Так, с помощью простой, красивой и ясной короткой формы можно выразить, что снег не только белый, но также производит сильное впечатление. Таким образом в эсперанто предоставляется широкая возможность выразить нюансы: белый, имеет белый цвет, белеет, белеется, окрашивает в белый цвет (*blanka, estas blanka, havas blankan koloron, blankigi, blankigi*)...

В эсперанто принцип получения составных слов с помощью свободного присоединения друг к другу корней и аффиксов (которые сами по себе в отдельности также имеют чёткое смысловое значение), содержит бесконечные возможности создания новых, чётких выражений. Аффиксы: *ig, iĝ, aĥ, es, ul, mal, dis* и другие дают огромный простор для образования новых слов и помогают мыслительному процессу. Это позволяет чётко выразить идею и облегчает построение концепций. Поэтому Эсперанто является неисчерпаемым источником новых слов. Как таковой, он также является самым подходящим инструментом для всех ветвей искусства, которые используют язык, как средство своего выражения. *Одна из этих ветвей — риторика.*

Конец первой части

Часть вторая

Риторика

Глава VII

Красноречие и риторика

Есть люди, имеющие природный талант убедительно и чётко говорить. Их речь ясна, их аргументы сильны. Они успешно склоняют других на свою сторону. В кругу товарищей, друзей, коллег их идеи внимательно выслушиваются, их мнения охотно принимаются. Они красноречивы.

Итак, красноречие — это талант говорить красиво, чётко и убедительно. Неважно ни место, где они говорят, ни их окружение. Красноречивыми они могут быть на улице, на заводе, в семейном кругу, в обществе. Но выразительно можно говорить и при публичном выступлении: в суде, парламенте, в академии или университете, в церкви или выступая перед армией...

Красноречие не имеет ничего общего с болтовнёй. Говорить много и сверх меры, часто о совершенно малозначительных вещах, вовсе не означает говорить красноречиво. Красноречие не имеет ничего общего с избытком слов. Красноречие — это правильное употребление необходимых слов. Болтливый — не есть красноречивый, а подлинно красноречивый никогда не выглядит болтливым. А потому часто бывает ошибочным мнение, что человек, который умеет много говорить, обладает врождёнными способностями стать оратором. Напротив, такой человек, если он не избавится от этого своего недостатка, никогда не станет хорошим оратором. Выступая, он выльет на слушателей массу фраз, он не остановится, заполнит зал своим голосом, но его слова пройдут мимо ушей слушателей. Он не овладеет вниманием аудитории.

Красноречие — основа ораторского искусства. Если красноречие — это естественный, оживлённо струящийся поток, то ораторское искусство — это сознательно регулируемая мощь реки. Ораторское искусство, называемое иногда также риторикой, есть сознательно регулируемое красноречие. Однако, искусство говорить, в принципе,

может иметь отношение и к частной беседе, и к публичному выражению мыслей. Между этими двумя категориями — огромная разница. Совершенно иные правила красноречия — в частной беседе и при выступлении с трибуны. В частной беседе тоже можно представить свою мысль выразительно и красиво, можно следить за своей речью и таким образом достичь большего эффекта. О таком контролируемом красноречии, которое мы назовём для простоты — частным красноречием, написано много книг. Особенно в последнее время эта сторона была достаточно широко изучена и с точки зрения языка, и с точки зрения психологии. Фактически, и красноречие в частной беседе, если оно сознательно контролируется, можно назвать ораторским искусством. Однако под ораторским искусством обычно понимают не такого рода красноречие. Ораторским искусством принято считать только выразительное выступление перед публикой, которое подчиняется определённым принципам и правилам.

Наука, изучающая законы ораторского искусства, называется риторикой.⁽¹¹⁴⁾ Следует чётко различать красноречие, которое (как было сказано выше) есть естественный талант убеждать, и риторику, которая является наукой, изучающей правила чёткого и убедительного публичного выступления. Красноречие может существовать, и фактически существует, вне какого-либо исследования, вне обучения, в то время как риторика регулирует красноречие и поднимает его на более высокую ступень: ступень ораторского искусства. Верно сказал Вольтер (Voltaire): “Красноречие родилось до появления законов риторики. Сначала человек красноречиво заговорил, а затем теория исследовала правила красноречия”. Эта теория создавалась не только на основе опыта великих ораторов, но и на базе абстрактных рассуждений. Итак, риторика — это теория ораторского искусства.

И ораторское искусство, и риторика родились в античной Греции. До середины 5-го века до н.э. в Греции были только ораторы, которые сформировались как практики. До этого времени искусство убеждать принадлежало тем, кто от природы был красноречив. Их речи высоко ценились. В общественной жизни Греции эти от природы красноречивые граждане имели

большое влияние.

Но в середине 5-го столетия на Сицилии зародились первые попытки теоретически изучить публичное ораторское искусство. В 470 – 460 годах города-государства сумели устранить режим тирании и установить демократию. Новая политическая атмосфера способствовала развитию ораторского искусства. В связи с этим сформировалась идея, что хорошая речь содержит в себе некую систему, изучив которую можно отыскать её принципы и законы, и каждый от природы талантливый человек, если получит правильное образование, может овладеть этим искусством. Так появились первые попытки установить законы публичного ораторского искусства: родилась риторика.

Коракс из Сицилии и его ученик Тизий были первыми учителями ораторского искусства, первыми риторами. Другой большой сицилийский мастер слова, Горгий (Gorgias) из Леонтины, привёз эту новую теорию на свою родину. В 427 г. до н.э. он приехал в Афины как посол своего города просить помощи против Сиракуз. Своим красноречием он убедил афинян предпринять известный поход против города Сиракузы. Сам Горгий оставался в Греции до своей смерти. Там он был высоко ценим за свой ораторский талант, и разбогател, преподавая ораторское искусство.

Хотя Горгий, в общем-то, признаётся софистом, сам он таковым себя не считал, а, по уверению Платона, всегда называл себя ритором (retor). Фактически, в отличие от софистов, которые занимались общим образованием, а риторика была лишь его частью, Горгий сосредоточился только на ораторском искусстве.

Афины стали не только центром ораторского искусства, но и школой его теории. Большие ораторы были обычно и учителями искусства речи. Ещё до прихода Горгия, там развил свою деятельность Антифон (480 – 411), первый из десяти известных ораторов античной Аттики. Интересно, что он профессионально занимался составлением речей для других, но сам выступил публично только один единственный раз: на своём собственном процессе, когда он был приговорён к смертной казни за

предательство. Возможно, что Антифон не только занимался составлением речей, но и обучал, и написал учебник по технике ораторского искусства.^(114-а)

В Афинах софисты публично выступали, делали доклады на различные темы, от математики до мифологии, преподавали риторику. Самыми известными среди них были Протагор (Protagoras) из Абдер, Продик (Prodikos) из Кеоса и Гиппий (Hippias) из Элисы. Обучая ораторскому искусству, греческие софисты должны были изучать также и языки, и поэтому они стали первыми грамматиками. Их целью было обучить приёмам аргументации и убеждения. Используя многозначность слов, они достигали только кажущейся точности, но фактически делали ошибочные, вводившие в заблуждение, выводы.⁽¹¹⁵⁾ Хотя софисты и имели заслуги в области развития философской мысли и лингвистики, однако обучение подобным ошибочным рассуждениям порождало о них плохую молву, которая сохранилась и до наших дней в часто употребляемом слове “софизм”. Платон (428 – 348), который рассматривал риторику во многих своих произведениях, например, в “Горгиях” и “Федре”, остро атаковал софистов, упрекая их в ошибочном употреблении слов. Он правильно говорил, что софисты хотят выигрывать споры при любых условиях, не пренебрегая никакими приёмами, чтобы достигнуть своей цели, совершенно не обращая внимания на истину. Софисты не понимали, что подлинно большое и благородное ораторское искусство — неотделимо от правды, что именно победа истины должна стать основой их деятельности и конечной целью. И если “Горгий”, в основном, критикует теории софистов, то в “Федре” ставится цель представить базу для позитивного ораторского искусства. Этим произведением Платон хотел показать, что подлинная научная риторика, в данном случае — любое произведение в прозе, должна основываться на логике и на изучении человеческой души, особенно страстей. Так он определил риторику как философскую науку, базирующуюся на диалектике (логике) и психологии.

Известными ораторами 5-го столетия, кроме упомянутого Антифона, были Перикл и Эскин, друг Сократа.

Конец 5-го и всё 4-е столетие были эпохой многостороннего и бурного расцвета ораторского искусства и риторики. Этой эпохе принадлежат девять из десяти великих ораторов Аттики. Этот список открывают Андокид (Andocides) и Лисий (Lysias). Их произведения отличают простые слова, ясный и лёгкий стиль. Следующий — известный Исократ (436 – 338), который оставил после себя 21 речь, и Исей (420 – 350), от которого сохранились 12 речей. Греческое ораторское искусство достигло своего апогея в блестящих речах Демосфена (384 – 322), самого гениального, самого достойного, искреннего и потому самого великого оратора античных времён, и, конечно же, самого выдающегося оратора всех эпох. В своих речах Демосфен применил и развил, в высшей степени заслуживающие внимания, достоинства Антифона, блестящую эlegantность Лисия, пленительный размах Исократа. От Демосфена сохранились 69 выступлений, из которых самые известные — “Филиппики”, выступления против Филиппа Македонского и его сторонников, “О преступном посольстве” и “О венке”. (115-6) Эскин, противник Демосфена, оставил нам 3 своих выступления.

Другими известными ораторами этого периода были Ликург (Lykurgos) и Гиперейд (Hypereides), соратники Демосфена против Эскина и других сторонников Филиппа. Последний из этой десятки — Дезинарх, противник Демосфена.

Как учителя ораторского искусства достойны упоминания известные риторы Трасимах из Халкедона, Теодор из Византии, Исей и особенно Исократ — учитель известных ораторов той эпохи.

Исократ (436 – 338) получил великолепное образование, какое тогдашние софисты могли дать. Уже в юношеском возрасте он изучил тонкости грамматики, т.к. его учителями были Протагор и Продик. Он изучал риторику у Горгия, с которым был в близких отношениях. Исократ женился на вдове софиста Гиппия из Элисы. Платон очень уважал его и предвидел в “Федре”, что Исократ, тогда ещё очень молодой, со временем станет

большим оратором, что все его предшественники в этом вопросе — просто дети, т.к. “мой дорогой Федр, истинная философия поселилась в нём”. Хотя Исократ также, по случаю, составлял речи для других, однако, он не очень любил эту работу. Его настоящей работой, которой он посвятил свой большой талант и всю свою душу, было преподавание ораторского искусства. В школе Исократа, которую он основал в 392 году неподалёку от лицея^(115-в) Аристотеля, обучались самые лучшие умы греческого мира, от Черного моря до Сицилии. Более 40 известных граждан Греции, чьи имена дошли до наших дней, посещали его школу. Его учениками были Исей, Ликург, Гиперид. Исократ установил базовые законы для формы и ритма прозаического стиля. Его принципы воспринял Цицерон, а, благодаря Цицерону, через несколько столетий их унаследовала вся европейская литература.

Огромные заслуги в области теории ораторского искусства принадлежат Аристотелю (384 – 322) — самому разностороннему и глубокому мыслителю античного мира. В своём произведении “Риторика”, написанном приблизительно в 322 г. до н.э., великий философ изложил основные принципы ораторского искусства, которые он освободил от ошибок и ухищрений софистов. Исходным пунктом аристотелевой теории риторики является то, что текст речи он отнёс к категории художественного произведения. “Если хороший оратор убедил слушателей, — говорил Аристотель, — то это означает, что можно отыскать причины, благодаря которым он добился успеха. До Аристотеля преподающие риторику занимались, главным образом, приёмами, воздействующими на чувства, вызывающими эмоции. Это, по Аристотелю, может быть и хорошо, но не имеет ничего общего с ораторским искусством, основной целью которого должно быть доказательство точки зрения оратора. Риторика учит говорить диалектически, убедительно, и потому в основе её лежат логические рассуждения. Мастер логически рассуждать — это и мастер ораторского искусства, — уверяет Аристотель. От таланта оратора зависит, сделает ли он упор, оценив состав слушателей, на логическую сторону своих доказательств, или

будет апеллировать к их эмоциям. Подбирая способы убеждения, Аристотель говорит, что самый лучший метод такой, который обучает наибольшему количеству дел, самым подходящим способом. Два вида факторов способствуют достижению этой цели. К первому виду он относит различные внешние способы, такие как свидетельства и другие доказательства, Второй вид состоит из многих способов, называемых внутренними: логические, обращение к разуму, моральные качества и авторитет оратора и т.п. Весьма поучительно он рассматривает механизм аргументации, особенности помещения для выступления, обычаи, страсти. В другом произведении "О стиле" Аристотель представил несколько правил построения стилистических оборотов.⁽¹¹⁶⁾ Все виды выступлений он делит на три главных категории: делиберативные (политические) выступления, демонстративные и судебные.⁽¹¹⁷⁾ Это деление долгое время оставалось образцом.

Аристотель считал, что ораторское искусство полезно по четырём причинам. Прежде всего, оно ставит своей целью ликвидировать ложь и несправедливость. Во-вторых, даёт возможность убедить тех, кого нельзя убедить с помощью строгой логики. В-третьих, красноречие — это искусство внушения, в том смысле, что даёт возможность разгадать позицию и аргументы противоположной стороны, и, таким образом, дополняет картину всего рассматриваемого вопроса. Наконец, оно носит защитный характер, и если добродетели подобает защищаться физически от физического нападения, то тем более достойна одобрения защита с помощью разума. Аристотель не прошёл мимо того, что техника красноречия может быть использована для лжи и неправильно использована для целей недостойных и несправедливых. На это он отвечает, что всё хорошее и всё полезное, за исключением самой добродетели, может быть также неправильно использовано, например, сила, мощь, здоровье, богатство, руководящее положение. Именно акцент на безошибочность добродетели указывает, по мнению Аристотеля, что подлинно большим оратором может быть только тот, кто помимо других положительных качеств, обладает добродетелью.

В эпоху эллинизма, последней фазе греческой культуры после завоевания Александром (Македонским), духовная жизнь не погасла, но всё-таки потеряла свою свежесть, динамизм и оригинальность. Упадок риторики тоже начался не сразу, но больше уже не появлялись ни ораторы такого класса, как Демосфен, ни риторы, какие были прежде. В эту эпоху самыми известными были Деметрий из Фалер (345 – 283) и Гегесий из Магнезии в Лидии. Первый был приверженец перипатетической школы в Афинах, которая стремилась продолжать традиции Аристотеля. Второй рассматривается как продолжатель так называемой “азиатской” риторики. Он избегал длинных фраз и пытался имитировать простоту стиля Лисия, но, фактически, его разукрашенный, безвкусный, помпезный и напыщенный стиль был очень далёк от мастерства предшественников. Цицерон не оценивал его высоко.

В эту эпоху прославились также многие риторические школы. В них преподавали не только риторику, но также философию и право. Оратор, окончивший такую школу, имел высокую репутацию. Одна из самых выдающихся и, разумеется, самых известных школ была на Родосе.

Многие греческие и другие ораторы и риторы переселились в Рим, где они могли попытать счастья. Вскоре они основали там собственные школы ораторского искусства и считались опытными специалистами в этой области. Молодёжь Рима охотно посещала эти школы и внимательно следовала наставлениям учителей. Среди них особое место занимал Гермагор (Hermagoras) из Темноса (Temnos), ритор родосской школы и преподаватель риторики в Риме в первой половине I-го столетия. Он боролся с напыщенным стилем азиатской школы, которой подражали в Риме. Главными чертами этой школы были: чрезмерное применение различного рода риторических фигур и других словесных украшений, монотонность ритма, употребление слов лишь для достижения ритмического эффекта, преувеличенный пафос. Гермагор разработал новую риторическую систему, которая включала в себя опыт, накопленный до Аристотеля, и

философскую риторику великих мыслителей. Эта его риторика, которую можно назвать схоластической, имела для ораторского искусства Рима такое же примерно значение, как и деятельность Исократы для Афин. Гермагор противостоял также и азиатской концепции, согласно которой ораторские способности — это только следствие длительной практики. Он снова обратил внимание на необходимость серьёзного изучения риторики.

Так греческая риторика трансплантировалась в Рим, где снова расцвела в произведениях Цицерона, ставшего, как Демосфен, самым великим оратором всех эпох. Однако, в отличие от Демосфена, Цицерон не обладал такой смелостью, честностью и искренностью, которая в столь высокой степени была присуща характеру афинянина.

М. Т. Цицерон (106 - 43) был широко эрудированным человеком. Ещё в юношеском возрасте он интересовался литературой, изучил диалектику и право, глубоко освоил греческую философию. Риторике он обучался сначала у Молона и Родоса. Затем, объехав много стран, повысив свои знания и культуру, он снова вернулся на Родос и теперь уже основательно изучил риторику у того же Молона. Цицерон сам рассказывает, что он многим обязан Молону, который освободил его от “азиатчины”, модной тогда в Риме. В течение своей жизни Цицерон составил много речей: первую — в возрасте 25 лет. Некоторые никогда не произносились в том виде, в каком они дошли до нас. Цицерон обычно готовил, так сказать, скелет выступления. Если он находил его удачным, то затем уже составлял речь полностью.

Цицерон дал анализ риторике в трёх своих произведениях: “Об ораторе” (“De Oratore”), “Брут” (“Brutus”) и “Оратор” (“Orator”). В первом, состоящем из 3-х книг, он рассматривает методы анализа будущего выступления: предмет темы, форма выступления и риторические обороты. Во втором произведении “Брут” представлена история ораторского искусства в Риме. В произведении “Оратор”, которое посвящено М.Бруту, даётся описание совершенного оратора. Цицерон закончил всё это сочинение о риторике выводом, что совершенный оратор должен быть одновременно и совершенным человеком. Таким образом, и он

тоже полагал, что без высоких моральных качеств невозможно стать большим оратором. Произведения Цицерона даже сегодня читаются с большим интересом.

Эта же самая мысль, о необходимости каждому оратору совершенствоваться как человеку, есть и у Квинтилиана (M.F. Quintilianus. 35-95), известного учителя ораторского искусства в древнем Риме. В своём объёмном труде "De Institutione Oratoria" его исходным пунктом является следующее: "Оратор — это хороший человек, искусный в публичных выступлениях". Далее он поясняет, как эти два качества — быть хорошим человеком и уметь хорошо выступать перед слушателями, необходимо систематически развивать с детских лет, чтобы стать хорошим оратором. Но это его произведение, хотя и прекрасно написанное и часто цитируемое даже в наши дни, относится уже к периоду декаданса.

С падением республики риторика и ораторское искусство начали приходить в упадок. Во времена имперского правления риторика превратилась в ремесло, приносящее доход, а ораторское искусство опустилось до уровня обычной работы. В I-м столетии н.э. можно ещё найти великих мастеров. Среди них, в первую очередь, следует назвать Дионисия из Галикарнаса, греческого историка и преподавателя риторики, деятельность которого приходится на время правления императора Августа. Достоверно, что ему принадлежит труд "Комментарии об античных ораторах" и "О достойном восхищении стиле Демосфена". Некоторые считают, что Дионисию принадлежит известный "Трактат о возвышенном", хотя автор его фактически неизвестен. Некоторые приписывают этот труд Лонгино (Longinus, 213 – 273), греческому ритору и критику философии. Современники называли Лонгино "ходячей библиотекой" или "говорящим музеем", столь велика была его эрудиция. В работе "О возвышенном" описаны, в основном, принципы впечатляющих и эффективных приёмов речи. Другие известные имена I-го столетия — Сенека Старший (Отец) и его сын Сенека Младший (? - 65), который прославился как оратор в Верховном суде.

В I-м столетии, вероятно, во времена правления Веспасиана (70 – 79), обучение риторике получило общественный характер. Были основаны кафедры риторики. Каждая школа риторики имела, по сути, две кафедры: одна для риторики софизма, т.е. для обучения риторике как искусству, другая — для обучения политической риторике, а именно, для применения ораторского искусства в судах. Общественные преподаватели риторики назывались “софистами”, и это имя имело значение как академическое звание, как сегодня — профессор или доктор наук. Разумеется, эти “софисты” не имели ничего общего с софистами Древней Греции.

Квинтилиан нарисовал портрет идеального оратора как человека очень образованного, умного и достойного уважения. И действительно, риторика имела целью сформировать такого оратора. Но в последующие столетия, когда политика сконцентрировалась при императорском дворе, когда автократия разрушила последние остатки античной демократии и вскоре даже трансформировалась в тиранию, на риторику обрушились тяжёлые удары, и она перестала быть средством воспитания. Риторика, которая всегда была базой античного воспитания, сконцентрировала теперь своё внимание на правилах выступлений. Большое внимание уделялось выступлениям перед императором. Детально описывалось, о чём необходимо говорить в начале речи, в середине и в конце. Даже количество слов было ограничено, “чтобы не докучать слишком долго императору”!

Это, фактически, означало конец риторике как науке и красноречию, как искусству. Никакая теория, ни в каком виде искусства не может представить полностью разработанные правила. Теория может лишь исследовать фундаментальные принципы, главные элементы, оставив широкий простор для индивидуальности артиста и художника. Всё, что подходит для любого вида искусства, подходит и для ораторского искусства. Поэтому правила риторики должны заключаться в общих положениях. Если же их детализировать, указывая каждую мелочь, то это уже не будет риторикой, а оратор, рабски следующий таким

правилам, уже не будет подлинным оратором.

В средневековой академической системе обучения преподавались так называемые семь “свободных искусств”, которые были разделены на две части: “тривиум” (trivium) и “квадривиум” (quadrivium). В первой части в течение четырёх лет обучали грамматике (включая и литературу), диалектике (фактически это была формальная логика) и риторике. Вторая часть, квадривиум, была высшей формой, обучение длилось три года. В неё входили: геометрия (фактически изучались: география, естественная история и целебные свойства растений), арифметика (где обучали самому простому счёту, необходимому в повседневной жизни), музыке (главным образом, духовной) и астрономии (которая являлась скорее астрологией, чем астрономией, в подлинном смысле этого слова). (117-а) Под риторикой в это время понимали не только составление поэтических и прозаических композиций, но также и изучение права. Главными, достойными упоминания, авторитетами в области риторики были Касиодор (Cassiodorus, 5 век н.э.) и Исидор (Isidorus, 7 век н.э.).

Начиная с 4-го столетия и в течение всего средневекового периода, ораторское искусство использовалось, главным образом, в церковной деятельности. Хорошими ораторами-проповедниками были греческие священники Василий и Хризостам, латинские — Амброзий и Августин. В 11 веке прославился Пётр-эрмит (Пётр-отшельник; *примеч. переводчика*), призывавший к Первому Крестовому походу, а затем и принявший в нём участие, и Бернард, великий проповедник, призывавший ко Второму Крестовому походу. Блестящим оратором был Фома Аквинский — наиболее выдающаяся личность 13-го века. Реформация оживила публичные дискуссии на религиозные темы. В этих дискуссиях как ораторы прославились Лютер (Luther) и Кальвин (Calvin).

В 16-м столетии начала также возрождаться и риторика. Л. Кокс (L. Cox) написал книгу “Искусство или сила риторики” (1549 г.). Англичанин Т. Уилсон (T. Willson) опубликовал труд “Искусство риторики (1553 г.), в котором объединил принципы Аристотеля, Цицерона и Квинтилиана. Примерно в это же самое время во

Франции вышли трактаты по риторике Тонквелина (Tonquelin, 1555) и П. де Курцеллиса (P. de Courcelles, 1557). В Нидерландах Маттйис де Кастелейн (Matthijs de Castelein) составил свой труд “Искусство риторики” (“Const van Rhetoriken, 1548 г.). В 16-м веке в Нидерландах были очень популярны “риторические комнаты”, точнее “риторические общества граждан”, в которых они упражнялись в литературных декламациях, разыгрывали спектакли, сочиняли стихи, а не занимались риторикой, в подлинном смысле слова. В 17-м и последующих столетиях появилось большое количество трактатов о риторике на различных языках.

Искусство политической риторики после нескольких столетий сна пробудилось в стране, которая первой сумела создать современные демократические институты: с развитием британского парламентаризма расцвело и политическое красноречие. Великие политики 18-го и 19-го столетия: Вильям Питт (William Pitt); лорд Четэм (Chatham); Вильям Питт-младший; его противнику Ч.Фокс (C.J. Fox); Э.Бьюрк (E.Burke); Д. О’Коннел (D.O’Connel); лорд Расселл (Russell); лорд Дерби (Derby); Дизраэли (Disraeli) — лорд Биконсфилд (Beaconsfield); его великий противник В.Э.Гладстон (W.E.Gladstone); Джон Брайт (John Bright), мастер английской риторики 19-го столетия. Все эти известные политики были одновременно и большими ораторами. Именно высокое искусство красноречия не только помогало им в политической борьбе, в словесных дуэлях, но и прославляло их имена в мире.

Политическая риторика процветала также и во Франции во времена Революции и в дальнейшем. Мирабо (Mirabeau), Камил Десмо (Camille Desmoulins), Дантон (Danton), Робеспьер (Robespierre) и другие потрясали тогдашнее общество своими великолепными выступлениями. Несколько позже прославились как ораторы Ламартин (Lamartine), Гизо (Guizot), Гамбетта (Gambetta). Выступления перед армией совершенствовал Наполеон. Его обращения к армии, несомненно, оказывали впечатляющее воздействие и воодушевляли тысячи солдат. Во Франции также совершенствуется и академическая риторика. Тонкие

оттенки мыслей, высказанные на элегантном французском языке, являются для многих подлинным примером выступлений подобного рода. Члены Французской Академии всегда обращали внимание не только на содержание своих речей, но и на форму.

Американскую риторику, прежде всего, представляют Дэниэл Вебстр (Daniel Webster), Джон Рэндолф из Роанока (John Randolph of Roanoke), Джон К. Кэлоу (John C. Calhoun) и, разумеется, Абрахам Линкольн (Abraham Lincoln), верный и последовательный защитник демократии, у которого (хотя его и нельзя назвать оратором современного типа) имеется несколько очень хороших выступлений. (117-6)

По мере распространения демократии во всём мире, во всех странах расцвело и возродилось ораторское искусство. Голоса талантливых и красноречивых людей зазвучали в парламентах, народных собраниях, университетских аудиториях. Однако риторику, вообще говоря, не преподавали.

После Второй Мировой войны в некоторых странах снова проявился интерес к этой важной дисциплине. Победа альянса (*антигитлеровской коалиции; примеч. переводчика*) восстановила в большинстве стран демократический строй, создала важные международные ассоциации и институты. Всюду оживилась общественная жизнь. В этих обстоятельствах для многих людей появилась возможность выступать публично. Не только политики в парламентах, адвокаты в судах, священники в соборах или генералы перед солдатами, но и специалисты на заводах перед рабочими, профсоюзные работники на собраниях, студенты в кружках и на семинарах, да и любой простой человек — тысячи и сотни тысяч во всём мире получили возможность публично выступать перед миллионами людей.

.....
.....
.....

Конечно, необходимо учитывать, что среди сотен тысяч ежедневно выступающих публично на различные темы,

отыщется небольшое число выдающихся ораторов. Мы часто сталкиваемся с людьми, которые много говорят, но очень редко встречаем подлинно хороших ораторов. Выступая публично, ораторы часто допускают более или менее заметные ошибки, которые “смазывают” порой даже самые благородные и глубокие мысли, часто проявляют невниманье к слушателям, читая по бумажке, не используют возможности своего голоса, чтобы лучше выделить свою мысль, не учитывают особенности помещения, в котором выступают и, что самое ужасное, не знают хорошо языка, и, таким образом, делают фатальные ошибки. Сколько раз случалось, что именно из-за той или иной ошибки оратор не только не достигал желаемого эффекта, а, напротив, ставил себя и то дело, которое он отстаивал, в смешное положение! (117-в)

Наиболее опасны языковые ошибки. Они могут навредить всему выступлению. Вот только два примера.

Большой митинг собрал на главной площади около 100000 человек. Всюду флаги, музыка, площадь торжественно украшена. Оратор, известный руководитель рабочего движения, говорил о нищете рабочего класса при капиталистической системе. Говоря затем о социализме, он громким голосом, чётко произнёс: “Но в социалистическом обществе рабочие трудятся не ради интересов капиталистов, они работают ради интересов *других*”. Была сделана фатальная ошибка. Вместо того, чтобы сказать “ради *своих* интересов”, он произнёс “ради интересов *других*”, чего вовсе не хотел говорить, но что в данном случае было истиной! Большинство слушателей рассмеялось, началось шушуканье и обсуждение ошибки, послышались шуточные выкрики. (117-г)

Другой случай. Оратор говорил напыщенными словами о заслугах известного государственного чиновника, характеризуя его деятельность во время войны и после. Наконец, оратор подошёл к кульминационной части своего выступления, в которой он должен был подчеркнуть человеческие качества чиновника, его близость к народу. И именно здесь оратор допустил

большую ошибку, сказав: “Мы, однако, не любим его (этого чиновника), т.к. он находится в крепости, в которую нельзя войти. Он, окружённый своими генералами и советниками, защищённый пулемётами, ведёт нас к *свободе*. Но мы любим его, потому что у него большое сердце, т.к. он — наш и наш брат, и т.д.” Здесь допущено много ошибок. Во-первых, из всего сказанного следует, что чиновник находится в замке и до него нельзя добраться, окружён генералами и советниками, защищён пулемётами..., чего оратор совсем не хотел говорить. Вероятно, он хотел намекнуть на других чиновников, которые так себя ведут. Т.е. оратор сказал то, чего он совершенно не хотел говорить, но не сумел найти подходящее выражение своим мыслям. Затем он сделал другую ошибку, сказав, что “он ведёт к свободе”. Из этой фразы следует, что страна в данный момент не свободна. И этого тоже оратор вовсе не хотел сказать!!!

Можно легко собрать целую коллекцию подобных примеров и написать об этом книгу. Два приведённых примера достаточны, чтобы показать, какие ошибки делают ораторы в своих выступлениях и как они могут изменить суть мысли. Впрочем, любой внимательный слушатель может сам убедиться, что в большинстве публичных выступлений отыщется достаточное количество не только лингвистических, но и другого сорта ошибок.

Это доказывает, что сегодня, более чем когда-либо, необходимо уделить должное внимание изучению ораторского искусства. Как известно, риторику пока ещё не преподают в школах. (*Уважаемые читатели, прошу обратить внимание на дату издания “Retoriko” — 1971год; примеч. переводчика.*) Однако, в некоторых странах риторику преподают в университетах. Наконец-то осознали, что, например, адвокат должен говорить о праве, а до сих пор будущих адвокатов обучали юриспруденции, но не обучали говорить. Теперь этот недостаток пытаются ликвидировать. В Советском Союзе преподают риторику на вечерних курсах. (*Вероятно, автор имел ввиду университеты марксизма-ленинизма, которые имели вечернюю форму обучения, и там действительно преподавали методы ведения*

агитации и пропаганды, что, по сути, являлось преподаванием риторики; примеч. переводчика) В нескольких британских колледжах она является учебным предметом. Во Франции имеются частные школы риторики. В других странах также появился интерес к этому предмету.

Итак, возникает принципиальный вопрос: можно ли овладеть ораторским искусством?

Есть старое латинское изречение: “poeta nascitur, orator fit” (“поэтом рождаются, а оратором становятся”). Оно означает, чтобы стать поэтом, нужно иметь поэтический талант. И, напротив, оратором можно стать, только обучаясь, даже не имея таланта. Несомненно, талант необходим в любой области искусства. Несомненно, без таланта нельзя стать ни поэтом, ни художником, ни скульптором. Но, не имея таланта, нельзя стать и оратором. И так же как изучают любой вид искусства, так же и человек, обладающий талантом оратора, должен изучать риторику, чтобы выйти за рамки просто талантливой рассказчика и стать подлинным оратором. Следовательно, правильнее сказать: “Orator et nascitur, et fit” (“Оратором и рождаются и становятся”).

Ораторское искусство сильно отличается от других видов искусства, в которых используется язык. Это единственный вид искусства, который создаётся непосредственно перед публикой, как по форме, так и по содержанию. Поэт пишет свои стихи дома или в каком-либо другом месте, но всегда в одиночестве. Он пишет, затем перечитывает, исправляет, вычёркивает и дописывает, но всегда имеет возможность порвать написанное, если оно ему не понравится. Когда поэт печатает свои стихи, он не имеет непосредственного контакта с публикой. Публика читает эти стихи такими, какими их напечатали. Читатели не знают и не могут знать, сколько поэт работал над этими стихами, страдал, радовался, огорчался. То же самое можно сказать и о писателе, драматурге и т.д.

Актёр в фильме творит перед публикой, но только с экрана. Сильные сцены, трогающие сердце зрителя, были десятки, а

может быть и сотни раз отрепетированы, прежде чем их увидели на экране. Только актёр в театре творит перед публикой. Но и он создаёт форму, а не содержание. Содержание создал драматург (*и режиссёр; примеч. переводчика*), который обращается к публике через актёра.

Оратор же создаёт своё произведение (речь) прямо перед публикой. Конечно, оратор тоже готовится к выступлению, обдумывает свою речь, но свою мысль он излагает непосредственно перед слушателями. Оратор не имеет времени долго обдумывать фразу, как это могут делать поэты и писатели. Оратор не может “вычеркнуть” уже произнесённую фразу, если она в дальнейшем не понравилась ему. Хороший оратор никогда не заучивает свою речь, как это делает актёр со своей ролью. Настоящий оратор творит прямо перед публикой, а это требует дополнительных физических и интеллектуальных усилий. Но его искусство особо вознаграждается публикой, которая сама имеет возможность активно участвовать в этом процессе. Так, если оратор своей речью воздействует на слушателей, то они могут оказать влияние на оратора.

В таком взаимном влиянии и рождается знаменитая речь как коллективное произведение оратора и публики. И это придаёт особое очарование ораторскому искусству.

В силу особенности ораторского искусства, в котором присутствуют три элемента, а именно, оратор, публика и сама речь, весьма логично, что риторика, как теория ораторского искусства, должна также изучать эти три элемента. Следует упомянуть, что античные учителя ораторского искусства делили риторику на три части, но по другому критерию. Первая часть относилась к **инвенции** (лат., *inventio*). В этой части рассматривались методы поиска аргументов и доказательств для будущего выступления, изучались способы того, как привлечь внимание публики и добиться её благосклонности. В инвенции уделялось особое внимание методам, которые могли бы возбудить страсти толпы и тронуть её сердце. Вторая часть относилась к **диспозиции** (*dispositio*). Здесь приводились в порядок собранные аргументы и доказательства и изучались приёмы того,

Каким образом одержать верх над публикой. Речь идёт о той части работы, которая относится к составлению краткого плана будущего выступления. Оратор после сбора материала сортирует его, определяет вводную часть выступления, направление дальнейшего развития речи, способы использования аргументов и доказательств, а также составляет заключительную часть своего выступления. Он пытается предугадать различные ситуации и планирует, как он будет действовать в том или ином случае.

И, наконец, третья часть, называемая элокуцией (elocutio), рассматривала само публичное выражение мыслей в процессе выступления. (118: 118-a) Согласно Цицерону и Квинтилиану — это самая важная и самая сложная часть риторики.

Такое деление, хотя и очень удобное, и даже сегодня подходит для аналитического изучения самой речи, кажется, тем не менее, непоследовательным, т.к. недостаточно полно. Великий мастер сравнил однажды публичное выступление с игрой в мяч. В этой игре, кроме мяча, принимают участие игрок, который бросает мяч, и игрок, который его принимает. Так и в хорошем выступлении важную роль играют не только слова и фразы (*мяч*), но и личность оратора, и характер публики. Итак, современная риторика должна рассматривать личные качества оратора, характер публики и, разумеется, саму речь.

* * *

Глава IX

Физические качества оратора

1. Внешний вид.

Невозможно сказать, какой внешний вид должен иметь оратор. Чтобы стать оратором, не требуются какие-то особые физические качества. Хорошим оратором может быть человек и высокого, и маленького роста, молодой или старый, полный и худой. Его внешний вид не играет большой роли, если он умеет адаптировать свою манеру выступления, своё поведение, свой внешний вид и особенно голос к окружающей обстановке. Главное — избежать диспропорций. Человек очень маленького роста будет выглядеть смешно, если будет говорить очень громко или кричать в течение всего своего выступления. Также смешно выглядит великан, говорящий кротким нежным голосом. Невысокий человек должен всё время помнить о своём росте и сообразно корректировать свои действия. Для этого он может искусно использовать небольшой помост, если ему приходится выступать стоя чуть выше слушателей. И наоборот, оратор высокого роста обязательно должен избегать высоких помостов и кафедр. В обоих случаях речь идёт о выступлении стоя. Если говорить приходится сидя, что часто случается в университетах и других учебных заведениях, тогда стул, на котором сидит выступающий, должен располагаться несколько выше мест для слушателей.

Хотя каких-то особых требований к внешним физическим данным оратора не существует, всё же следует сказать, что некоторыми качествами он, однако, должен обладать. Немой, заикающийся, имеющий сиплый голос, конечно же, не может быть

оратором. Так же и некоторые другие физические недостатки могут сильно усложнить публичное выступление. Слепота, полная или частичная глухота или другие существенные физические недостатки могут представлять серьёзную помеху для выступления. Оратор должен быть внимателен к своим слушателям, постоянно смотреть на них, видеть их реакцию, слышать случайные замечания и, некоторым образом, как бы навязывать себя им. Люди с серьёзными физическими недостатками не смогут это сделать полностью. Они будут испытывать гораздо больше трудностей, чем ораторы, не имеющие физических недостатков.

2. Голос

Главное физическое качество оратора, качество, без которого его нельзя даже вообразить — это голос.

Голос — это вся совокупность звуков, которые производит вибрация голосовых связок при движении воздуха из лёгких через гортань в горло, а оттуда, через рот и нос, наружу. Этот голосовой аппарат очень сложен и изящен. Здесь следует сказать, что голос формируется в гортани, полость которой разделена на две части узким отверстием голосовой щели. В гортани находятся голосовые связки (*голосовые складки; примеч. переводчика*), состоящие из эластичной волнообразной (так называемой, фиброзной) ткани. Многочисленные слизистые железы расположены в складках гортани и надгортанном хряще. В глотке располагаются многочисленные мускулы, задача которых напрягать или расслаблять, сближать или удалять друг от друга голосовые связки. Когда воздух, сильно выдыхаемый из лёгких через голосовую щель, приводит в движение голосовые связки, они начинают колебаться. Частота колебаний зависит от их длины, толщины и натяжения, и также как струны в музыкальных инструментах, они производят различные звуки. Надгортанные полости, полости горла рта и носа формируют звуковые пространства,

играющие роль резонаторов и модификаторов звукового тона. Также полости трахеи и груди частично влияют на качество тона, но каким образом и в какой степени — это до сих пор недостаточно исследовано. (118-6)

Голос обладает определёнными качествами, которые зависят не только от пола и возраста, но и от индивидуальных особенностей. Даже один и тот же человек может менять свойства своего голоса.

В целом различают силу, высоту, тембр и гибкость голоса.

Сила голоса зависит от амплитуды колебаний голосовых связок в результате выдоха воздуха. Высота — от числа колебаний в секунду (частоты колебаний) и имеет определённую границу. Голосовые нити (связки) у детей более короткие, чем у взрослых. Длина нитей у мужчин, в среднем, достигает 15 мм, в то время как у женщин — только 11 мм. Поэтому у детей голос более высокий, чем у взрослых, а у женщин — более высокий, чем у мужчин. Тембр голоса зависит от дополнительных гармонических звуков (колебаний) основного голоса (обертонов). И, наконец, гибкость голоса зависит от быстроты изменения напряжения голосовых связок.

Все эти характеристики голоса человек может до определённой степени сознательно регулировать. Можно говорить громче или тише, в зависимости от интенсивности выдыхания воздуха из лёгких. Можно говорить более или менее высоким голосом, заставляя голосовые связки более или менее чаще колебаться. Также можно придать голосу до определённой степени ту или иную окраску. Голос может звучать резко, отрывисто, мощно, как поток, но можно его сделать кротким, бархатным. Таким образом, этим гибким инструментом можно выразить самые тонкие нюансы.

Человеческие голоса делятся на две главные категории: мужские и женские. Мужские голоса — более низкие, женские — более высокие. В среднем, женский голос, приблизительно, на октаву выше мужского. По высоте голосового регистра эти две главные категории делятся на три подкатегории. Тенор у мужчин и сопрано у женщин — самые высокие голоса. Средние регистры — это баритон у мужчин и мезцо-сопрано у женщин.

Самые низкие регистры — бас у мужчин и контральто у женщин. Каждый тип голоса имеет диапазон около полутора октав, но многие, особенно певцы, имеют более широкий регистр. Известен случай, когда диапазон голоса певца имел ширину пять октав.

Какой из этих голосов лучше всего подходит для певца?

Вероятно, из всех голосов — и женских, и мужских — лучше всего будет восприниматься баритон. Женские, как правило, слишком высоки, негромки и не очень звучны. Тенор, несомненно, лучше всего звучит в лирической песне, но утомителен при длительном восприятии речи. Бас же очень хорошо подходит для тяжёлых ответственных выступлений. А баритон, который может подниматься до регистров тенора и опускаться до уровня баса, пожалуй, лучше всего подходит для голоса оратора.

Здесь следует учесть ещё один пункт. Оратор должен иметь возможность менять высоту голоса в течение выступления. Он должен адаптировать не только скорость и громкость речи, но также и высоту голоса в зависимости от смысла фразы. Поэтому, чтобы иметь возможность повышать или понижать высоту тона в процессе выступления, оратор должен произносить речь, в основном, в среднем регистре своего голоса. С этой точки зрения баритон также лучше всего подходит, т.к. это нормальный средний человеческий голос. Поэтому ораторы, обладающие басом, произносят свою речь, главным образом, в более высоком, непривычном для них регистре и поэтому испытывают большие затруднения, чтобы ещё более увеличить высоту тональности, когда этого требует смысл фразы. Аналогичные трудности, но только в обратном порядке, встают перед тенорами. Таким образом, баритон, с этой точки зрения, имеет преимущества перед басом и тенором. Но это, разумеется, не означает, что люди, обладающие басом или тенором, не могут быть хорошими ораторами. Это только означает, что оратор-баритон лучше может использовать свой голос.

Из женских голосов, по тем же причинам, более всего подходит меццо-сопрано. Однако, учитывая, что, как правило, все женские голоса очень высоки, можно считать контральто

наиболее подходящим голосом для женщины-оратора. Красивый, звучный контральто не мешает слушателям даже, если он опускается до самых низких тонов.

Каждый оратор, независимо от того, каким голосом он обладает, должен постоянно заботиться об этом инструменте своего искусства. К сожалению, большинство лиц, выступающих перед публикой, не уделяют никакого внимания своему голосу. Они не используют его возможности, чтобы усилить или приглушить смысл некоторых слов, выделить точки, запятые, двоеточия и другие знаки препинания и вообще пренебрегают тем, какое значение имеет их голос во время выступления. Речь здесь идёт, разумеется, не об исправлении таких недостатков, как присвистывание или заикание. Речь идёт о нормальном голосе, без каких бы то ни было отклонений, но о котором не заботятся. Нельзя установить чёткие правила, как применять голос при выступлении. Во-первых, это невозможно потому, что не только каждый вид выступлений, но и каждое отдельное выступление, и каждая фраза, и даже каждое слово требует особой интонации голоса. Во-вторых, в рамках нескольких общих принципов, каждый оратор должен сам изучить возможности своего голоса и использовать его по-разному при различных обстоятельствах. Однако, необходимо обратить внимание на некоторые стороны этой проблемы. Главным образом следует быть внимательным к высоте голоса, скорости произнесения слов, силе голоса и окраске.

Вот несколько советов.

А) *Высота голоса* зависит от частоты вибраций. Совершенно неважно каким голосом обладает человек, всё равно он может говорить в более высоком или более низком регистре.

Многие ораторы не принимают этот факт и говорят монотонно, с одинаковой высотой голоса. Обычно это средняя высота. Однако, есть ораторы, которые, то ли от волнения, то ли по другим причинам, склонны говорить более высоким, чем обычно, голосом. В течение всего выступления, которое иногда длится более часа, они буквально сверлят своим высоким голосом уши слушателей, которые через некоторое время ощущают почти

физическую боль. Другие — каждую фразу начинают более низким голосом, а заканчивают наиболее высоким. Это происходит совершенно бессознательно и безо всякого смысла. Через некоторое время слушатели уже не способны следить за мыслью оратора, так как постоянно слышат монотонный голос, который усыпительно поднимается до самых высоких нот, а затем снова понижается. Некоторые ораторы начинают каждую фразу низким голосом, повышают высоту его до середины фразы, а затем снова понижают к её окончанию. Такой голос напоминает красивую ровную беседу, но и в этом случае оратор не обращает внимания на содержание своей речи. Безотносительно к смыслу фразы, он регулярно повышает и понижает тон голоса. Этот “танец” голоса совершенно не привязан к высказываемым мыслям. Многие ораторы не знают, как выделять точки и другие знаки препинания. Они просто льют слово за словом, фразу за фразой в одном и том же ключе.

Хороший оратор обычно начинает свою речь голосом средней высоты. Если речь идёт о баритоне или меццо-сопрано, выступление должно начинаться в тональности близкой к средней человеческого голоса, но высоту которой можно легко повысить или понизить в зависимости от смысла фразы. Эта начальная средняя высота голоса удобна ещё и потому, что даёт возможность оратору контролировать эхо в помещении или в каком-либо другом месте, где он выступает. Если оратор уже знает это помещение, если он уже неоднократно выступал здесь, это несомненно облегчает ему выбор начальной высоты голоса. Следовательно, он сразу может начать выступление, не приспособляясь к акустическим особенностям помещения. Но если оратор не знает особенностей помещения, он обязательно должен начать выступление голосом средней высоты, прислушаться, как его голос “звучит” и, изменяя высоту своего голоса, подобрать лучший вариант.

Различные тональности своего голоса оратор может и должен приспособлять в широком диапазоне. В самой сильной, наиболее динамичной, наиболее важной части выступления необходимо повысить тональность. Это повышение обычно

сопровождается и усилением звучания голоса и, возможно, ускорением произнесения слов. Финальная часть кульминационного момента речи произносится наиболее громким и высоким голосом, но при этом слова произносятся медленно и тщательно *отделяются друг от друга*, чтобы каждое из этих слов глубоко воздействовало на слушателей. Иногда необходимо постепенно, шаг за шагом, увеличивать тональность и силу голоса сообразно усилению аргументации, но перед последней, заключительной фразой, сделать короткую паузу и затем уже более низким и менее громким голосом, медленно и чётко произнести главную мысль.

Эмоциональную, трогательную душу, часть выступления, желательно произнести более низким голосом. Окраска голоса должна быть всегда более мягкой, более "сладкой", как бы ласкающей, бархатно-деликатной. Именно поэтому низкая тональность очень подходит для того, чтобы тронуть сердце, вызвать человеческие чувства. Произносить надгробную речь на похоронах друга или товарища высоким голосом совершенно недопустимо или, по крайней мере, — неподобающе. Напротив, говорить сладким, глубоким голосом, выступая перед войсками, нельзя, да и смешно. Между этими двумя крайностями можно столкнуться с массой различных нюансов. Даже во время траурной церемонии иногда можно использовать более высокую тональность голоса, если речь идёт о политическом выступлении, если из смерти данного лица хотят извлечь политический капитал, что, к сожалению, случается очень часто! С другой стороны, почти не бывает выступлений, в которых не было бы моментов, трогательных за душу. Адвокат, взывающий к судьям, священник в церкви, политик, выступающий в парламенте, учёный, излагающий свою мысль в академии, народный оратор — на митинге... все они обязательно вставляют в свою речь несколько фраз, обращённых более к сердцу, чем к разуму слушателей. Тональность и окраска этой части выступления должна быть адекватна содержанию. В противном случае, диспропорция убьёт идею. Для всех остальных частей выступления, которые не динамичны, не трогают сердце, необходимо употреблять средние регистры своего голоса попеременно, то несколько

увеличивая высоту голоса, то понижая его, и, таким образом, создавая из слов определённую музыку выступления. Главным образом, во время повествовательной части, при построении простых доказательств, ораторы используют средние регистры своего голоса. Нет ничего более смешного, чем диспропорция между обычным, иногда даже банальным содержанием и выразительностью голоса. Разговор, например, высоким и сильным голосом, с пафосом, о простом личном событии производит не только смешное, но и глупое впечатление. И публика будет права, если посчитает, что выступающий не может отличить незначительное от важного, что его посредственный интеллект видит в любом пустяке мировую проблему.⁽¹¹⁸⁻⁶⁾

Б) *Скорость выступления* имеет первостепенное значение для успеха. В повседневной жизни встречаются люди, говорящие очень быстро, но есть и такие, которые очень медленно произносят слова. Это зависит как от природных качеств человека, так и от привычки. В северных странах обычно говорят медленнее, чем в южных. Но и на севере можно встретить человека, говорящего очень быстро, а на юге — медленно.

Так же и среди больших ораторов были такие, кто произносил речи в быстром темпе (главным образом в Италии), и такие ораторы, которые говорили медленно.

Скорость речи частично зависит от хорошего знания языка. Чем чаще человек употребляет данный язык, чем глубже он знакомится со всеми его особенностями, тем легче мысль отыскивает адекватное выражение, тем быстрее он может говорить. Поэтому очень трудно говорить на иностранном языке, которым недостаточно хорошо владеешь. Говорящий должен использовать только те слова, которые знает, но и в этом случае он рискует употребить их неправильно. Это заставляет его задумываться и говорить очень медленно и с запинками. Прежде всего, это относится ко всем национальным языкам, которые в силу их сложности иностранцу почти невозможно выучить.⁽¹¹⁹⁾

Всё это не относится к Международному языку Эсперанто, который легко может изучить любой человек и за более короткий срок, чем свой родной литературный язык.

Во всех случаях хорошее знание языка позволяет быстро привести в соответствие слова и идею, что и является условием полного владения скоростью речи.

При отсутствии случайных дефектов и недостатков органов речи, любой человек может достичь с помощью ежедневных более или менее продолжительных упражнений, довольно высокой скорости произнесения слов. Нужно громко вслух читать хорошие тексты, особенно речи великих ораторов, стараясь достигнуть наибольшей скорости чтения, но обращая внимание на сохранение полной ясности произносимых слов. Таким методом можно приучить язык к быстрому произнесению слов и фраз, и в результате легко управлять скоростью речи. Хороший бегун может двигаться и медленно, если захочет, но тяжело передвигающийся человек, никогда не сможет стать хорошим бегуном.

Многие выступающие совершенно не обращают внимания на скорость речи. Они говорят или быстро, или медленно,сообразно своей привычке, не обращая внимания на содержание речи или какой-то её части, не учитывая особенностей помещения, в котором выступают, состава публики и т.п. Все эти факторы необходимо обязательно учитывать при выборе темпа выступления.

Часто случается, что речь — не только монотонна, без каких либо модуляций, но и медленна. Случаются такие выступления, когда докладчик произносит не более 40 слов в минуту. И это длится не только в течение небольшого отрезка выступления, а на протяжении всего доклада. Наводящий скуку, независимо от смысла слов, медленный голос выступающего вызывает дремоту и скуку, ведёт к потере внимания аудитории, тем более, что большинство слушателей мысленно заканчивают фразу быстрее, чем докладчик.

Другой тип публичного выступления, когда говорят слишком быстро, в некоторых случаях до 180 и даже 200 слов в минуту. Говорить с такой скоростью тоже недопустимо. Во-первых, докладчик рискует нечётко произнести слова, а, следовательно, быть непонятым даже самыми внимательными слушателями. Во-вторых, он рискует неправильно произнести некоторые слова и, таким образом, исказить смысл фразы. И, наконец, монотонно текущий поток слов приводит постепенно к потере внимания со стороны публики. Слушатели, которые в начале пытаются следить за мыслью докладчика, утомляются, теряют нить выступления и только время от времени улавливают несколько слов и фраз.

Хороший оратор сознательно управляет скоростью своей речи. Понимая, что он хорошо овладел лингвистическим и анатомическим языком, оратор может сам определить скорость своей речи в зависимости от обстоятельств, изменяя её в широком диапазоне: от 60 до, приблизительно, 180 слов в минуту!

Так как же говорить? Быстро или медленно?

Прежде чем ответить на этот вопрос, необходимо знать, какое впечатление производит средний темп медленной речи и средний темп быстрой речи.

Оратор, который предпочитает говорить медленно, производит впечатление человека, выучившего наизусть некоторые фразы или всю речь, и выглядит так, будто старается прямо перед публикой припомнить заученный дома текст, или как тугодум. Кроме того, медленная речь нервнрует слушателей, которые могут быстро мыслить.

Оратор, предпочитающий говорить быстро, производит впечатление человека, который тут же, перед публикой облакает свою мысль в словесную форму. Поэтому он более близок слушателям. Его знания и владение темой более очевидны. Слушатели считают, что он хорошо знает то, о чём говорит, и тема, о которой идёт речь в докладе, кажется им более понятной. Это весьма важно с психологической точки зрения. Оратор должен быть не только образованным и уверенным в себе, но также и

производить впечатление знающего и уверенного человека. И это, бесспорно, будет способствовать аргументации.

Положительной стороной медленной речи является то, что публика хорошо её понимает. Именно быстрая речь часто является причиной непонимания. Поэтому оратор, говорящий медленно, должен избегать повторов мысли, т.к. он может считать, что его хорошо слышит и понимает большинство находящихся в аудитории. Напротив, оратор, говорящий быстро, должен обращать внимание: доходит ли смысл его слов до сознания аудитории. Если он, наблюдая за публикой, констатирует, что основной смысл его выступления не воспринимается или непонятен слушателям, то, прежде чем продолжить, он должен повторить основную мысль ещё раз, возможно даже другими словами. В противном случае он рискует быть непонятым далее по ходу выступления, т.к. цепь его рассуждений будет разорвана в сознании слушателей.

И быстрая, и медленная речь имеют свои положительные и отрицательные стороны. Искусный оратор использует только хорошие стороны этого приёма.

Как было сказано выше, на выбор скорости речи влияют также и внешние факторы. В закрытых помещениях можно говорить быстрее, чем на площадях и других открытых местах. В больших помещениях говорят быстрее, чем в маленьких салонах, или комнатах. Чем больше помещение, тем более громким должен быть голос. Количество слушателей играет такую же роль. Если публика многочисленна, необходимо говорить медленнее. *Если число слушателей в помещении огромно, а само помещение велико, всё равно можно говорить быстрее.* Если используется мегафон, что сегодня — не редкость не только при большом скоплении народа на открытых пространствах, но и на различных конгрессах и конференциях, тогда обязательно нужно говорить медленнее. Голос, усиливаемый различной аппаратурой, частично искажается и становится недостаточно понятным. Чтобы сохранить чёткость — этот главный элемент выступления, предпочтительно говорить медленнее, чем при выступлении без звукоусиливающей аппаратуры.

Другие факторы, внутренние, зависящие от содержания выступления, так же диктуют скорость произнесения слов. Так как оратор должен иметь возможность ускорять или замедлять свою речь, а это диктуется смыслом высказываемой идеи, то сначала надо выбрать средний темп выступления.

Если учитывать вышеуказанные внешние факторы, то легко понять, что этот средний темп — понятие относительное. Здесь имеется в виду средняя скорость речи, выбранная по условиям внешних факторов (величина помещения, количество и состав слушателей, применение усилителей или мегатона). Средний темп в большом помещении, фактически, более медленный, чем средний темп речи в малом помещении. Так же и средняя скорость речи при выступлении с профессиональным докладом *перед специалистами*, несомненно, будет выше, чем средняя скорость выступления перед обычной публикой (неспециалистами).

Средний темп зависит не только от общего образовательного уровня слушателей, но также от их знания языка. Чем больше публика привыкла слушать доклады, чем чаще слушала данного оратора, тем быстрее он может говорить. Если общий уровень образования слушателей невысок, также невысок и их уровень владения языком. Это заставляет оратора не только употреблять более простые выражения, что обедняет его мысль, но и говорить медленно. В некоторых случаях, особенно если родной язык слушателей иной, чем у оратора, то языковой уровень публики оказывается ниже, чем её культурный уровень. В этом случае оратор не должен допускать ошибок! Он должен выбрать темп выступления, учитывая не уровень образования публики, а уровень её владения языком.

По этим причинам средняя скорость выступления на языке Эсперанто должна быть несколько меньше, чем подобное же выступление на родном языке перед соотечественниками. Но и в этом случае не стоит преувеличивать трудности, так как Эсперанто достаточно хорошо воспринимается на слух. (119-а)

Если оратор начинает говорить в среднем темпе, он может уже в самом начале своего выступления заметить, подходит ли для восприятия публики данная скорость речи и, таким образом, скорректировать её. Затем, по мере дальнейшего развития своей

мысли, он может говорить быстрее, особенно в той части, где требуется перейти на более высокие ноты. В наиболее важных, динамичных моментах, где необходимо насытить мысль словами, оратор сможет говорить быстрее. Часто бывает, что отдельное слово почти теряет свой обычный смысл, но несколько подобных слов, быстро выстроенных в цепочку одно за другим, вызывают такое чувство восприятия, которое не идентично простому перечислению всех этих слов по отдельности. Речь идёт о впечатляющем эффекте. В этом случае будет большой ошибкой говорить медленно, отделяя одно слово от другого. Здесь не важен точный смысл каждого отдельного слова, но важно общее впечатление производимое всеми этими словами вместе. Именно поэтому

их необходимо произнести быстро, как бы опрокинув этот поток на слушателей. Но когда уже достигнута нужная атмосфера, когда наступил момент высказать кульминационную мысль, необходимо внезапно замедлить темп своей речи, вызвав, тем самым, внимание к чему-то важному, что сейчас последует, и тогда медленно произнести главную идею.

Обязательно нужно говорить медленно, когда вы читаете или цитируете что-то, т.к. письменный стиль всегда более тяжёл, чем разговорный. Также необходимо медленно произносить цифры, различные формулы, имена лиц, названия произведений, городов и т.п. Если есть возможность, особенно в научных докладах, то написать эти трудно воспринимаемые имена и названия на доске. Вообще говоря, сложную часть доклада лучше говорить медленно. Чем сложнее мысль, тем труднее её воспринять, тем медленнее она должна быть произнесена. И, наконец, впечатляющую часть выступления лучше изложить медленнее, в то время как возбуждающую, эмоциональную обычно произносят быстро.

Во всех остальных частях доклада предпочтительно сохранить среднюю скорость речи.

Скорость никогда не должна быть причиной нечёткого произношения. Если докладчик заметил, что, именно, из-за скорости речи слова уже не произносятся ясно, то лучше принести в

жертву скорость, чем чёткость произношения.

Чёткость восприятия достигается правильным произнесением каждой части слова, каждой буквы. Ещё Платон в своём труде "Кратит" разделил все буквы на звучащие или, как он их назвал, имеющие голос, и не звучащие, не имеющие голоса. Это деление принято и сегодня.

Первые, т.е. звучащие — это гласные, а вторые, не звучащие, относятся к согласным. (119-6; 120)

с) *Интенсивность голоса* зависит от амплитуды вибрирующих голосовых связок. Это легко регулируется. Между шёпотом и сильнейшим громовым голосом располагается масса различных по интенсивности вариантов.

Лучше всего начать выступление, произнеся первую фразу средним по силе голосом. Разумеется, выбирая среднюю интенсивность, оратор должен учесть все внешние факторы. В большом зале, с большим количеством публики, понятие: средняя интенсивность голоса будет совсем иной, чем в маленьком зале, с небольшим количеством слушателей. Оратор должен особенно обратить внимание на акустику помещения. Если выступающий не обладает сильным голосом, рекомендуется всегда пользоваться

микрофоном (или громкоговорителем), когда зал очень большой, ибо есть вероятность, что в самых дальних рядах его не услышат. Однако, если условия позволяют, то лучше не использовать громкоговоритель, т.к. голос приобретает металлический оттенок, и, кроме того, он сковывает движения, мешает использовать многие риторические приёмы.

Микрофоны, усилители обязательно необходимы при больших стеченьях народа, на открытых площадях или в огромных помещениях. В этих случаях без усилителей выступление вообще невозможно. С другой стороны, микрофон очень полезен при проведении торжественных мероприятий в университетах, академиях, когда оратор выступает (или даже читает) сидя перед слушателями, когда жесты играют незначительную роль или вовсе не нужны. В этом случае голос должен быть менее громким, хотя количество слушателей может быть и велико. Эту недостаточную громкость скорректирует микрофон. И.

наконец, усилители хорошо применять на больших юридических процессах. Защитная речь адвокатов, фактически, обращена к судьям. Обычно адвокаты произносят свою речь, находясь на близком расстоянии от судей. Потому их речь должна быть относительно не громкой. Но на подобных процессах часто присутствует многочисленная публика. Принцип публичности процесса требует, чтобы каждый присутствующий мог хорошо всё слышать; в том числе и речь адвоката. Поэтому, учитывая интересы публики, адвокат должен говорить громко. Но это не приличествует, т.к. может создаться впечатление, что адвокат обращается не к судьям, а к публике (что, впрочем, нередко и бывает!). Микрофон позволяет выбрать громкость выступления, которая будет соответствовать расстоянию между адвокатом и судьями.

Оратор, на базе всех этих рассуждений, должен сам решить: говорить ли ему в микрофон или нет. Но это решение он должен принимать не в последний момент перед выступлением! Он должен адаптировать к окружающей обстановке не только интенсивность голоса, но также и скорость и, вообще, все остальные моменты своего выступления!

Интенсивность (сила) голоса — это действенный риторический приём, который позволяет не только правильно расставить ударения в словах, но и выделить слова в предложении, а предложение в данном отрезке своего выступления.

Не все слова имеют одинаковую важность в той или иной фразе. Некоторые, а иногда, то или иное слово — более важно, чем остальные. Значение фразы может меняться, если поменять в ней расположение слов или если, не изменяя расположение, выделить иначе те или иные слова. Часто слово, находящееся в начале предложения (или фразы) — наиболее важно.

Если это слово произнеси более громко, его важность станет ещё более очевидной. В некоторых случаях оказывается, что несколько слов играют большую роль в данной фразе, и оратор хочет подчеркнуть ту или иную степень важности каждого из них. В этом случае необходимо поставить в начале фразы то слово, которое по мнению докладчика, будет в достаточной степени выделено уже самим этим расположением. Другие слова

выступающий произнесёт более громко, выделяя их силой голоса так, чтобы самое значительное из этих слов, было произнесено наиболее громко (*а в некоторых случаях* — наоборот, наименее громко). Таким образом оратор сможет достигнуть наиболее желаемого результата.

Следует, однако, заметить, что не во всех языках можно свободно располагать слова в предложении. Поэтому, выступая на таком языке, оратор не может выделить какое-то слово, расположив его произвольно.

В русском языке (и в языке Эсперанго, структуру которого Л. Л. Заменгоф сознательно построил по принципу славянских языков) в этом отношении имеется гораздо большая свобода. И это облегчает оратору задачу.

Акцентируя те или иные слова в предложении, можно добиться различных нюансов. Возьмите любую самую простую фразу и, произнеся её несколько раз, выделите в каждом случае разные слова. И тотчас вы легко заметите все нюансы. Например: *Он уважает её*. Простая фраза, всего три слова, но как меняется её смысл в зависимости от того, на каком слове мы сделали ударение и каким тоном произнесли.

Вот несколько вариантов.

Он (но не я) уважает её. Он *уважает* (но не любит) её. Он *уважает* (я в этом уверен) её. Он уважает *её* (но не меня и не какого-то другого человека).

Модулируя голос, создавая определённый подтекст, можно выразить сомнение, удивление, убеждение, вопрос.

Вот ещё пример, В. Шекспир, “Юлий Цезарь”, акт 3, сцена 2. В своей искусной речи Марк Антоний говорит:

... А вот сюда любимый Брут разил;
Когда ж извлёк он свой клинок презренный,
То Цезаря фонтаном кровь излилась,
И будто этим кровь хотела показать,
Как сильно Брут его ударил.
Ведь Брут для Цезаря, вы знаете, был ангел!
О боги! Цезарь так его любил!

/(Перевод Б.А.Зозули/

Короткий текст, но как много можно здесь выделить, чтобы показать всё предательство Брута (с точки зрения Антония, разумеется), благородство и величие Цезаря. Выделяя слова: *любимый, Брут, ангел, любил*, Антоний старался привлечь внимание собравшихся на то, как благородно относился Цезарь к Бруту. ^(120-а) Выделением слов *ударил, извлёк, презренный клинок*, вызывается возмущение толпы этим предательским убийством Цезаря. Если выделить имя *Цезарь*, несколько раз повторенное в данном тексте, то проявляется личность убитого. Соответствующее акцентирование всех вышеуказанных слов, показывает, что же Антоний хочет доказать: **вину Брута**.

Только одна единственная фраза из данного примера может быть выделена различными способами и вызвать различную реакцию присутствующих. Антоний говорит: "Ведь Цезарь так любил его!" Вот суть различных акцентов. *Брут* — именно он, а не кто иной убил Цезаря. Для *Цезаря* — не для меня, а для Цезаря Брут казался ангелом. *Ангел* — не враг, но больше чем сын. Последнего эффекта можно легко достигнуть, если слово "ангел" поместить в начале фразы: "*Ангелом* был Брут для Цезаря!"

Если оратор желает достигнуть различных нюансов, он выделяет различные слова, придавая соответствующую интонацию своему голосу. Чаще всего он должен выбрать желаемую интонацию (насмешку, иронию, сожаление, вопрос и т.п.), и выбрать, среди многих нюансов, очень быстро, в течение короткого времени, прежде чем произнести соответствующую фразу. Т.к. сама фраза не позволяет придать ей одновременно несколько различных нюансов, то докладчик должен успеть выбрать тот оттенок, который кажется ему самым подходящим.

Интенсивность голоса также помогает выделению всей фразы в рамках какого-то определённого смыслового периода. Если речь идёт о простом рассказе или перечислении доказательств, голос всё время остаётся ровным, средней силы, с небольшими изменениями в течение данной фразы. Но если следуют друг за другом все более веские аргументы, голос, мало помалу, необходимо усиливать, логически сопровождая таким

усилением внутренней силу аргументации. Заключительная часть доказательств, обычно это очень короткая фраза, может быть произнесена наиболее громким голосом или (на контрасте с предыдущими фразами) голосом твёрдым, спокойным, но менее сильным.

Точно также, постепенно усиливают голос при описательном повествовании, когда больше всего публику впечатляет внешний звук, музыка льющихся слов, а не точное внутреннее содержание каждого из этих слов. В этом случае надо не допускать, чтобы слушатели анализировали отдельные слова, т.к. оратор произносит их с этой целью, а добиться создания определённого настроения у слушателей с помощью всей совокупности произнесённых слов. Если бы оратор в этот момент говорит медленно, голосом средней силы, он не добился бы желаемого эффекта, т.к. слушатели имели бы время детально проанализировать каждое слово, а это, несомненно, смазало бы всё воздействие фразы. Итак, необходимо, чтобы оратор говорил достаточно быстро, и тем быстрее, чем больше его слова отличаются от своего обычного значения, чем больше они подходят для красочного описания события. Одновременно, с увеличением темпа речи, голос должен усиливаться, что будет способствовать возбуждению и публики и оратора. Хороший, искренний оратор, рисуя некую реальную ситуацию или духовное переживание, всегда бывает немного "опьянён" картинками, созданными им самим, особенно, если он понимает, что тронул слушателей за душу. Это усиливает его дух, его глаза начинают метать пламя, голос греметь, и публика непременно будет охвачена огнём его речи. Так, взаимно влияя друг на друга, оратор и публика создадут в зале или на площади желаемую атмосферу. Совместно с другими ораторскими приёмами, усиление голоса в значительной степени помогает достижению подобной цели.

Следует ещё добавить, что только хороший оратор, при определённых обстоятельствах (значительное торжество, впечатляющая парадная манифестация, громкий юридический процесс и т.п.), может позволить себе такую красочную речь. Публика, во всяком случае, должна быть немного предрасположена к этому, или в силу внешних обстоятельств, или по причине

предыдущего выступления. Это означает, что публика должна быть увлечена оратором в том же направлении, в котором развивается мысль оратора. Если оратор в начале этой части выступления (развёртывание картины), замечает, что публика не следует за его мыслью по этому пути, то лучше отказаться от этого приёма. Нет ничего хуже, когда настроение толпы формируется в одном направлении, в то время как оратор продолжает тащить её в другую сторону. Плохой контакт между выступающим и аудиторией не позволяет возникнуть взаимному влиянию. В результате, публика спокойно зеваёт и подрёмывает, а оратор фактически, беседуя с самим собой, возбуждается от собственной речи, размахивает руками и т.п. Из-за такой дисгармонии между настроением публики и оратора ситуация становится комичной, и вся речь или, по крайней мере, важная её часть оказывается смазанной.

Вообще говоря, не рекомендуется говорить тихо, т.к. публика ничего не услышит, что — опасно. Этого надо непременно избегать. Но в некоторых особых случаях лучше говорить негромко, особенно, когда тема касается благородства, человечности, доброты.

Г) *Окраска голоса*, как было сказано выше, зависит от обертонов, вызванных колебаниями основного тона. Например, в музыкальном инструменте основной тон *До* вызывает колебания струн *Соль, До, Ми, Си бемоль, До*. Эти дополнительные звуки могут иметь различную силу и окраску в зависимости от инструмента, с помощью которого извлекаются эти звуки. Поэтому не только различные музыкальные инструменты имеют разный голос, но и одинаковые по типу инструменты, например, каждая скрипка, виолончель и т.д. имеет свой, присущий только ей голос. Так же и люди. Голос каждого человека имеет свою окраску. Так мы различаем людей по голосам. Во всём мире не существует двух человек, которые бы имели абсолютно похожий голос. По крайней мере, хоть какой-то маленький нюанс отличает один голос от другого.

Тембр голоса — это дар природы. Есть голоса кроткие, чистые, благородные, бархатные, мягкие, а есть резкие, режущие, свистящие, хриплые. Одним словом, есть голоса приятные на

слух, красивые, а есть — неприятные, которые и слышать не хочется. Человек, у которого неприятный голос, которого почти невозможно слушать, в ораторы не годится. В некоторых случаях можно исправить голос. Человек, которому по роду своей деятельности необходимо много выступать публично, должен обратиться к врачу, и, возможно, врач найдёт способ улучшить звучание голоса. Но, всё-таки надо сознавать, что некрасивый, неприятный голос — серьёзная помеха для успешного выступления.

Каждый человек может с помощью упражнений выработать у себя много различных оттенков тембра. К этому должен постоянно стремиться каждый оратор. В зависимости от обстоятельств голос оратора должен быть то наполненным звоном, то рубящим, то резким, то бархатно-мягким, то по детски капризным, то спокойным как большая река или возбуждённым, как пенящийся поток.

Д) *Знаки препинания* отражают на письме совокупность правил пунктуации. Они легко обозначаются голосом при чтении. Здесь голос играет первую роль. Многие во время публичного выступления не используют интонации голоса, чтобы выделить знаки препинания. Поэтому речь часто воспринимается просто как поток следующих друг за другом слов, без чувства, толка, расстановки. Такой оратор, часто не замечая окончания одной фразы, начинает произносить другую, не различая вопросительных, повествовательных и сложноподчинённых предложений.

Голос же, однако, позволяет выделить в предложении гораздо больше оттенков, чем их можно отметить с помощью знаков препинания.

Речь человека также имеет свои точки, запятые, двоеточия, тире и дефисы, восклицательные и вопросительные знаки!

Запятую выделяют маленькой паузой. Точку обозначают понижением голоса к последнему слову или слогу. Для двоеточия берётся пауза по длительности такая же, как и для точки, но голос не ослабевает и не понижается, а наоборот, становится несколько выше и тем самым указывает на продолжение фразы, ради которой и было поставлено двоеточие. Если цитируются

чь-либо слова, нужно обязательно изменить высоту и силу голоса. Скорость во время цитирования должна быть снижена. При цитировании противника, голос может приобрести ироническую окраску. Но если ваш противник — действительно достойная фигура, или его позиции сильны, или ему симпатизируют слушатели, иронизировать опасно, ибо эта ирония может обратиться против вас. Точка с запятой отмечается как пауза, чуть более короткая, чем точка, голос не понижается, как при выделении точки, но показывает, что вся фраза ещё не окончена. На вопросительный знак укажет повышение голоса и более длительная пауза, чем при постановке точки.⁽¹²⁰⁻⁶⁾ В некоторых случаях, если ожидается какая-то реакция зала, оратор может значительно продлить паузу. Междометия выделяют, произнося слова с некоторым пафосом, долгой паузой после произнесённой фразы, иногда, выделяя некоторые слова: О! Увы! Ах! Часть предложения, выделенная с помощью тире, должна быть произнесена менее энергично и менее громко, чем остальная часть всей фразы. Чтобы отметить голосом тире, фразу прерывают, делают короткую паузу и более глубоким голосом произносят ту часть предложения, которая выделена с помощью тире и, сделав ещё одну короткую паузу (после второго тире), продолжают фразу прежним голосом, которым говорили до первого тире.

Чтобы выделить первую часть или раздел доклада, делают долгую паузу. Обычно этот новый раздел начинают средним по высоте и силе голосом, со средней скоростью речи. Т. к. предыдущий раздел (или часть) доклада обычно заканчивается или более высоким и громким голосом, или более низким и тихим, а скорость в конце раздела или темы обычно выше или ниже средней, то таким способом можно достаточно чётко выделить новый раздел или новую тему.

Речь, имея много разделов и частей, является как бы единым архитектурным сооружением. Слова, фразы, периоды, логически связанные в единое целое, создают красоту конструкции. Но также как красивый дворец не может существовать без хорошего фундамента, красивых этажей, крыши, так и речь не может обрести свою красоту без красивых элементов. Этими элементами являются знаки препинания,

которые разделяют и в то же время объединяют отдельные слова, фразы, предложения в единое целое. Поэтому каждый оратор должен серьезно изучить пунктуацию.

Каждый начинающий оратор должен *упражнять свой голос*. После того как оратор привыкнет выступать публично и будет делать это часто, каждое такое выступление уже само по себе будет тренировкой для голоса. Но в начале, в молодые годы, нужно изучить все возможности своего голоса, устранить его недостатки, научиться полностью управлять им, , развить свои лёгкие. Люди, которые впоследствии прославились как великие ораторы, в начале старательно упражняли свой голос. Для этого лучше всего громко читать речи известных ораторов, анализировать их, стараясь адаптировать все элементы своего голоса в соответствии с содержанием. Т.к. одну и ту же речь можно произнести по-разному, то с помощью голоса можно достичь различных нюансов. Репетируя таким образом, сравнивают, оценивают, какое влияние окажет на слушателей та или иная манера выступления и выбирают ту, которая кажется наиболее подходящей для поставленной цели.

Анализируя речь с той или иной точки зрения, можно использовать различные приёмы. Например, подчеркнуть фразы или отдельные слова, которые кажутся наиболее важными. Используя карандаши различного цвета, можно, как бы обозначить окраску голоса в разных частях анализируемого выступления. Музыкальные значки могут указать, как произносить те или иные фразы. Например, *f* (громко), *ff* (очень громко), *mf* (средняя громкость) и т.п. Другой знак, например, ">", "<" может указывать на высоту голоса. Используя те или иные знаки, можно, во-первых, прочесть речь вслух. Затем, по возможности, выучить всю или часть её и постараться произнести так, как вы это наметили во время анализа.

После каждого выступления, оратор должен провести критический анализ: как звучал его голос. Такой анализ поможет избежать в будущем многих ошибок.

3. Жесты

Хороший оратор воздействует на аудиторию не только словами. Он выражает свои мысли и чувства всем своим поведением, но особенно глазами, мимикой лица, жестами. Выражением лица можно показать суровость, радость, сожаление, гордость, боль, веселье... Естественно, что в зависимости от содержания выступления, поведение оратора меняется. Во время траурной речи не следует иметь радостное выражение лица. Произнося свадебный тост, не следует печалиться.

Всё выше сказанное настолько ясно, что кажется излишним напоминать об этом. Однако, очень часто случается, что выступая публично, то ли вследствие нервного напряжения, то ли по другим причинам, оратор имеет выражение лица, совершенно не соответствующее содержанию речи. Во время важного торжественного собрания один из выступающих рисовал ужасы прошедшей войны. О миллионах погибших он говорил с улыбающимся лицом, держа руки в карманах и широко расставив ноги. Такое поведение вызвало справедливое возмущение публики. т.к. было не только не подобающим, но и непристойным.

Главным помощником оратора являются руки, особенно правая рука, которую античные риторы называли "telum oratoris" — ум оратора.

Главной помехой плохого оратора также являются руки. Многие, выступая перед аудиторией, не знают, что с ними делать, куда их девать. Они держат руки за спиной или, что ещё хуже, в карманах, бессмысленно машут ими или крутят в руках карандаш, или делают ими Бог знает что, только не то, что требуется в данный момент по ходу выступления. (120-а) Если существует что-то, что оратор должен делать наиболее искусно, так это умение держать руки. И насколько умение правильно держать руки во время доклада усиливает смысл слов и поднимает уровень выступления, настолько и неправильные жесты смазывают эффект сказанного. В некоторых случаях неправильные жесты могут испортить всё выступление. Докладчик, который всё время от начала до конца своего пребывания на трибуне

махнет руками как ветряная мельница, может вызвать у слушателей смех. Во всяком случае, несмотря на интересную тему, хорошо продуманные аргументы, внимание публики может обратиться на руки докладчика, а не на суть выступления.

В силу выше изложенного, все риторики уделяют большое внимание обучению ораторов правильной жестикуляции. Древние риторы постоянно советовали держать руки на уровне выше пояса и ниже глаз и не рекомендовали поднимать их над головой или опускать ниже пояса. (120*) Несомненно, этот совет (как общее правило) хорош. Он отвечает требованиям эстетики и соответствует принципам постановки голоса. Однако, его нельзя считать абсолютным. В некоторых случаях, например, в той части, где речь идёт об отречении, отказе, можно опустить руки свободно, как плети, вдоль тела. В другом случае, в моменты наивысшего напряжения в речи, поднять руки высоко над головой. Здесь всегда важно учитывать содержание речи, её характер, душевное состояние публики, вызванное предшествующими словами оратора. Если содержание выступления относится к научной теме, простому описанию событий, к перечислению доказательств и т.п., жесты должны быть сдержанны, а руки не вздыматься в пафосе над головой. И напротив, в оживлённой политической дискуссии, во время торжественных речей перед большим количеством слушателей, иногда (но только иногда!), во время важных судебных процессов и других подобных случаях можно допустить более широкие жесты руки, сопровождаая усиление и повышение голоса во время всё более впечатляющей аргументации, поднимаются всё выше и выше и в самый кульминационный момент достигают наивысшей позиции.

Должна ли рука быть сжата в кулак, или пальцы будут полусогнуты, или только указательный палец будет выпрямлен, а может быть все пальцы будут врозь — всё это зависит от сути выступления. Сжать руку (или руки) в кулак подобает в момент наиболее сильной аргументации, чтобы показать бескомпромиссность позиции. Держать пальцы свободно, не прижимая друг к другу, следует при спокойном разъяснении ситуации в академической или университетской аудитории. Выгну́тый

палец правой руки используют, когда хотят особо подчеркнуть определённое слово, указать реального или абстрактного противника, обострить ситуацию. Пальцы врозь, несколько согнутые с одновременным раскрытием ладони — такой жест служит для спокойного сопровождения слов, когда желают вызвать широкие человеческие или религиозные чувства. Этим жестом очень любят пользоваться пасторы во время религиозной проповеди.

В начале выступления, в его вводной части, лучше не пользоваться жестами. Руки лучше положить на трибуну, на пюпитр или на стол, если он не очень низкий и не заставляет оратора слишком согнуться. В начале также можно держать руки соединёнными, на уровне пояса. Не следует держать руки в карманах или за спиной. Почти невозможно выступать, опустив руки свободно вдоль тела, за исключением выше указанного случая.

По мере развития темы, руки постепенно приходят в движение. Наиболее частая позиция — руки впереди на уровне нижней части груди так, чтобы правая рука находилась чуть дальше от тела, чем левая. Жесты сдержанно сопровождают речь и становятся шире для того, чтобы подчеркнуть самую важную её часть.

При выступлении правая рука используется чаще, чем левая. Правая рука, как бы “первая линия атаки” оратора, а левая — составляет “резерв” и используется только в самый ответственный момент.

Для использования жестов, особенно жестов руками, можно установить общее, но исключительно важное правило: лучше не применять их вообще, чем делать это плохо. Если вы не умеете пользоваться жестами, предпочтительно в течение всего выступления скромно держать руки на пюпитре или на уровне пояса, соединив их.

Второе правило, также очень важное: не слишком жестиковать. Нет ничего более смешного, чем активная жестикуляция, не соответствующая содержанию выступления. Вообразите себе оратора, а такие встречаются, который, рассказывая о чём-то, размахивает руками над головой или, обращаясь к президенту или публике, каждый раз вздымает руки и дрожащим голосом

выказывает глубокие чувства: “Господин президент (нараспев; первое поднятие руки)! Уважаемые дамы и господа (также нараспев; второе поднятие руки)! Дорогие друзья (ещё раз нараспев и третье поднятие руки)” ... Право же, смешно!

Оратор должен понимать, что, если он и пришёл в восторг по какому-то поводу, то это не значит, что и публика находится в таком же состоянии. Жесты надо применять очень осторожно, шаг за шагом, параллельно развитию мысли, в соответствие изменению эмоционального состояния слушателей и оратора. Если жесты применяются не сообразно выше указанным правилам, они мешают и выглядят излишними. Только полное соответствие жестов содержанию выступления и настроению публики и оратора дадут желаемый результат. Самыми идеальными являются такие движения, которые не воспринимаются как жесты, а представляют собой нечто целое с произносимой речью.

И наконец, следует помнить, что оратор — это не актёр. Оратор говорит от своего имени, он представляет себя самого, в то время как актёр представляет другого человека и *высказывает чужие мысли*. Следовательно, жесты оратора должны соответствовать его темпераменту, его характеру, соответствовать всей его личности. И напротив, жесты актёра, которые, впрочем, во всех случаях могут быть более широкими, должны отвечать характеру роли, которую он играет.

4. Одежда

Рассматривая физические качества оратора, следует также сказать несколько слов об одежде, хотя она и не относится к “физическим данным” человека, но, тем не менее, в определённой степени, отражает их. Оратор должен быть внимателен к своему внешнему виду, т.к. публика не только слышит, но и видит его. Небрежная или не подходящая одежда может сильно мешать.

Древние греки и римляне носили широкую, одежду, которая была очень удобна для оратора. Тога, церемониальная одежда древних римлян, обвиваясь, драпировала всё тело, но оставляла свободной правую руку, что было очень удобно.

Сегодня во многих странах с различной целью надевают подобную достаточно удобную одежду. В некоторых университетах Запада профессора читают лекции в особой одежде, обычно с очень широкими рукавами. Так же во многих странах не забыта привычка или правило обращаться к трибуналу в специальной одежде. Военные ораторы носят свою униформу. Пасторы везде появляются в сутанах. Во всяком случае, здесь нет никаких проблем. Оратор просто надевает одежду, которую обычно принято носить в данной стране в подобающей ситуации. Его внешний вид не должен вызывать удивление или негодование публики, да и он сам будет чувствовать себя лучше в такой одежде.

Если оратор выступает в чужой стране, его обязательно надо информировать об обычаях и посоветовать, какую одежду следует надеть.

Чаще всего не существует каких-то строгих правил для одежды оратора. Обычно можно надеть светлую или тёмную одежду, тот или иной галстук, ту или иную обувь и т.п. Многообразие женской одежды открывает ещё более широкие возможности для женщины-оратора.

Но если и не существует в этом отношении твёрдых правил, то всё же есть одно общее и наиболее важное: одежда должна соответствовать теме выступления. Характер выступления зависит не только от того, что оратор желает сказать, но и от того, как он это скажет, какая будет публика. В некоторых случаях это заранее понятно. Если речь идёт о траурном выступлении, оратор одевается обычно в тёмное платье. (Однако в Японии, например, траурная одежда — белого цвета. — *примеч. пер.*) Если придётся выступать перед большим скоплением народа, на площади, то не следует надевать фрак. Часто бывает, что оратор не знает достаточно точно, каков будет характер выступления. Он, несомненно, знает на какую тему будет говорить, но не знает ни о месте выступления, ни о количестве и составе публики, ни о её отношении к теме выступления. Это очень часто бывает, когда выступление организовывает не сам оратор, а кто-нибудь другой, или когда оратор приезжает на собрание или конгресс.

После прибытия к месту выступления оратор, рассмотрев помещение и публику, легко может определить манеру изложения темы в зависимости от обстоятельств, но поменять свою одежду будет уже нелегко. Может случиться, что характер своей речи он определит иначе, чем публика. Ожидая, например, что будет выступать в дружеском кругу, оратор надел свободную, не стесняющую одежду. Но публика восприняла это иначе, слушатели надели торжественную тёмную одежду. Такая ситуация очень неприятна. Также плохо, когда оратор оделся торжественно, а публика явилась в повседневной одежде.

Какие неприятности вытекают по причине неправильно подобранной одежды, показывает следующий пример.

Во время важного международного лингвистического конгресса, в котором приняли участие учёные из многих стран, все присутствующие были одеты подобающим образом. Многие были в чёрных костюмах или в одежде тёмного цвета. Разумеется, все надели галстуки. Молодой человек, одетый в светлые брюки, без пиджака, без галстука, в рубашке с короткими рукавами хотел выступить с докладом о языке эсперанто (к сожалению!). Председательствующий на конференции, увидев его в такой одежде, лишил его слова. Это было неприятно не только для самого выступающего, но и весьма плохо для того дела, которое он прибыл сюда отстаивать! Этот молодой человек не сознавал важности одежды, не понял, что в таком одеянии пристало говорить на молодёжных, дружеских собраниях, но не на научном конгрессе!

Если оратор не знает характера выступления, он должен позаботиться, чтобы его информировали об этом. Он должен заранее посетить место предстоящего выступления, спросить о предполагаемом количестве публики и её составе. Он также должен быть информирован о местных обычаях, как одеваться в подобных случаях. На основе таких исследований оратор должен решить, какую одежду надеть. Следует хорошо понять, что речь идет не о капризах моды, а о подобающем внешнем виде. Чаще всего достаточно сделать выбор между двумя видами одежды: торжественным и повседневным. По крайней мере для мужчин! Женщины имеют более широкие возможности для выбора, и я не вижу необходимости давать им в этом совет.

Глава X

Интеллектуальные качества оратора

1. Общая и специальная культура

Задача оратора — говорить публично о проблемах известных ему. Нет оратора, который мог бы говорить на любую тему, т.к. в эпоху широкого и многостороннего развития нельзя отыскать человека, который мог бы знать всё. Однако оратор, более чем кто-либо другой, имеет возможность выступать не только при самых различных обстоятельствах, но и на самые различные темы.^(120-л) Но даже, если он делает доклад на тему, касающуюся его профессии, ему очень часто приходится касаться вопросов из другой области знаний.

Поэтому каждый настоящий оратор должен постоянно повышать свою эрудицию. Он должен следить за жизнью своей страны, быть в курсе международной политики, знать о новых достижениях в науке и технике, следить за развитием национальной и мировой литературы и философии, интересоваться искусством. Одним словом, оратор должен непрерывно повышать свою общую культуру. Если он и не может знать всё, что вполне понятно, то по крайней мере он должен знать, где и как отыскать информацию по данным вопросам, т.е. он должен хорошо ориентироваться во всех областях науки, философии, искусства.

Оратор с широкой общей культурой почти никогда не попадает в затруднительное положение. Готовя свою речь, он, если появится необходимость, может легко отыскать источники, из которых почерпнёт новые знания. Если, например, адвокату нужно рассмотреть вопрос о связи между раной и смертью жертвы, для доказательства, что жертва умерла не в результате полученной раны,

а по другой причине, он должен изучить важную часть из другой дисциплины, из медицины. Разумеется, он не станет специалистом в области травматологии, но сможет поставить необходимые вопросы перед экспертизой, а свою речь соответствующим образом аргументировать. Общая культура поможет ему ориентироваться в незнакомой области, укажет ему источники новых специальных знаний, в которых он будет нуждаться для своего какого-либо конкретного выступления.

Также и вне этих случаев общая культура может сослужить хорошую службу оратору. Во время своих выступлений он всегда сможет использовать обширные знания для сиюминутного ответа на неожиданные замечания слушателей или оппонентов. Он сможет сделать остроумный намёк или привести интересное сравнение, процитировать известного автора и т.п. В целом, он будет иметь возможность украсить свою речь, оживить её, сделать её более интересной.

Если общая культура оратора должна быть как можно более высокой, то его специальные знания должны быть как можно глубже. Каждый оратор должен в высшей степени знать своё дело. Невозможно представить себе оратора, который говорил бы о юридическом праве, не зная достаточно хорошо этот предмет, или говорил бы о медицине, технике, искусстве, геологии, философии, политике, языке..., например об эсперанто, если он не владеет достаточно этим вопросом. Неюрист не может ораторствовать о юриспруденции, так же как светский человек не сможет выступить с церковной проповедью. От оратора всегда требуют полного знания темы, когда речь идёт о специальном докладе, касающемся определённой профессии.

Поэтому, параллельно с общим образованием, оратор должен уделять огромное внимание повышению своих специальных знаний. Никакое новое достижение или направление не должно остаться незамеченным и неизученным. Когда оратор готовит речь по какой-то

отдельной проблеме из области своей профессии, он должен ещё более глубоко изучить эту тему, освежить прежние знания, добавить новые. На момент выступления он обязательно должен полностью владеть темой, т.к. публика пришла, чтобы выслушать его, и слушатели вправе предполагать, что выступающий знает по теме доклада намного больше, чем они, или, по крайней мере, может представить проблему в каком-то новом свете. Это предположение, дающее, впрочем, большое преимущество оратору, он должен подтвердить содержанием своего выступления, хорошими знаниями обсуждаемой темы.

Специальная и общая культура оратора — это предварительное условие хорошего выступления с точки зрения содержания доклада. Просвещённость оратора (и сознание этой просвещённости) даёт ему необходимую уверенность. Она помогает ему приобрести так называемую ораторскую смелость. Кроме того, просвещённость оратора поднимает его авторитет в глазах публики, а потому его идеи становятся более весомыми и лучше воспринимаются слушателями.

2. Языковая культура

Много раз уже обращалось внимание на особую важность языка в ораторском искусстве. Каждый оратор должен очень хорошо знать язык, на котором он обращается к публике, а эти знания зависят также от общей и специальной культуры. Чем более просвещённым человеком является оратор, тем больше слов он знает. Но с точки зрения ораторского искусства важен не только словарный запас, но и правильное употребление слов. Важно также грамотное применение правил грамматики. Оратор, который плохо говорит на данном языке, заставляет слушателей излишне напрягаться, рискует быть неправильно понятым, должен пожертвовать оригинальными

и интересными мыслями из-за плохого знания языка, да и, в общем, оставляет впечатление недостаточно образованного человека.

Ораторский стиль более интересен, оригинален, чем обычный. Особую прелесть ему придают риторические обороты (стилистические фигуры). Словам и мыслям придают специальный, несколько необычный смысл с целью более точно, эффективнее вызвать желаемое чувство.

К стилистическим фигурам относят фигуральные выражения, слова, обороты и образность мышления. Фигуральные выражения расширяют, дополняют, изменяют, в определённой степени, привычные значения слов. Таким способом добиваются более сильного эффекта. Образность мышления состоит в неожиданности поворота мысли в зависимости от употребляемых выражений.

Каждая риторическая фигура имеет целью сделать идею более ясной, более ощутимой, более воспринимаемой. Иными словами, риторическая фигура предназначена, чтобы привлечь внимание слушателей своей оригинальностью, точностью, блеском. Образные выражения поднимают уровень выступления, трогают сердца, вдохновляют, вдыхают жизнь в идею, окрашивают её. Сдержанно, но точно употреблённые, они украшают речь.

Вот главные риторические фигуры.

А) *Стилистические фигуры* (греч. *schōma*, лат. *figura* — очертание, внешний вид, оборот речи). Их можно придумать много. Наиболее часто применяются приведённые ниже.

1) *Эллипсис, эллипс* (от греческого *elleipsis*) — поэтическая, риторическая фигура, при которой, для придания речи большей выразительности, опускаются несколько слов, легко подразумеваемых. В повседневной жизни мы часто прибегаем к “эллипсисам”, т.к. конкретная ситуация легко позволяет дополнить речь недостающими словами. Чем более интимна беседа, чем более она дружеская, тем чаще в ней встречаются эллипсисы.

Эллипсис также часто применяется и как ораторский приём, и когда люди запросто беседуют. В разговоре между специалистами одной профессии эллипсисы более часты, чем когда ведут беседу на какую-то специальную тему неспециалисты. Чем ближе оратор знаком с публикой, тем чаще в его речи встречаются эллипсисы. Подлинными же эллипсисами, в риторическом смысле слова, это такие, которые образуются путём опускания слова, обычно употребляемого в подобных фразах. Это заставляет слушателей напряжением ума дополнять фразу отсутствующими словами, и таким образом предлагаемая идея лучше запоминается. Но, с другой стороны, здесь нужно быть внимательным, не злоупотреблять этим приёмом, т.к. легко может случиться, что слушатели не поймут смысла, и тогда они вообще не запомнят эту мысль!

2) *Гипербата* (греч. *hyperbaton*) — стилистическая фигура, выражающаяся в расчленении грамматически связанных слов путём вставки между ними другого слова, которое хотят выделить: “Не все мы *Бога* сыновья, возможно и *Сатаны*”. (Иногда гипербата по конструкции бывает близка к инверсии; примч. переводчика)

3) *Конъюнкция* (лат. *conjunctio*) — риторическая фигура, состоящая из повторения и акцентирования одного и того же союза (например, *и*, *или*) с целью усиления смыслового значения: “Они убили человека и кроткого, и великого, и благородного”. Это повторение союзов с целью добиться определённого эффекта не имеет ничего общего с часто встречающейся ошибкой у многих выступающих, которые непрерывно повторяют какой-нибудь союз или слово. Плох тот оратор, который, не найдя подходящего слова, начинает каждый период или даже каждую фразу словами: “и”, “но” и т.п.

4) *Плеоназм* (греч. *pleonasmus*) — употребление дополнительного слова, которое повторяет уже высказанную идею. Плеоназм является фигурой противоположной эллипсису. В обычной, повседневной жизни употребление плеоназмов — чаще всего результат недостаточного знания языка или обыкновенная небрежность. Но как ораторский приём он служит для усиления или дополнительной выразительности мысли. Например: “Я слышал это ушами, я видел это глазами”. Но фраза: “Я слышал это *своими* ушами, видел это *своими* глазами” — более выразительна.

5) *Повтор* (*добавление*) — риторическая фигура, представляющая собой намеренное повторение какого-либо слова или фразы. Если повторяется начало фразы, то такая фигура называется *анафора* (греч. *anaphora*). Повтор слова (фразы), располагающейся в различных местах предложения называется *конверсией* (греч. *conversio*). “Хорош Людовик был со своими коллегами в гимназии, *хорош* он был в семейном кругу, *хорош* среди друзей, *хорош* всегда и везде...”. (Повторением слова *хорош* выделяется его значение.) Вот ещё пример конверсии: “Чтобы не говорить о великом кардинале ни *хорошо*, ни *плохо*, мои стихи и моя проза об этом промолчат. Он сделал для меня слишком много *хорошего*, чтобы говорить о нём *плохо*. Он сделал для меня слишком много *плохого*, чтобы говорить о нём *хорошо*”. (Корнель о кардинале Ришелье). Хорошие примеры конверсий можно найти в речах Брута и Антония в трагедии Шекспира (см. ниже Приложения). Обратите внимание на слово *амбиция*, повторяющееся многократно в их речах.

6) *Оппозиция* (лат. *oppositio*) — соединение противоположных по смыслу слов: “ужасно красивый”.

Некоторые стилистические фигуры называют *тропами* (греч. *tropos*). Это слова и словосочетания в переносном смысле. Ниже приведены несколько основных тропов.

7) *Метафора* (греч. *metaphora*) — употребление слова и словосочетания в переносном значении на основе сходства в каком-либо отношении двух предметов или явлений. Отыскав аналогии между двумя объектами, переносят наиболее характерные черты одного объекта на другой, называя второй объект названием первого объекта: *лев*, вместо слов — смелый человек; *вулкан*, вместо — огромная энергия, большая опасность; и т.п. в зависимости от контекста. Иногда подбирают некрасивую, излишне пышную метафору. Недостаток культуры с одновременным желанием выразить себя “высоким стилем” приводят к выбору банальных, напыщенных слов, которые никоим образом нельзя соединить с конкретным текстом. Таким образом, вместо метафорического высказывания получается глупость. Вот пример такого рода “метафоры”, которую Генри Моннье (Henri Monnier)^(120-й) вложил в уста своего героя монсеньера Прудомма: “*Колесница государства плавает на вулкане*”.

Метафора отличается от простого сравнения тем, что не имеет слов, указывающих на сравнение. Сравнение: “Он силен как лев”. Метафора: “Он лев нашей команды”.

8) *Аллегория* (греч. *allēgoria*) — троп, представляющий в иносказательном изображении отвлечённое понятие при помощи конкретного жизненного образа. Если сказать: “Наш общий дом сотрясает буря”, то в воображении слушателей сразу предстанут события, которые переживает в данный момент страна. Аллегория очень часто применялась, да и сейчас является хорошим

риторическим приёмом. В деспотических, диктаторских режимах её часто используют, чтобы высказать свои мысли и, по возможности, избежать преследования.

9) *Намёк, аллюзия* (от лат. *ad luder* — к игре) — неявный разговор о ком-то или о чём-то, вызывающий мысли и ассоциации, но не называющий вещи своими именами. Это, своего рода скромное сравнение, которое напоминает слушателям о чём-то уже знакомом. Намёк можно сравнить с мячом, который ударяет какой-то объект, отскакивает от него и, наконец, достигает цели. Чтобы построить удачный намёк, используют примеры из истории, мифологии, культуры, этнографии. Намекая, например, на коррупцию, взяточничество, говорят: “Осёл, нагруженный золотом, перепрыгнет самую высокую стену”. Когда у Вольтера спросили, что он думает о только что услышанной траурной речи, тот ответил: “Она похожа на меч Карла Великого”. А для тех, кто не понял — добавил: “Длинная и плоская”.

10) *Ирония* (греч. *eironeia*) — это стилистическая фигура или троп. В обоих случаях говорят противоположное тому, что думают, но произносят так и с таким подтекстом, что слушатели хорошо понимают скрытый смысл. О мошеннике и плуте говорят: *наш праведник*, о безграмотном человеке — *наш Сократ*. (О человеке, который любит много витиевато говорить и выступать: *Златоуст — ты наш*. Примеч. переводчика)

Эти примеры можно отнести также и к тропам. Если ирония выражается целой фразой или несколькими фразами, то этот приём можно назвать образным мышлением.

Ирония может быть добродушной, скептической, грубой, горькой, язвительной, ядовитой. Сильная и острая ирония превращается в *сарказм*.

11) *Катахрез* (греч. *katachrēsis*) — это вид метафоры, почти вынужденной метафоры, когда не удаётся подобрать подходящее слово, чтобы выразить мысль.

Вместо того, чтобы придумать подходящее слово к новому изобретению, его просто называли *лист бумаги, ножка стула, стола* (*электрическая конка, красные чернила*. -- Примеч. переводчи-ка)

Оратор должен остерегаться применения таких фигур, не придумывать новых катахрез, если в этом нет необходимости или пользы. Катахрезы, которые часто встречаются, разумется, можно употреблять.

12) *Гиполага*, *гиполагия* (греч. *hippalagē*), редко встречающаяся фигура, когда слово относят к какому-то данному слову, хотя фактически, оно должно принадлежать другому: "Убивает человека этим ножом *виновный*, он ...". Слово *виновный* должно стоять перед словом "убивает" или после слова "он", а не отнестись к слову "нож".

Однако и эта фигура может быть хорошо использована, если удастся выделить необходимый смысл. В выше приведённом примере удаётся акцентировать внимание на орудии убийства.

13) *Метонимия* (греч. *metonymia*) несколько похожа на *гиполагию*. Эта фигура употребляется для выделения объекта, который определяется с помощью слова, характеризующего другой объект, но который связан с первым объектом логическими, историческими или какими-либо другими отношениями. Например, *золотые руки*, вместо: "он хороший работник (мастер)". Или, наоборот, причину выразить через следствие: "он выпил свою смерть", вместо — "выпил ял". С помощью *метонимии* можно охарактеризовать моральные свойства через физические: *у него нет мозгов, у него нет сердца*; дать оценку содержимому через ёмкость, размер и т.п. *Хорошая бутылка, хороший размер*, где имеется ввиду содержимое бутылки или размер (обуви), который часто встречается и его легко подобрать.

(Пример: "Кто в юности не был радикалом, — у того *нет сердца*, кто к старости не стал консерватором, — у того *нет мозгов*".)

Метонимией выражают качества, которыми обладает человек или предмет: *он пламенный борец*.

14) *Эвфемизмы* (греч. *euphēatismos*: *eu* — хорошо + *phēmi* — говорю) сглаживают остроту отрицательной характеристики предмета или явления (отвратительного, печального, неприятного): *ушёл из жизни*, вместо — “умер”.

Иногда почтение к данному человеку не позволяет назвать его поступок своим именем: *он взял*, вместо — *он украл*.

15) *Антифриза* (греч. *antiphrasis*) — это иронический или даже саркастический эвфемизм, когда нежными, благородными словами характеризуют ситуацию весьма далёкую от такого описания. Древние греки, не колеблясь, называли правителей, убивших своих родителей, братьев, сестёр: *любящий сын*, *любящий брат*.

В. Образные фигуры — также весьма многочисленны.

Вот наиболее главные из них.

1) *Антитеза* (греч. *antithesis*) — это фигура, с помощью которой противопоставляются две разные идеи. В оппозицию ставятся два противоположных по смыслу слова, и, если они выражают противоположные идеи, с помощью соответствующим образом подобранных фраз, то получается антитеза. При антитезе контраст получается более резкий, чем при оппозиции.

Антитеза — это одна из самых красивых риторических фигур. Сущность красоты — контраст. Она подчёркивает формы и проявляет цвета в природе и во всех видах художественного творчества. *Жизнь героев обогащает историю, а история украшает жизнь героев*.

(Антитеза часто строится на антонимах.— *Примеч. переводчика*)

2) *Аностроф* (греч. *apostrophos*) — это стилистическая фигура, с помощью которой прерывается мысль, чтобы обратиться к другому человеку, который не

присутствует в данный момент в аудитории, или к неодушевлённым объектам. Оратор довольно часто применяет апостроф. Никакая другая фигура не подходит так хорошо, как апостроф, чтобы выразить страсть и посеять её в сердцах слушателей. Оратор, будучи не в силах сдержать себя, внезапно выплёскивает свои чувства, идеи. Почти забыв о публике, он живо обращается к лицам не присутствующим в зале, к уже умершим, к богам и т.п. Он призывает их в свидетели. Его возбуждение достигает кульминационной точки, дыхание становится взволнованным.

Два самых великих оратора античности Демосфен и Цицерон оставили нам прекрасные примеры *апострофов*. Достоин упоминания апостроф Демосфена к грекам, погибшим в битве при Марафоне. Также весьма известен апостроф Цицерона к знатым римлянам, чтобы заинтересовать их судьбой своего подзащитного Милона (в речи “В защиту Милона”).

3) *Экскламация* (лат. *exclamatio* — восклицание) служит для выражения возбуждения, гнева, восхищения, страха, удивления и других подобных чувств. Оратор, уступая спонтанному импульсу, отдаёт себя жизненному чувству радости, неожиданности, сильного гнева. Экскламация начинается обычно междометием: *О! Увы! Фи!* и др. Эти восклицания всегда произносятся более высоким и сильным голосом, кроме слов отказа или отречения, которые произносятся глубоким и тихим голосом.

Экскламации довольно часто используются при торжественных выступлениях и придают речи торжественный характер. Поэтому их можно применять только после соответствующей подготовки слушателей к пафосному восприятию. Экскламации располагают в конце ораторского периода: “О боги! Цезарь так его любил!” (из уже цитировавшейся речи Антония).

4) *Эпифонема* (греч. *epiphonēma*) — отдельная категория экскламации, высказанная целой фразой. Она

содержит глубокую мысль или общую максиму, как результат предыдущих рассуждений. Вот пример: “И закрыв лицо плащом, у пьедестала памятника Помпею, вот здесь великий Цезарь пал. О, какое падение, мои соотечественники! Это значит пали я и вы, пока победное предательство пляшет!” (из речи Антония). Или: “Пусть будет благословен этот день, и велики, и славны будут его результаты”. (из речи д-ра Заменгофа на 1-м конгрессе эсперантистов в г. Булонь-на-море).

5) *Риторический вопрос* — это вопрос, который оратор задаёт публике или своему оппоненту, но на который не ждёт ответа или сам же на него отвечает, или ответ на этот вопрос приходит от публики или оппонента в виде аплодисментов, криков и т.п. Риторический вопрос не только оживляет стиль, но также, особенно если публика реагирует, оживляет и возбуждает атмосферу собрания. Например, в своей речи Брут ставит перед слушателями много вопросов и заканчивает эту часть своего выступления вопросом: “Кто из вас столь низок, что не любит свою родину? Если есть такой, пусть мне ответит, ведь я его оскорбил”! Здесь публика должна была бы отреагировать, но Брут, несколько грубовато, вместо того, чтобы сделать паузу и дать собравшимся время ответить, продолжает говорить: “Я даю вам время ответить”. Теперь публика реагирует, но эффект не столь хорош, каким мог быть, если бы Брут помолчал и не произнёс последнюю фразу. Антоний намного более искусный оратор, чем Брут. Он также ставит перед собравшимися много вопросов. Но он оставляет эти вопросы без ответов или вызывает у публики спонтанные отклики. ⁽¹²¹⁾

6) *Коммуникация* (лат. *communicatio* — сообщение, связь) — это вопрос, посредством которого выступающий как бы консультирует судью или оппонента и как бы заставляет их дать на него положительный ответ: “И что же теперь оставалось делать обвиняемому?” Ответ, в силу предыдущих аргументов, должен быть таков, что обвиняемому больше ничего не оставалось, как

совершить то, что он и совершил.

Под коммуникацией понимают также связь между оратором и подзащитным, например, если адвокат, говоря о своём клиенте, скажет: “Нас обвиняют ...”

7) *Энумерация* (лат. *enumeratio*) — очень часто встречающаяся стилистическая фигура: оратор коротко перечисляет все главные выводы из предыдущих аргументов, чтобы в соответствующем порядке представить их публике и, таким образом, вызвать более сильную реакцию. Энумерацию можно использовать многократно в одной и той же речи. Это даже рекомендуется делать каждый раз, заканчивая какую-нибудь часть выступления, в которой было представлено много аргументов или обсуждались различные стороны какой-то проблемы. Чтобы энумерация была удачной, следует придерживаться следующих правил: (1) резюме должно быть кратким; (2) не повторяйте аргументов, только результаты; (3) один факт должен следовать за другим так, чтобы они логически выстраивались друг за другом; (4) главная идея, самое сильное заключение должно находиться в конце энумерации.

8) *Уступка* (лат. *concessio*) — фигура, посредством которой оратор по некоторым пунктам или относительно некоторых фактов, уступает своему оппоненту, хотя эти факты можно было бы и оспорить. Оратор делает это для того, чтобы доказать, что, несмотря на эти факты, он всё-таки прав. Фигура хороша, чтобы показать терпимость и, таким образом, вызвать симпатию слушателей. Этот приём также удобен, чтобы не уходить в сторону от линии главных аргументов и не терять время на дискуссии по второстепенным вопросам. Следует помнить, что оппонент часто акцентирует внимание на второстепенных моментах дискуссии с целью увести оратора в сторону от важной темы.

9) *Градация* (лат. *gradatio* — градация, последовательность, постепенность) — фигура, с помощью которой накапливают большое количество идей, приводят их в

порядок соответственно их внутренней силе, а затем высказывают одну за другой так, чтобы самая сильная идея была представлена в конце. Градация — это не резюме, а просто последовательное перечисление идей. Например: “Заменгоф был *благороден* душой, *велик* мыслями, *гениален* в своей интуиции...” Градация всегда произносится постепенно изменяющимся голосом, в логической зависимости от силы содержания.

10) *Прерывание* — это намеренное прекращение развития идеи, чтобы перейти к другой идее, с помощью которой дать пояснения прерванной идее. Прерывание, действительно, в некоторых случаях бывает необходимо, но если им пользуются слишком часто в течение одного выступления, то это утомляет слушателей и несколько разжижает доклад. Прерывание не должно быть слишком долгим, в противном случае слушатели могут забыть главную мысль, да и сам оратор может попасть в затруднительное положение, не зная как вернуться к прерванной идее!

11) *Гипербола* (греч. *hyperbolē*) — риторическая фигура, с помощью которой преувеличивают какое-то явление, употребляя слова, которые по своему точному значению являются ложными, но, благодаря контексту, дают точное представление о высказываемом событии: “Он наговорил вранья больше, чем песчинок на морском берегу”.

12) *Литота* (греч. *lititēs, litos* — маленький) — фигура, противоположная гиперболе. Образное выражение, преуменьшающее некоторый предмет или явление, с целью лучшего понимания идеи. Литоту употребляют, например, чтобы замаскировать скромность. Антоний (в шекспировской трагедии) говорит: “Я оратор не такой, как Брут”, хотя, фактически, он более хитёр, чем Брут. Когда Заменгоф, говоря о I-м Всемирном конгрессе эсперантистов, сказал: “...Эта короткая наша встреча”, фактически, он акцентировал внимание на её важности. И эту же мысль он выразил в другом месте:

“Мы должны сознавать всю важность сегодняшнего дня”.

Риторические фигуры (несомненно!) придают аромат речи. Но нужно всегда помнить, что слишком много специй делают блюдо недобоваримым! Только умеренное применение фигур, использование их адекватно содержанию речи и всех прочих окружающих обстоятельств, принесут действительную пользу. Сколько и каких фигур следует использовать в речи — тут трудно дать какой-либо совет. Всё зависит от личного вкуса и умения оратора хорошо их подобрать. Большой оратор становится великим, благодаря хорошему использованию риторических фигур. Плохой оратор будет выглядеть ещё хуже, если он плохо подберёт риторические фигуры. (122; 122-а)

3. Тройная интеллектуальная активность

Тройная интеллектуальная активность — это синтез памяти, внимания и фантазии. Первое свойство относится к прошлому, второе — это настоящее, а третье — созидает будущее.

Речь, разумеется, идёт о подлинном, классическом ораторе, который произносит речь не по бумажке, а свободно развивает свои мысли перед публикой. Конечно, такой оратор тоже предварительно готовит свою речь. Он мобилизует все свои знания, концентрируется на данной теме, приводит в порядок факты и аргументы, выстраивает их в ряд, обдумывает возможные риторические фигуры, создаёт общий план выступления, делает заметки.

Память даёт возможность сохранить живые идеи. Во время выступления сам оратор вспоминает всё, что он должен сказать. Он непрерывно представляет себе не только всю речь, не только последовательность отдельных периодов, но также и различные моменты, которые он решил высказать. Кроме того, память для оратора —

это большой резервуар различных фактов, знаний, которые дало ему образование. При первом обращении к памяти, а именно, когда оратор вспоминает материал, подготовленный для конкретного выступления, *эта часть воспоминаний активизируется*, а память о более отдалённых событиях (знаниях) остаётся — пассивной. Но память оратора как интеллектуальная активность, в целом, особенно напряжена во время выступления. Поэтому в соответствующий момент, в результате неких ассоциаций, замечаний или в силу иных причин, внезапно активизируется также и эта пассивная часть. В глубинах её отыскиваются спрятанные, но не утерянные знания и способности, чтобы затем их высказать.

В некоторых случаях бывает, что память подводит даже очень хороших ораторов. Как будто оглушённый, стоит оратор в состоянии протрации и не может вспомнить, что же он хотел сказать. Он видит себя стоящим перед сотнями и даже тысячами глаз, слышит свой собственный голос, но не может вспомнить, о чём он хочет сказать. Ситуация весьма неприятная! В этом случае оратору не остаётся ничего другого, как “исполнить вариации” на тему последней произнесённой фразы. Эту же самую мысль, только что высказанную, он повторит ещё раз другим голосом, в другой форме. Одновременно он напрягает всё своё внимание, чтобы продолжить речь. Несколько раз ему придётся “исполнить эти вариации”, пока он, наконец, вспомнит всё. Обычно оратору довольно быстро удаётся вернуться к основной теме. Пытаясь вспомнить начатое, оратор часто слишком удаляется от темы, не может сразу перескочить обратно. Но с помощью нескольких переходных фраз можно элегантно, шаг за шагом возратить слушателей к прерванному течению мысли. Главное, чтобы публика не заметила, как прервалась нить выступления. Если оратор опытный, то публика, за исключением нескольких специалистов, не заметит этого и не узнает, какие душевные

муки пережил оратор в момент провалов памяти!

Чтобы помочь своей памяти, пользуются краткими записями, в которых содержатся главные моменты выступления. Если память в какой-то момент покинула оратора, он может бросить короткий взгляд в свои записи. Бывает достаточно увидеть одно какое-то слово, как в памяти всплывёт мысль, которую выступающий приготовился высказать. Записки подстрахуют оратора в трудный момент. Он знает: если память предаст, то записи спасут. Уже самого сознания этого достаточно, чтобы ощущать себя в безопасности. Сознания того, что записи лежат перед ним на столе или попире, или находятся у него в руках, бывает достаточно, чтобы вообще в них не заглядывать. Есть ораторы, которые держат записи в своём кармане и, фактически, не пользуются ими, но сам факт, что они под рукой, придаёт уверенности.

Внимание устремлено в настоящее. Во время выступления оратор должен держать под контролем всё вокруг себя. Рассматривая публику, он определяет: слушает ли она его, следит ли за его мыслью, как реагирует, одобряет или не одобряет высказываемые идеи, хорошо ли его понимает. На основе этих наблюдений оратор может или углубить свои мысли, пояснить их, или, наоборот, сократить какую-то часть выступления, если ему покажется, что публика уже хорошо восприняла данную идею.

Если публика начинает уставать из-за того, что аргументы сложны или по какой-либо другой причине, оратор должен использовать фигуру *прерывания* и рассказать подходящий анекдот, пошутить, в общем, каким-то образом встряхнуть публику. Кто-то из слушателей может бросить замечание — дружеское или враждебное. Оратор выслушает его и тут же решит, как отреагировать.

Многие выступающие публично не умеют использовать *внимание*. Чтобы лучше сконцентрироваться, они произвольно выбирают какой-либо предмет: стакан, картину, шляпу, окно, гвоздь и т.п. и фиксируют на нём свой взгляд. В некоторых случаях, выступающий

фиксирует свой взгляд на каком-либо человеке. Оратор слышит свой голос, но не слышит замечаний. Он развлекается, слушая себя самого, но не замечает: скучает ли публика.

Это — плохо. Оратор, даже если его взгляд время от времени отдыхает на каком-либо объекте, должен быть, однако, очень внимательным ко всему вокруг. Только в той части доклада, когда оратору удалось пробудить энтузиазм слушателей и самому прийти в такое состояние, внимание ослабевает. Теперь внимание не столь необходимо. “Опьянев” от слов и мыслей, публика и оратор, находясь в состоянии сильного возбуждения, становятся единым целым и устремляются вперёд. И в этом ораторском вулкане уже неважно, течёт ли лава направо или несколько левее!

Фантазия — творческое мышление о будущем. Это очень важное интеллектуальное качество оратора. Он должен не только помнить всё, что он подготовил, но и должен уметь мысленно чётко сформулировать идею, прежде чем её высказать. Оратор сначала представляет всю фразу в своей голове, а затем уже произносит её. Говоря первую фразу, он уже думает о следующей. Если бы он поступал иначе, то слова легко привели бы его к чему-то, чего он вовсе не хотел говорить. И это довольно часто происходит с плохими ораторами. Кроме того, в некоторых языках невозможно хорошо закончить фразу, если её плохо начали. Русский язык и Эсперанто, как было проанализировано в других работах, в этом отношении очень удобны. Они позволяют в широких пределах менять расстановку слов в предложении, чтобы выделить или несколько затушевать их смысл! Большая свобода в выборе порядка слов позволяет легко закончить неудачно начатую фразу.

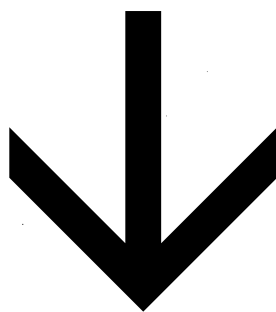
Фантазия позволяет оратору чётко предвидеть всю часть выступления. Если, например, он внезапно вспоминает какое-то историческое событие, которое можно удачно использовать в своём выступлении, его

фантазия должна вызвать в воображении всё событие со всеми необходимыми деталями. Если оратор приходит к выводу, что какая-то важная деталь отсутствует, предпочтительно отказаться от этого рассказа. Только если он уверен, что всё событие чётко представится в голове, и он предвидит хорошую реакцию со стороны слушателей, только тогда можно начинать говорить об этом.

У многих людей нет такой способности. Сколько раз случалось, как в кругу знакомых кто-то начинает рассказывать анекдот, но не может его продолжить, т.к. забыл окончание. Начинает снова рассказывать и снова останавливается. Этот человек не может мысленно представить себе весь анекдот, даже нарисовать мысленно картину рассказа. Он начинает рассказ, не зная где и как его закончит. Но если такая манера рассказывать комична в дружеском кругу, то совершенно недопустима в публичном выступлении. Оратор всегда должен чётко знать в какой части своего выступления он находится в данный момент, как и с какой целью намеревается его продолжить. Его фантазия укажет ему дорогу.

Память, внимание и фантазия действуют одновременно. Это тройной путь ораторской интеллектуальной активности. Такое триединство требует большого интеллектуального напряжения и является основной причиной переутомления оратора. После выступления оратор всегда чувствует себя уставшим. Чем более оживлённо, чем более элегантно он выступал, тем сильнее он устал. Публика не всегда понимает, почему оратор, который так легко и свободно говорил, устаёт больше, чем оратор, который выступал плохо, говорил медленно. Потому что говорить хорошо — труднее, чем говорить плохо!

Чтобы хорошо выступить, нужно хорошо подготовиться, хорошо всё запомнить, внимательно наблюдать и активизировать свою фантазию.

Глава XI

Моральные качества оратора

Можно ли быть хорошим оратором, не придерживаясь принципов морали? Должно ли выступление отвечать определённым моральным требованиям? Должен ли сам оратор в своей общественной и частной жизни следовать определённым правилам поведения?

Вот вопросы, которые мы вправе поставить! И если мы ответим на них утвердительно, то возникнет новый вопрос: “Каким моральным принципам, каким правилам поведения должен следовать оратор?”

Слово мораль имеет различный смысл. Прежде всего оно означает все правила поведения на основе понятий “хорошо” и “плохо”. Относительность понятий “хорошо – плохо” делает такую мораль относительной. Поэтому моральные принципы менялись от эпохи к эпохе, от одного социального строя к другому. То, что является моральным в рабовладельческом обществе, становится плохим, т.е. аморальным, в обществе, которое уничтожило рабство. В идее Платона об идеальном государстве, основой которого является рабский труд, конечно же нельзя отрицать моральность с точки зрения тогдашних концепций “хорошо – плохо”. Но с точки зрения сегодняшних принципов защищать рабство или жить по его законам — аморально.

Даже в одном и том же обществе понятия морали не одинаковы в различных слоях и в различной социальной среде, хотя наиболее сильной группе обычно удаётся заставить всё общество принять её моральные принципы как основные.

Под словом мораль также понимают ту часть философии, которая исследует и формулирует принципы и правила поведения на базе понятия “хорошо – плохо”. Если философия в своей главной линии и отражает общий

конкретный социальный порядок, то отдельные философы, даже этой самой эпохи, весьма отличаются по своим воззрениям. Философская концепция, в большей части, является условием социальной принадлежности, а также других факторов, как коллективных, так и индивидуальных. Поэтому мораль Демокрита или Гераклита не идентична морали Пифагора или Эмпедокла. Моральные принципы Сократа, Платона, Аристотеля, Эпикура, софистов и других греческих философов были весьма различны. Здесь не достаточно места, чтобы коснуться различных моральных концепций великих философов, таких как Декарт, Гоббс (Hobbes), Спиноза, Кант, Бэнтам (Bentham), Стюарт Милл (Mill), Спенсер, Гегель, Маркс и др. Следует только упомянуть, что также и их моральные концепции различны.

Наконец, под словом мораль понимают практическое приложение правил поведения, установленных какой-либо философской школой. В этом смысле говорят о морали и поведении эпикурейцев, стоиков, платоников и др.

Ну и какую же мораль должен выбрать оратор из всего этого многообразия? Какими моральными качествами он должен обладать?

С точки зрения риторики не существуют, да и не могут существовать какие либо правила в этом отношении. Оратор, как и любой другой человек, живёт в определённую эпоху, принадлежит к определённой социальной среде, обладает своей собственной индивидуальностью. Он имеет свой взгляд на мир, своё мнение о добре и зле, свою собственную мораль.

1. Честность

Честность требует, чтобы оратор не только убедительно и с энтузиазмом говорил на выбранную тему, не только чувствовал правоту своих идей, но чтобы он в своей общественной и частной жизни действовал согласно своим убеждениям, которые он выражает в своём выступлении.

Именно это качество отличает оратора от простого демагога, от лжеца и обманщика, который вызывает страсти у других, а сам действует вопреки своим словам, совершает поступки, противоположные тому, к чему призывает.

Есть люди, которые в своих выступлениях призывают к жертвенности для достижения цели, а сами ничего не положат на алтарь ради этой цели. Другие в своих речах борются за справедливость, свободу, равенство, а сами в своей обычной жизни и несправедливы, и не склонны к свободе, и не стремятся к равенству в обществе. Такие люди — плохие ораторы, так как у них отсутствует это необходимое оратору моральное качество: честность. Бесчестно говорить одно, а делать другое.

Таким образом, честность оратора — не есть некое абстрактное понятие, сформулированное какой-то философской школой. Это совершенно конкретная честность, которой обладает конкретный оратор. Просто его слова должны соответствовать его делам. Если такая гармония существует, тогда оратор ведёт себя честно, хотя может быть его идеи и не нравятся тому или иному слушателю, а его точка зрения считается неправильной, непорядочной в некоторых общественных кругах.

Здесь речь совершенно не идёт об аморальности содержания самого доклада. Вообще, аморальное выступление, а именно такое выступление, которое в определённую эпоху оценивается, как аморальное во всех социальных слоях подавляющим большинством народа не может приниматься как ораторское выступление. Такого рода выступления риторика не рассматривает. Речь идёт о других выступлениях, которые всегда, по крайней мере, в широких социальных слоях считаются моральными по своему содержанию и целям. Ораторская порядочность и честность требуют, чтобы поведение оратора и содержание его выступления соответствовали общепринятой морали.

Всегда ли возможна такая честность в действительности? Может ли, например, адвокат, защищающий омерзительного преступника, приспособиться к этим требованиям?

На первый взгляд кажется, что — нет. Если рассматривать такую ситуацию с выше изложенной позиции, то легко прийти к выводу, что защищать преступника — значит соглашаться с его преступлением, т.е. действовать аморально, нечестно.

Однако, несколько углублённый анализ показывает, что не существует такого преступника, у которого не было бы хоть каких-то положительных качеств. Концепция о преступлении состоит из двух элементов: описание преступления в законе и установление наказания. Нет преступления, которое не определялось бы таким образом. Описание всегда точно, постоянно и неизменно: *“Которое определяет данному гражданину...”* Наказание же всегда определено неточно, не постоянно, оно варьируется: *“...наказание сроком от X- лет до Y- лет лишения свободы”* Форма наказания всегда, так или иначе, изменяема. Почему? Потому что многочисленные обстоятельства и самого преступления, и поведение преступника делают преступление более или менее тяжким. Эти обстоятельства могут быть такими, что речь уже не идёт о преступлении, хотя совершённое действие в Законе определяется как преступление. Убийство человека — преступление (во всех сегодняшних юридических системах). Но если это совершает сумасшедший или это совершается в целях необходимой самозащиты, то такое убийство уже не оценивается как преступление. Итак, ясно — участники события и фактические обстоятельства влияют на оценку степени тяжести преступления.

Задача адвоката-оратора состоит не в том, чтобы защищать преступление, а в том, чтобы защищать обвиняемого. Перед судьями лежат документы и о совершённом действии (возможно, преступлении), и о личности

обвиняемого. Если долг прокурора — найти в действителы элементы преступления, то задача адвоката — найти в этом самом поступке элементы, исключющие преступление или смягчающие вину обстоятельства. Это высоко моральная задача. Она даёт возможность исключить ошибки и вынести справедливое решение. Если наказать преступление морально, то также морально, по крайней мере, помочь человеку несправедливо осуждённому или смягчить слишком суровое наказание!

Ораторская честность содержит ещё один важный элемент: стремление к правде. Не бывает великих ораторов, которые сознательно говорили бы ложь, хотя бы это и делалось в красивой форме, по всем правилам ораторского искусства. Стремление оратора изучить все риторические возможности, чтобы речь оказала наибольшее влияние, — это благородно, если эти стремления служат правде. И наоборот, если нечестный человек использует риторические приёмы, чтобы сеять ложь, он действует бесчестно. Такому человеку удастся один-два раза обмануть своих слушателей. Но когда они сделают вывод, что он сознательно лжёт, что он выступает не от себя лично, что его поступки отличаются от слов, публика рано или поздно с возмущением отвергнет его идеи. А потом, даже если он и будет говорить правду, ему уже не поверят. Склонность оратора к обману смертельна для его выступлений. (122-9)

Касаясь вопроса о правдивости оратора, мы не можем не упомянуть ещё раз, что истина — относительна, что она зависит не только от достигнутого уровня развития человеческого знания во всех направлениях, но также достаточно сильно меняется от одной социальной среды к другой в одной и той же эпохе.

Кроме истины, с допущением о её относительности, всегда существует синтез двух противоположных между собой сторон: тезисы и антитезисы. Если в выступлении освещается какая-то проблема, то её нужно рассматривать со всех сторон, т.е. синтезировать тезис и антитезис. В

выступлениях во время дискуссий, когда несколько ораторов освещают одну и ту же проблему, чтобы выявить истину, в этом случае оратор может акцентировать своё выступление только на одной стороне проблемы, в то время как остальные ораторы будут рассматривать другие стороны этой же проблемы. Все эти выступления должны привести к какой-то истине, поэтому каждый из ораторов, который способствовал принятию окончательного вывода, действовал фактически искренне, хотя и сказал только часть или даже очень незначительную часть правды. В этом смысле и нужно понимать искренность оратора.

Итак, честность оратора не идентична понятию честность в простом смысле этого слова. Человек может быть честным в личной жизни с точки зрения современной морали в данном обществе, но он, однако, может и не обладать ораторской честностью. Если какой-то человек призывает слушателей, например, к изучению языка Эсперанто, а сам этим языком не владеет или знает его плохо, то такой человек, хотя и может быть честным в личной жизни, но у него не хватает ораторской честности. Такой недостаток снижает ценность доклада и даже может полностью дискредитировать саму идею.

На Международном лингвистическом конгрессе один из участников красиво и умно говорил о работе IALA. (122-а) Он настаивал, чтобы конгресс принял резолюцию в поддержку деятельности этой организации. Один из слушателей спросил оратора: знает ли он сам или кто-нибудь из присутствующих хорошо об одном из четырёх проектов IALA. Оратор смущённо признался, что ни он, ни кто-либо другой здесь не знаком с этими проектами. Именно это, в первую очередь, и погубило всё его выступление.

Честность оратора, следовательно, не только необходима с точки зрения некой моральной концепции, но и является важным элементом успешного выступления.

2. Смелость

Другим важным качеством любого оратора является смелость. Это — особая ораторская смелость, которая не имеет ничего общего со смелостью в обычном смысле этого слова. Есть люди очень смелые в жизни, и несмелые как ораторы. И, наоборот, они смелы как ораторы, и не всегда смелые в обычной жизни.

Солдат, смело сражающийся на поле боя; мать защищающая своё дитя от опасности; человек, который смело бросается в реку, чтобы спасти тонущего; юноша, смело ведущий борьбу на спортивной арене — все они по своему смелые люди. Но это не означает, что они обладают ораторской смелостью. С этими смельчаками на другом поле человеческой активности может легко случиться конфуз. Выступая публично, они не находят нужных слов, теряются, не знают, как продолжить речь, всё время повторяют одну и ту же фразу.

Сколько раз случалось, что настоящий герой, представленный перед публикой, чтобы сказать несколько слов, выглядит очень несмелым! Он лепечет какие-то бессмысленные слова, сам не понимая, что он говорит. Часто случается, что он не способен сказать ни одного слова, и как обречённый стоит перед голпой со скованными мыслями!

Другой, легко и выразительно говорящий в частной беседе, не способен, тем не менее, говорить публично из-за отсутствия ораторской смелости. На банкете или во время дружеской встречи или ещё в каком-нибудь подобном случае этот человек привлекает всех окружающих, рассказывая анекдоты и рассыпая острооты. Иной в подобной ситуации способен очень хорошо развить свою мысль по культурным, политическим, философским и другим вопросам. Всё идёт гладко, пока этот человек сидит и дружески беседует. Но если в этом же самом кругу, с этими же слушателями, на эту же тему “этот красноречивый собеседник” должен говорить стоя, если о нём объявят, что вот сейчас такой-то будет говорить, у него не найдётся слов, он просто не сможет говорить или, по крайней мере, не сможет говорить так выразительно, как в “частной” беседе. Причина — отсутствие ораторской смелости.

Важные психические изменения произойдут в душе оратора уже перед началом выступления. Он будет чувствовать себя

дискомфортно, нервы будут напряжены, сердце сжиматься. Чем более важное предстоит выступление, тем сильнее будет страх. Эти чувства в большей или меньшей степени испытывают все ораторы. Даже оратор, привыкший часто выступать публично, не может избавиться от дрожи. Иногда такая дрожь от волнения (*у спортсменов такая дрожь (тремор мышц) называется предстартовой лихорадкой.* — *Примеч. пер.*) мучит оратора несколько часов, даже несколько дней перед выступлением.

Во время выступления эта дрожь проявляется различным образом. Неопытные ораторы не могут скрыть, как дрожат их руки (это причина, чтобы крепко взяться руками за край трибуны или стола!) и голос. По их лицу пробегают нервные гримасы. Всё их поведение показывает, как они возбуждены. Нередко даже язык не повинуется, а рот не способен издать артикулирующие звуки!

Наступает тяжёлая мучительная ситуация не только для оратора, но и для публики. Даже если слушатели и не симпатизируют оратору, такая ситуация всё равно вызывает с их стороны сочувствие. Они хотят как-то помочь оратору: слышится покашливание, некоторое движение, шёпот... и даже аплодисменты. Только чтобы спасти ситуацию! Часто ничто не может помочь, и положение становится совсем скверным. Если оратору после секундного колебания удастся взять себя в руки, атмосфера тотчас разряжается. Его голос становится чётким, жесты уверенными, публика облегчённо вздыхает.

У хорошего оратора публика никогда не заметит волнения и дрожи. Никому из слушателей даже не придёт в голову мысль, что под спокойной внешностью оратора бушуют эмоции, что оратор может запнуться, сконфузиться, начать лепетать. Всё очень просто: публика доверяет ему, слушает его выступление, следит за его мыслью, одобряет или не одобряет, но не боится за него! Возникает такой приятный настрой, как бы задушевная беседа между оратором и публикой. Напротив, если оратору не хватает смелости, если публика это замечает, возникнет нервная обстановка, которая всегда сильно стесняет и оратора и публику, и это может окончиться очень плохо.

Можно ли подавить дрожь? Можно ли обрести ораторскую смелость?

Дрожь от волнения полностью устранить нельзя никогда. Её можно называть возбуждением, эмоциями или ещё как-то, но фактически здесь всегда имеет место страх особого рода. И нет оратора, который бы не ощущал волнения, хотя бы и в незначительной степени. Более того, даже нужно немного волноваться. Состояние волнения возбуждает нервы, усиливает функцию мозга, поднимает оратора до состояния лёгкого экстаза. Всё это способствует тому, что его память, внимание и фантазия начинают лучше работать. Итак, немного дрожи помогает оратору мобилизовать свой интеллект. Это не опасно, а полезно. Это волнение опытных ораторов, волнение незаметное, дающее положительный результат. Оно никогда не смутит оратора, не лишит его смелости, не “парализует” его.

Волнение и дрожь другого рода, которое приводит в замешательство, очень опасно. Этот страх нужно подавить. Изучение риторики, серьёзная подготовка к выступлению, повторение про себя главных мыслей, записи основных пунктов выступления — всё это придаёт оратору уверенность, что не произойдёт никакая неприятная случайность. Сознание этого укрепляет его позиции перед публикой. Оратор уверен, что он знает тему лучше, чем публика. Это формирует необходимую уверенность, которая, в свою очередь, придаёт смелости.

С другой стороны, чтобы устранить дрожь, нужно как можно больше упражняться. Начинающие должны упражняться в своей комнате или в каком-либо другом месте, где их не видят. Можно попробовать произнести громко всю речь и представить себе, что публика слушает вас. Многие великие ораторы так и поступали вначале! Иногда они ставили перед собой стулья в несколько рядов, чтобы легче было вообразить себе публику!

Выступления нужно сначала организовывать в небольшом кругу друзей, товарищей, коллег. Затем, когда начинающий оратор придёт к выводу, что у него уже достаточно смелости, он может предстать и перед более

широкой публикой. Такая практика всё более и более укрепляет уверенность в себе, так что в конце концов оратор обретёт необходимую уверенность.

В кружках, секциях и других небольших коллективах имеется хорошая возможность поупражняться в выступлениях. К сожалению, слишком часто мы только читаем составленную речь, вместо того, чтобы свободно её произнести. Начните просто с рассказа о впечатлении от путешествия, каком-то интересном случае или просто расскажите анекдот. Это очень просто. Затем переходите к несколько более сложным темам, которые требуют более значительно напряжения и всё более приближаются к типичному выступлению. Если в вашем обществе есть искусный оратор, он должен помочь советами начинающим, а они не должны обижаться на возможные замечания. Только так, критикуя самих себя и восприимчивая критику от других, можно успешно прогрессировать.

Всегда следует помнить, что без ораторской смелости нельзя стать оратором, даже обладая всеми другими необходимыми качествами.

Глава XII

Публика

Как уже было сказано выше, выступление — это своего рода беседа. Для каждой беседы необходимы, по крайней мере, два человека. Для публичной беседы также необходимы две стороны: оратор и публика.

Реакция публики влияет на качество выступления в гораздо большей степени, чем мы полагаем. Слушатели не только могут помочь или помешать оратору, но своим отношением к выступлению, своим поведением подчёркивают важность или незначительность излагаемых мыслей и придают всей речи определённый настрой. Спонтанные аплодисменты в середине или в конце выступления — это не просто символы одобрения. Они каждый раз придают оратору смелости и усиливают энтузиазм самой публики. Или — другой пример — крики протеста отдельных слушателей или большинства присутствующих не только обескураживают оратора, но и создают нервную обстановку, напряжённость атмосферы в зале.

В этой беседе между оратором и публикой, оратор выражает свои мысли словами, жестами, всем своим поведением, а публика различным образом отвечает ему на это. Она одобряет или не одобряет, насмехается или сомневается, остаётся совершенно равнодушной или почти впадает в экстаз... Свои мысли и чувства публика выражает аплодисментами, одобрительным или ироническим смехом, замечаниями, выкриками, стенаниями, наклонами головы, подрёмыванием или покашливанием, даже свистом или неуважительными громкими зевками.

Т.е., если оратор своей речью воздействует на публику, то и публика влияет на оратора своим поведением, своей реакцией. Даже самый хороший оратор ничего или почти ничего не добьётся, выступая перед плохой публикой. С другой стороны, даже не очень сильный оратор может иногда добиться удивительных

успехов, выступая перед хорошей публикой, которая ему всячески помогает. И действительно, в успехе выступления публика играет первостепенную роль!

Но что же такое — публика?

Можно просто ответить, что публика — это люди, которые присутствуют на выступлении. Это определение, в общем, правильное, если сводить понятие “публика” к простому количеству людей, слушающих доклад. Такая формальная концепция никоим образом не удовлетворяет требованиям риторики. Публика имеет свой характер, который зависит не только от количества собравшихся, но также и от личных качеств слушателей и от многих внешних обстоятельств. С точки зрения психологии это очень важно. И именно эта сторона в определении понятия *публика* интересна риторике.

Объективно, публика — это сумма всех отдельных индивидуумов, которые представляют состав слушателей. Итак, это целое состоит из многочисленных элементов, каждый из которых обладает своими особыми свойствами и качествами. Среди присутствующих находятся люди более интеллигентные или менее, а среди них очень образованные, не очень и совсем неграмотные. Никто или только несколько человек могут в той или иной степени знать рассматриваемую тему, а может случиться и так, что все или почти все знают её хорошо. Среди слушателей может быть большая разница в поведении, темпераменте и т.д. и т.п. С какой бы точки зрения мы не рассматривали публику, мы всегда придём к выводу, что она (публика) состоит из многих индивидуальностей.

Итак, если мы не можем считать публикой простую совокупность отдельных лиц, присутствующих на выступлении, то представляется возможным найти некую среднюю математическую величину, которая каким-то образом отражает качественный состав публики! Разве, например, говоря о возрастном составе собравшихся, мы не можем, сложив возраст всех присутствующих и поделив эту сумму на число присутствующих, сказать: средний возраст слушателей — 35 или 30 лет...?

Подобное математическое исследование характера публики

было бы совершенно корректным. Здесь следует заметить, что количественные нюансы не позволяют делать какие-то выводы. Если подобным методом можно найти средний возраст, то совершенно невозможно определить интеллектуальность или образованность публики. Кроме того, отдельные качества нескольких человек иногда можно совершенно не принимать во внимание, в то время как при иных обстоятельствах они могут играть очень важную роль при оценке качественных характеристик публики. Большое количество детей в собрании взрослых могут не оказывать никакого влияния на оценку возрастной зрелости слушателей, в то время как всего несколько выдающихся личностей сильно поднимают общий уровень аудитории!

Ясно видно, что никакие математические формулы не могут оказать помощь в определении характеристики публики. Интеллектуальные и моральные качества невозможно измерить цифрами.

Впрочем, следует помнить, что характер публики зависит не только от её состава, но и от различных внешних обстоятельств. Время и место нахождения слушателей может сильно влиять на настроение аудитории.

Публика, например, в количестве 200 человек ведёт себя с точки зрения ораторов по-разному, в зависимости от того, в каком помещении она находится. В обоих случаях это одни и те же люди, то же самое количество (200 человек), но величина помещения, его внутренний вид, акустика меняют поведение публики. Те же самые 200 человек будут вести себя по-разному утром, во второй половине дня и вечером в одном и том же помещении. И, наконец, эта же самая публика хороша в какое-то данное время и для какого-то определённого оратора и плоха для другого. Исходя из понятий риторики, публика — это сложный конгломерат, состоящий из отдельных элементов. Все эти элементы вместе и формируют её характер.

1. Местонахождение слушателей

Публика всегда размещается в определённом месте. Она находится или в каком-то закрытом помещении (лекционный зал, театр, аудитория), или на открытом пространстве (площадь, улица). Публика может собраться в большом количестве (несколько тысяч человек), а может быть и совсем немногочисленна.

Но где бы она ни находилась и в каком количестве бы не собралась, она должна всегда *хорошо слышать* оратора. Если выступление происходит в закрытом помещении, оратор должен изучить акустику и убедиться, что его голос достаточно силен и что все его услышат. По возможности нужно избегать использования мегафона. Если оратор предвидит, что из-за величины помещения и плохой акустики его могут не слышать, то только тогда он должен применить мегафон. В больших собраниях, особенно на открытых пространствах, рекомендуется использовать мегафоны (или микрофоны, усилители). Перед началом выступления нужно обязательно убедиться, что мегафон (микрофон) хорошо работает. Часто бывает, что публика слышит из мегафона вместо слов какие-то странные звуки. Возникает смех, разговоры, в то время как оратор развивает, возможно, даже красивую идею. Такие моменты сильно мешают выступлению. Чтобы избежать этого, нужно всегда самому проверять мегафон или микрофон.

Публика должна чувствовать себя удобно. Это значит, что слушатели имеют возможность принять положение, которое их не утомляет. Это почти всегда возможно. Только в исключительных случаях публика не может сесть. Солдаты, перед которыми выступает генерал, не садятся. (*Во многих армиях лекции проводятся в аудиториях, где солдаты имеют возможность сидеть. — Примеч. переводчика.*) Нет возможности сесть и на митингах, которые проводятся на площадях и улицах, во время погребения и в некоторых иных случаях. Если публика по какой-то причине не может сидеть во время выступления оратора, то следует позаботиться, чтобы не было слишком жарко или

слишком холодно. Выступления на открытых пространствах, по возможности, нужно организовывать летом, в тени, рано утром или вечером. Зимой следует поступать наоборот. Если же сделать этого нельзя, оратор должен, по возможности, сократить своё выступление.

Многочисленная публика не может чувствовать себя комфортно в маленьком салоне. Но и слишком большое помещение неудобно не только для оратора, но и для относительно немногочисленной публики. Лучше всего люди чувствуют себя в салоне, который точно соответствует количеству слушателей. Итак, по возможности, необходимо выбирать такое помещение, в котором есть удобные места для сидения и чтобы свободных мест в зале почти не оставалось. Это очень важно с психологической точки зрения, т.к. люди чувствуют себя несколько потерянными в пустом зале. Эта пустота порождает некую холодность и мешает отдельным слушателям ощутить себя единым целым, превратиться в публику. Физическая отдаленность слушателей одного от другого вызывает у них чувство психологической разобщённости, так что поведение каждого остаётся индивидуальным и не появляется ощущение единого коллектива. Не являясь "публикой" в подлинном смысле этого слова, а всего лишь собранием слушателей, эти люди не могут реагировать, как публика. Они не осмеливаются аплодировать или громко возражать.

Если случайно окажется, что помещение слишком велико, нужно усадить слушателей в один ряд перед собой или собрать их вокруг себя. Таким способом легче установить контакт между слушателями, которые, хотя бы на время выступления, забудут о пустоте за их спинами!

Публика может чувствовать себя некомфортно и по другим причинам. Некурящие чувствуют себя плохо, если рядом кто-то курит, да и курящим трудно, из-за того, что им нельзя курить. Никогда не курят во время проповеди в церкви, на лекциях в университете, во время траурной церемонии. Но в парламенте, во время различных дискуссий и в некоторых других случаях принято курить. В принципе, лучше всего запрещать курение

всегда, когда выступление носит торжественный характер или когда личность оратора или тема выступления требуют этого. Но в этих случаях не забывайте о курящих! Если выступление очень длинное или несколько ораторов выступают один за другим, необходимо делать короткие паузы, чтобы публика могла немного отдохнуть и покурить.

Помещения имеют не только размеры, но и определённый дух (*духовную атмосферу*). Публика не чувствует себя комфортно, если дух помещения явно не соответствует теме выступления. Нельзя приглашать слушателей в деревенскую забегаловку, если предстоит выступление на научную тему. Также не следует в академической аудитории организовывать лекцию на какую-нибудь вульгарную тему.

Дух помещения создаёт традицию, требует привычного использования помещения, здесь проявляется его художественная ценность. Именно всё это делает помещение подходящим или неподходящим для какого-то выступления. В этом иногда кроется причина, что публика часто посещает какое-то помещение независимо от проводимого там мероприятия, темы лекции или личности выступающего. В других случаях бывает, что именно личность выступающего или тема лекции привлекает слушателей. Если выступление происходит в совершенно неподходящем помещении, т.к. тема и личность оратора не гармонируют с духом помещения, публика чувствует себя неудобно. Придя только по привычке в данное помещение, она скучает и не слушает оратора. Если же люди пришли потому, что их интересует тема, то всё равно они чувствуют себя дискомфортно, т.к. дух помещения создаёт определённый психологический настрой. Самое лучшее помещение — такое, которое полностью отвечает духу темы, личности оратора и привычкам публики.

Вне зависимости от этого особого духа каждое помещение можно оборудовать и украсить так, чтобы оно создавало соответствующий настрой. В зависимости от характера выступления, можно придать помещению вид весёлый или печальный, серьёзный, торжественный или воинственный... Для этой цели используют флаги, цветы, растения, скульптуры, картины,

фотографии или применить различные строительные материалы из пластика. Общественные и культурные движения имеют свои цвета и символику, которую следует использовать для торжественного убранства.

Хорошо и должным образом украшенное помещение в значительной степени способствует созданию определённой духовной атмосферы, которая подготавливает публику к предстоящему выступлению. Обилие флагов на площади, большие полотна и шторы, висящие на окнах, красиво убранная трибуна, музыка и песни — всё это, несомненно, создаёт необходимый настрой при большом собрании народа! Чёрные занавеси, чёрный креп вокруг постамента бюста, несколько отдельных пальмовых ветвей, растений, согласно обычаю данной страны, совершенно определённо создают торжественно-печальную атмосферу собрания, посвящённого памяти умершего. Флаги всех наций, цветы, исполнение гимнов усиливает чувство интернационализма, поднимают дух, подготавливают людей к торжественному открытию международного конгресса!

Однако не следует злоупотреблять украшениями. Нужно помнить, что иногда самое лучшее убранство — это отсутствие всякого убранства. Нередко приходится убирать весь привычный орнамент, чтобы создать удобный интерьер. Главное, чтобы внутренний вид помещения максимально соответствовал теме выступления. Здесь дисгармония и диспропорция весьма опасны и могут привести к полной неудаче.

На душевное состояние публики немалое влияние оказывает и *время выступления*. Лучшее время — это утро, когда человек чувствует себя более свежим, отдохнувшим. Самое тяжёлое состояние — сразу после полудня. Поэтому, если оратор имеет возможность выбирать время выступления, то лучше не назначать выступление на вторую половину дня.

Большинство профессиональных выступлений проводится утром: Утром профессора читают лекции в университетах, пасторы произносят проповеди, утром адвокаты обращаются с речью в пользу подзащитного. Но часто приходится профессиональные выступления проводить и после полудня или вечером.

В этом случае нужно постараться организовать выступление как можно позже. В тех случаях, когда речь рассчитана на несколько часов, самую важную часть выступления нужно произносить утром или вечером. На очень больших судебных процессах адвокаты выступают в течение не только нескольких часов, но и дней. В этом случае оратор может построить свою речь сообразно времени суток. Что касается непрофессиональных выступлений, но перед широкой публикой, то лучше всего их проводить вечером, когда силы слушателей несколько восстанавливаются после рабочего дня. Кроме того, соответствующее освещение помещения делает его более подходящим для выступлений. И, наконец, в это время можно собрать большее количество людей. Конечно, все эти правила имеют исключения, но, в принципе, они всегда верны.

2. Интеллектуальный уровень

Публика во многом оказывает влияние на выступление своим интеллектуальным уровнем. Степень её интеллигентности, общей культуры и уровень специального образования решительно влияют на уровень выступления. Если оратор не хочет говорить в пустоту, он обязательно должен адаптировать своё выступление к интеллектуальному уровню слушателей. Если публика достаточно образована, если она знает тему, к которой относится выступление, оратор может говорить более свободно, выбирать наиболее подходящие термины и выражения. Если же публика необразована, если тема выступления ей незнакома, оратор должен упростить своё выступление, избегать сложных объяснений, использовать только самые простые, всем известные слова, пояснять специальные термины. Всё это очень утомительно для оратора, но позволяет установить хоть какой-то контакт со слушателями. Чтобы добиться этой главной цели любого выступления (установления контакта со слушателями), оратор должен по возможности пожертвовать и красотой формы, и, по крайней мере, частично, качеством содержания. В его речи будут отсутствовать глубокие мысли, риторические

190

фигуры, широкие жесты. Стиль ухудшится. Оратор должен будет постоянно пояснять многие слова и выражения. Это нарушит архитектурную целостность выступления. Если прерывание как риторическая фигура служит усилению высказывания, то такого рода вынужденные паузы необходимы лишь для элементарных пояснений. Это — не фигура, а неудобство. Оно вредно, но необходимо для понимания выступления. Такая же судьба ожидает и другие риторические фигуры, если они будут применены.

Как было уже сказано, оратор должен постоянно повышать свои знания. Этого можно желать, имея ввиду интеллектуальный уровень публики. Но такое пожелание осталось бы только пожеланием. Публика — такая, какая она есть. Оратор не может заставить её измениться. Он не может, за исключением нескольких отдельных случаев, отказаться от выступления, на том основании, что публика не нравится ему. Точно так же он не может удалить эту публику и заменить её другой. Оратор должен выступать перед той публикой, которая пришла его послушать!

Итак, неужели ситуация безнадежна? Действительно ли ничего нельзя сделать относительно качественного состава публики?

Конечно же, нет!

Прежде всего, следует подчеркнуть, что профессиональные ораторы, говоря на *профессиональную тему*, регулярно общаются с публикой, которая имеет определённый образовательный уровень по данной теме. Адвокат, выступающий в суде, имеет перед собой юристов, т.е. специалистов, знающих данную тему. Учёный, представляющий свой доклад академии, говорит со своими коллегами, т.е. с лицами, которые имеют приблизительно такое же образование, как и он сам. Студенты в университетах обладают определённым минимумом общих знаний, что весьма облегчает задачу профессором. Так же и солдаты, перед которыми выступает их командир, в каком-то отношении, равны, хотя по образованию и интеллекту они могут сильно отличаться друг от друга. Также и верующие, которым пастор читает проповедь, хотя и отличаются по культурному уровню, однако

представляют собой единое, однородное общество, связанное одной верой. Оратор, выступающий в парламенте, развивает свои идеи перед публикой, которая в достаточной степени однородна с точки зрения риторики, хотя депутаты и принадлежат к различным нередко конфронтирующим партиям. Значительно большую общность имеют члены рабочих профсоюзов и объединений, когда речь идёт об их экономических и социальных проблемах. И, наконец, каждый оратор, который выступает перед публикой, принадлежащей к определённой культурной, политической и т.п. среде, имеет, в основном, слушателей, которые обладают специальными знаниями по данной теме.

Во всяком случае, если между слушателями иногда и наблюдается большое различие в общем культурном уровне, тем не менее публика достаточно однородна в части специальных знаний, которые необходимы для понимания конкретной темы. А этого уже достаточно, Теперь задача оратора упрощается.

Если речь не идёт о выступлении на строго профессиональную тему, то можно подходящим образом влиять на состав публики путём выбора среды, подбора помещения или, ещё лучше, выбором и среды и помещения.

Подбор *среды* осуществляется тем, что о предстоящем докладе объявляют только специалистам. Например, о выступлении на юридическую, медицинскую, философскую или другую узкую тему объявляют, соответственно, только юристам, медикам или философам. Если же тема имеет не очень узкое направление, если она может заинтересовать широкую публику, то и оповещают о таком докладе более широкий круг лиц, но при этом чётко указывают, о чём будет говорить оратор. В этом случае информируют публику, дав объявление в газете или специальным приглашением, перечислив пункты доклада. Поступив так, вы привлечёте внимание к выступлению именно той публики, которая интересуется предлагаемой темой.

Выбор *соответствующего помещения* также привлечёт определённый состав публики. Тот факт, что доклад состоится в определённом помещении, которое обычно служит для подобного рода выступлений, так же привлечёт определённое

количество слушателей, имеющих привычку посещать это место. Если, например, выступление состоится в помещении, принадлежащем рабочему профсоюзу, какому-либо профессиональному обществу, или в университете, обязательно среди слушателей окажется большое количество тех, кто часто сюда заходит: рабочие, профессора и студенты, специалисты.

Комбинируя выбор среды и подходящего помещения, можно достигнуть желаемого эффекта: публика будет достаточно однородна, чтобы слушать конкретный доклад!

Тема выступления может быть и общей, т. е. интересовать все слои населения. Например, лекция о проблеме Международного языка привлечёт внимание не только лингвистов, но учёных, инженеров, артистов, писателей, спортсменов, коммерсантов и т.д. В этом случае есть большой риск собрать весьма разнородный состав слушателей, и оратор должен будет излагать тему, в общем, не конкретно. Во избежание подобной ситуации, оратор должен хорошо знать, чего он хочет, какой круг лиц он желает привлечь на лекцию. Зная цель своего выступления, оратор, путём выбора состава слушателей и места выступления, может решить эту задачу. Всё сказанное выше, действительно очень важно с точки зрения риторики. Нет худшей публики, чем слишком разнородная (гетерогенная) публика. Даже самая необразованная, но однородная по составу публика лучше, чем разношерстная. К сожалению, в работах по риторике, именно такой публике уделяется очень мало внимания. По этой причине выступления часто проваливаются даже у опытного оратора. Но стоит уделить хотя бы немного внимания составу слушателей, и можно получить очень хорошие результаты. Оратор не должен пренебрегать составом публики!

Языковая культура слушателей, как правило, соответствует их общему и специальному образованию. Одним словом: она такая, какая есть, хотя всегда хочется, чтобы эта культура была более глубокой и разносторонней! Однородность публики по составу также соответствует и её однородности в языковой культуре. Это, несомненно, в части родного языка. Но различия в уровне общей культуры между отдельными слушателями,

отличие их по профессиям и другим занятиям создаёт разнообразность и в уровне языковой культуры. Это — очевидно, т.к. основным средством общения оратора и публики является язык и оратора и публики. Напрасно оратор будет использовать самые красивые выражения, применять риторические фигуры, если слушатели этого не понимают! В этом и есть главная причина, чтобы иметь как можно более просвещённую публику! Совершенно иначе представляется вопрос о языковой культуре слушателей, если речь идёт об иностранном языке. В этом случае языковая культура слушателей не всегда соответствует уровню общей культуры и специального образования. Образовательный уровень человека может быть очень высок, а знание иностранного языка плохое. Оратор, выступающий на своём родном языке перед иностранцами, должен, по возможности, сильно упростить свою речь (*говорить простыми, короткими фразами, не употреблять сложных литературных оборотов, идиоматических выражений и сленга.* — Примеч. пер.)

.....
.....
.....

Это сильно усложняет подготовку и снижает уровень выступления. Если трудно говорить на иностранном языке, то так же трудно и воспринимать иностранную речь. Чужой язык разрушает целостность речи: всё равно, является ли этот язык иностранным для оратора или для публики.

Что касается Международного языка (Эсперанто), здесь ситуация совсем иная. Во-первых он намного легче, чем любой национальный язык, даже родной литературный. Во-вторых, если он и “чужой”, то он — “чужой”, как для говорящего, так и для слушающего^(122-е). Каждый человек, который в принципе соглашается с применением международного языка, должен сознавать, что его роль не ограничивается только тем, чтобы

заказать блюдо в ресторане или спросить в магазине у продавца: сколько стоит та или иная вещь. Этот язык предназначен для более глубокого общения, обмена научной информацией, ведения дискуссий на сложные социальные, экономические, политические, философские, религиозные и другие темы, т. е. быть средством мышления и коммуникации. К сожалению, многие люди, изучившие Международный язык, не осознали его подлинного назначения, а потому не овладели им хорошо, и их знания остались на уровне начальных^(122-е).

.....
.....

Итак, понятно, что, несмотря на относительную однородность, публика состоит из разных, непохожих друг на друга людей. Задача выступающего — оценить публику, понять её настроение, заметить её реакцию, найти к ней подход и вести в нужном направлении. Это очень сложная, но выполнимая для хорошего оратора задача. Человек, читающий свою речь по бумажке, привязан к тексту и не может наблюдать за поведением аудитории, а если ему и удаётся время от времени бросить украдкой взгляд в зал, то он не сумеет оценить реакцию слушателей и адаптировать своё выступление сообразно их настроению. Только оратор, свободно излагающий свою идею перед аудиторией, может тотчас отреагировать на реплику из зала, на изменившееся поведение слушателей. Увидев, что публика хорошо поняла высказанную мысль, он не станет давать дополнительные пояснения, а перейдёт к другой теме. Если же оратор заметил, что слушатели его не поняли, он тотчас должен другими словами пояснить свою идею. Но если же выступающий заметил, что его слова вызвали у слушателей прилив энтузиазма, а эта часть выступления очень важна с точки зрения оратора, то он может несколько задержать внимание публики на данной теме, развивая её.

Таким образом, оратор, выступая и одновременно изучая слушателей, вскоре найдёт нужный тон общения, соответствующий их интеллектуальному уровню. Такое изучение публики следует проводить во вводной части доклада и даже иногда несколько удлинять её, чтобы потом, в основной части выступления уже знать, как себя вести с публикой. После определения этой средней линии поведения оратор развивает свою идею, не отклоняясь далеко от выбранной манеры поведения. Речь оратора должна сплотить слушателей, чтобы они незаметно как бы превратились в единое целое. Даже одиночки, чья особая индивидуальность проявляет себя положительно или отрицательно по отношению к идеям оратора, должны постепенно присоединиться к общей массе слушателей. И тогда докладчик будет иметь перед собой не разрозненную толпу, а единое целое, публику. К ней, этой публике, он и будет обращаться. Только в исключительных случаях (отдельные замечания, вопросы или какая-либо иная реакция) выступающий обратит своё внимание на отдельных слушателей.

Такая средняя линия поведения оратора при выступлении не соответствует какому-то математически среднему интеллектуальному уровню слушателей. Этот уровень определяется, как было сказано выше, многими факторами, в том числе таким, как присутствие в зале *известных и выдающихся личностей*.

Очень часто среди слушателей находится один или несколько особо известных людей, играющих определённую роль в городе, в стране, в каком-то научном направлении, в культуре. Сложным является то, что не всегда можно определить, кто же в зале является знаменитостью. Одни могут быть известными людьми в любой обстановке и при любых обстоятельствах, другие известны только в определённых кругах. С точки зрения риторики авторитет играет важную роль для конкретной темы выступления. Например, какой-либо лидер рабочего движения может считаться авторитетной личностью, если публика, пришедшая на лекцию, состоит из рабочих, а тема выступления затрагивает проблемы рабочих. Но этот же самый человек может считаться обычным слушателем, если лекция организована для

учёных, а тема выступления — чисто научная. Известный лингвист может быть авторитетом для публики, если тема доклада — лингвистика, и, наоборот, мнение этого учёного-лингвиста может ничего не значить, если речь пойдёт о проблемах рабочего движения.

Знаменитости обычно садятся в первых рядах. Они заметны не только оратору, но и публике. Слушатели внимают не только голосу оратора, но и наблюдают за реакцией этих людей. Последние выражают своё отношение к сказанному кивком головы, одобрительным смехом или восклицанием, и этим очень помогают оратору. Они как свидетели истины подтверждают сказанное. В иных обстоятельствах их авторитет может, наоборот, помешать оратору, если они будут отвергать высказанную идею.

Хороший оратор не должен пренебрегать их присутствием. Он понимает, что они могут укрепить его позиции перед публикой. Поэтому оратор, хотя он и говорит для всех собравшихся, должен время от времени поворачиваться в их сторону, глядя прямо им в глаза. Он вызывает у них видимость одобрения. Остальная публика это замечает, и, хотя она не совсем понимает аргументацию оратора, тем не менее, принимает его идеи именно потому, что их принимают важные персоны. Поэтому в наиболее важные моменты выступления оратору следует обращаться именно к авторитетным лицам.

Иногда эти известные авторитетные люди могут выразить сомнение или неодобрение. В этом случае оратор должен усилить свою аргументацию, пока не получит одобрения. Если же какая-то знаменитость настойчиво высказывает своё враждебное отношение к оратору, нужно просто больше не обращаться к ней и не смотреть в её сторону. Если же это не помогает, и оппонент продолжает свои неодобрительные действия, необходимо самому перейти в атаку против его высказываний, чтобы спасти своё выступление и отстоять свои идеи. В этом случае атмосфера в зале накаляется, и может возникнуть острая дискуссия между оратором и оппонентом. Победа или поражение зависят от многих обстоятельств, но, прежде всего, от искусства

оратора, т. к. он находится в лучшей позиции. Тот, кто стоит и выступит, всегда сильнее того, кто сидит и слушает. Это хорошо понимают знаменитости. Обычно, из простой вежливости или по причине согласия с оратором, они выказывают одобрение, когда оратор обращается к ним. В худшем случае они занимают нейтральную позицию, даже если высказывание не нравится им. Очень редко они рискуют выказать своё неодобрение, опасаясь атаки или насмешки со стороны оратора.

Таким образом, знаменитости или авторитетные люди своим присутствием и, тем более, своей сдержанностью поднимают интеллектуальный уровень публики. Чем больше их присутствует, тем более значительна их роль для оценки уровня выступления. Может случиться так, что всё выступление или большая его часть будет адаптирована к интеллектуальному уровню этих выдающихся личностей, а не к остальной публике, которая будет стремиться выкинуть в суть идей, будет быстрее соглашаться с выводами оратора, т. к. уважаемые, авторитетные лица тоже с ним согласны.

3. Моральные качества

Однородность аудитории с интеллектуальной точки зрения будет означать её однородность и в моральном отношении. Не всегда и не во всём, но, по крайней мере, по основным пунктам!

Совпадение моральных принципов аудитории и оратора облегчает выступление. Докладчик в этом случае может более свободно манипулировать словами, которые отражают моральные концепции публики, не опасаясь непонимания. Он развивает свою мысль в границах моральных принципов, безоговорочно принимаемых всей публикой.

Общий высокий моральный уровень всегда присутствует во многих религиозных общинах. Каждая религия имеет свою мораль, и, хотя общие принципы её во многих религиях схожи, тем не менее, существуют и большие отличия. Религиозная мораль носит характер догмы и не подлежит возражению. Задача

оратора, в этом случае, упрощается, если он принимает эти догмы и следует этой морали. Оратор, который не принимает религиозные догмы аудитории, поступит благоразумно, если не будет прямо касаться этой темы или рассмотрит её в самых чертах в рамках общепринятых взглядов на мораль. Тем самым он не вступит в конфликт ни со слушателями, ни со своими личными взглядами. Уступать публике, чтобы облегчить свою задачу при выступлении он не может, т. к. в этом случае он сам поступит аморально. Настаивать же на своих моральных принципах, если это не является целью его выступления, не имеет смысла, т. к. спровоцирует противостояние публики.

Если в зале находится небольшое количество людей, исповедующих какую-то одну религиозную догму, то данная публика весьма однородна с точки зрения морали. Чем более различаются моральные принципы присутствующих, тем дальше должен оратор уходить в своём выступлении от каких-либо конкретных моральных догм. Он не должен ни атаковать, ни признавать эти принципы, а должен просто избегать разговора о них, кроме тех случаев, когда задача выступления состоит именно в том, чтобы рассмотреть и дать оценку этим догмам.

Магометанин, выступая перед католиками, скажем, на тему о пользе Международного языка, не должен подчёркивать моральность многожёнства и аморальность моногамии! И, наоборот, католик не должен осуждать полигамию!

Если же тема выступления требует проведения анализа каких-либо моральных принципов, то тут оратор должен действовать без колебаний, решительно отстаивая свои моральные принципы, но при этом стараться не обидеть никого из слушателей и не проявлять нетерпимость.

Таким образом, оратор должен обращать внимание не только на интеллектуальный уровень публики, не только на оформление помещения, но и на моральные качества слушателей. Если выступление происходит перед незнакомой публикой, в незнакомом городе или в другой стране, то оратор должен поинтересоваться обычаями и привычками в данной местности, правилами поведения и моральными принципами данного

общества. Это поможет избежать непонимания, напряжённой ситуации между оратором и слушателями и даже провала выступления.

4. Три главных категории

Публика может относиться к выступлению оратора: дружески; нейтрально, равнодушно; а может быть настроена явно враждебно.

При этом какого-то определённого поведения могут придерживаться все присутствующие.

Обычно дружелюбное настроение царит, если слушатели и оратор — члены одной религиозной общины или принадлежат одному культурному или политическому движению, и их взгляды совпадают.

Публика обязательно будет вести себя нейтрально, если закон или обычай этого требует. Так, например, судьи (по крайней мере, теоретически) должны быть совершенно нейтральны относительно выступлений адвокатов и прокуроров, которые обращаются к ним. Этика учёного обязывает академиков быть нейтральными по отношению к выступлению коллеги.

Публика выказывает своё недружеское отношение тем, что активно возражает оратору.

Самая простая ситуация, когда слушатели поддерживают оратора. Тогда его речь попросту облакает в красивую словесную форму мысли и желания слушателей. Удачная идея вызывает аплодисменты и одобрительные возгласы. Публика и оратор становятся единым целым. Голос оратора — это голос всех слушателей.

Несколько сложнее становится задача оратора, когда он обращается к равнодушной публике. Такая публика, в принципе, готова воспринять идеи оратора, но у неё нет к этому стремления. Хороший оратор сумеет и такую публику убедить в правильности своих высказываний. Красота выступления привлечёт

внимание слушателей и доставит им художественное наслаждение. Оратор постепенно станет для неё ближе и понятней, а в некоторых случаях даже получит искреннюю поддержку и одобрение. Если публика нейтральна “в силу профессиональной” необходимости, как в случае с судьями, тогда, конечно, не будет никаких внешних проявлений поддержки или неодобрения, но выступающий всё равно должен отстаивать свою точку зрения или, по крайней мере, ослабить позиции своих противников.

Самая трудная, но и самая впечатляющая, с точки зрения риторики, задача — это выступать перед враждебно настроенной публикой. Речь идёт о публике, которая ведёт себя враждебно ещё до начала выступления оратора. Криками, протестами, свистом, всем своим поведением она желает сорвать выступление, а если оратор уже начал свою речь, опозорить его, помешать ему всеми способами. И случается, что оратор оказывается в изоляции, или, начав выступление, не может его продолжить. Но бывает и так, что оратор, начав выступление и даже приняв точку зрения публики как предпосылку, шаг за шагом подводит слушателей к своей идее и, наконец, убеждает их в своей правоте. Такое выступление можно назвать подлинным сражением между оратором и публикой, в котором побеждает оратор.

Прекрасным примером выступления, принадлежащим к первой категории, когда публика дружески настроена по отношению к оратору, является речь Л.Л. Заменгофа на 1-м Всемирном Эсперанто-конгрессе (Булонь-на-море, Франция, 1905 г. — *Примеч. переводчика*). К этому же случаю относится и речь Брута после убийства Цезаря⁽¹²³⁾.

Чаще всего публика ни враждебна, ни дружественна, а добродушно-нейтральна.

Люди приходят послушать выступление по различным причинам. Одни интересуются темой, других привлекает личность оратора, третьи пришли потому, что привыкли приходить в этот зал, четвёртые — потому, что это им положено по долгу службы. Иные приходят из вежливости к выступающему, а есть

и такие, которые пришли публично провозгласить свои идеи и показать себя принадлежащими к определённом социальному или политическому движению. Многие приходят, чтобы узнать что-то новое, чему-то поучиться.

Такая разношерстность приводит к тому, что среди слушателей окажется немало людей более или менее поддерживающих оратора. И задача оратора сплотить друзей, встряхнуть равнодушных, перетянуть на свою сторону противников. Чтобы этого достигнуть, нужно применить все риторические приёмы, пока друзья вольно или невольно помогают ему. Мало по-малу энтузиазм охватывает и остальных слушателей. От друзей он переходит к равнодушным, а от равнодушных — к не слишком упрямым противникам. Публика становится всё более однородной с точки зрения поддержки оратора. Идея переходит от выступающего к остальным, производит на них впечатление, и слушатели начинают реагировать одинаково. В ответственные моменты выступления, в его кульминационных пунктах, внутренний энтузиазм проявляется взрывом оваций. Даже самые упрямые противники бывают глубоко тронуты таким единодушием и вовлекаются в этот водоворот чувств. Они не осмеливаются не только возражать оратору, но даже оставаться индифферентными. Они невольно тоже начинают аплодировать и присоединяются к общему одобрению. Массы, искусно управляемые оратором, поглощают противников, которые теперь становятся лишь частью толпы.

Вот такая она и есть публика, второй элемент любого выступления. Оратор должен точно знать, с кем он ведёт свою публичную беседу. Только глубокое знание публики, как единого целого, и её отдельных составляющих, которые определяют её конкретный характер, позволяет оратору успешно держать под контролем своё выступление. Только так слова оратора достигнут цели.

— *** —

Глава XIII

Публичное выступление

Публичное выступление — это последовательное, художественно оформленное развитие мыслей на определённую тему перед слушателями с помощью слов и жестов.

Это определение требует некоторых пояснений.

Когда бы ни произносилась речь, она всегда выражает какую-то мысль. В любой беседе всегда что-то сообщается другому лицу. Простая беседа развивается таким образом, что на вопрос следует ответ, утверждение одного собеседника дополняется утверждением или отрицанием другого. Согласие или отрицание принимается или отвергается. Таким образом, в частной беседе без всякого порядка нагромождаются мысли, высказываемые двумя или несколькими собеседниками.

Публичное выступление, напротив, состоит из упорядоченных, логически следующих друг за другом мыслей. Здесь одна сторона, оратор, развивает свои мысли, а другая сторона, публика, принимая или отвергая, поддерживая или не одобряя, но всегда в рамках темы, развиваемой оратором.

В частной беседе затрагивают самые разные темы, часто перескакивая с одной на другую. Нередко собеседники ведут разговор под впечатлением чего-то только что случайно происшедшего: дождь, несчастный случай, опрокинутый стакан, головная боль, встреча со знакомым.... Бывает, что обронённое слово приводит к возникновению беседы на совершенно неожиданную тему.

Публичное выступление всегда бывает на определённую тему. Оратор последовательно развивает мысль, придерживаясь определённой системы. Если оратор отклоняется от темы, то делает это сознательно, с целью усилить, поддержать смысл основной темы. Конечно, можно так же последовательно и упорядочено

развивать определённую тему и в частной беседе перед одним или многими собеседниками. Фактически, такое развитие мыслей в частной беседе не является публичным выступлением. Но, если люди пришли специально послушать, а не побеседовать, тогда независимо от их количества такую беседу можно назвать публичным выступлением, а собравшихся — публикой.

Публика обычно многочисленна: по крайней мере, несколько человек. Число слушателей имеет большое значение с различных точек зрения. Однако численность слушателей не определяет “публику” как таковую. Публика может насчитывать несколько тысяч собравшихся, а может состоять всего лишь из нескольких человек, даже одного! Судья, к которому обращается с защитной речью адвокат — это, фактически, публика, хотя этот судья может быть совершенно один в комнате!

Публика, по сути, проявляется своей позицией слушателя, позицией намеренно и сознательно выбираемой, так же как и оратор определён своей позицией как выступающий, позицией намеренно и сознательно выбранной. О двух различных сторонах уже говорилось выше: известно кто будет говорить, и известно кто будет слушать. Иногда это известно за много дней или даже месяцев до выступления. Иногда же об этом узнают в последний момент. Но во всех случаях это известно то ли из объявления, то ли в процессе выступления. Именно эта сознательная позиция “слушателей” превращает присутствующих в публику. Происходит важная психическая трансформация в умах слушателей и выступающего. Оратор понимает, что от него ждут содержательно, художественно построенного выступления на определённую тему, а пришедшие, уже превратившиеся в публику, прекращают говорить и думать о чём-то постороннем и приготавливаются слушать. Здесь речь идёт о беседе совершенно особой, о беседе между оратором и публикой, долг которой — слушать.

1. Различные виды выступлений

Публичные выступления можно разделить на несколько различных категорий (видов). Критерии, на основании которых

ту или иную речь относят к определённом виду, весьма многочисленны. В основу классификации можно положить содержание выступления, место проведения, цель, форму, представлена ли речь в письменном виде или нет и т. п.

Античные риторы, по примеру Аристотеля, разделяли публичные выступления на следующие виды (типы): делиберативные, демонстративные и судебные.

А) *Делиберативное выступление* — это выступление, главной целью которого является: убедить публику в чём-то, дать ей совет, склонить на свою сторону. Этот тип выступления используется для борьбы за принятие или отклонение какого-то предложения. Само название указывает на характер такой речи. В латинском языке прилагательное *deliberativus* происходит от глагола *deliberare*, который означает “совместно экзаменоваться”, “советоваться”, “проводить совместную консультацию”, т. е. дискутировать, вместе обсуждать какую-то общую проблему. Под термином “делиберативное выступление”, прежде всего, понимали речь, произнесённую при большом стечении людей, обладающих полными гражданскими правами. Таким образом, решались вопросы о войне и мире, принимались законы, заключались союзы и договоры с другими странами и народами, т. е. все социальные и политические вопросы.

Из всех видов выступлений делиберативные рассматривались, как самые важные и ответственные. Здесь среди всеобщих криков, возражений, одобрений оратор стремится одержать победу в интересах всего общества. Он не имел права растеряться, а должен был энергично проводить свои идеи в массы.

И сегодня подобные выступления имеют огромное значение. Однако отличие в поведении сегодняшнего оратора в парламенте или на каком-либо политическом собрании от поведения античного оратора — весьма велико. При античной демократии оратор обращался к народу, к толпе, которая, возможно, и враждебно относилась к нему, но на которую можно было легко произвести впечатление. Сегодня оратор обращается к депутатам, представителям различных партий или государств, которым даны точные инструкции, как действовать, как себя вести,

какие решения принимать. Нередко решения уже бывают приняты до обсуждения, до выступлений! Но и это вовсе не означает, что такого рода публичные выступления потеряли своё значение. Хороший оратор и в нынешних обстоятельствах сможет повлиять на принятие решения. С другой стороны, не только профессионалы, но и широкая публика будет иметь возможность послушать оратора. И у этой публики сформируется своё мнение не на основе полученных указаний, а благодаря аргументам, представленным оратором. Пресса, радио и телевидение распространят идеи оратора, а может быть, даже и напечатают всю речь, чтобы широкие массы смогли ознакомиться с этими идеями. Так, даже сегодня большой оратор способствует формированию общественного мнения и может сильно повлиять на сложившуюся ситуацию.

Б) *Демонстративная речь* — это такое выступление, основным назначением которого является восхваление, прославление, торжественное чествование какой-то личности или какого-то события. К этой категории принадлежат, в основном, траурные речи, восхваления (панегирики), тосты, официальные обращения послов и государственных представителей во время торжественных приёмов и обедов, речи, произнесённые по случаю памятных дат и торжественных событий.

С) *Судебные речи* ещё с античных времен считаются третьей основной категорией публичных выступлений. К этой категории относятся обвинительные речи и речи, произносимые в защиту обвиняемого.

Такая градация публичных выступлений не удовлетворяет требованиям современной риторики. Различные школы имеют свои критерии типов выступлений. Чаще всего публичные выступления разделяются на четыре главных типа.

А) *Политические речи*. К ним относят не только выступления в парламентах или на митингах, но также тронные речи, призывы, выступления послов и государственных представителей на торжественных приёмах, конференциях, конгрессах и т. п.

Б) *Кафедральные речи*, которые произносят в университетах и других учебных заведениях, религиозных организациях, перед армией, по случаю смерти, выступления в брак и тп.

В) *Судебные речи*. Речи, произносимые в суде или трибунале с целью обвинения или защиты.

Г) *Академические выступления*, т. е. речи, доклады, лекции, которые организуются в научных учреждениях (академиях, научно-исследовательских институтах и т. п.). Подобные выступления типичны для Франции, где они имеют особый характер. В 1640 году Оливье Патр (Olivier Patru) выступил по случаю своего избрания членом Французской Академии с благодарственной речью. Членам Академии это понравилось, и они приняли решение, что каждый вновь избранный должен выступить по этому случаю с краткой речью. Долгое время в этих речах содержалась похвала в адрес предшественника, на место которого вступал вновь избранный. Так выработался совершенно новый особый тип выступлений, имевший всегда приблизительно одно и то же содержание. Затем был введён обычай выступать по случаю окончания академического года. И эти речи были всегда на одну и ту же тему: о пользе Академии. В 18-м столетии директор Академии, в ведении которого была организация торжественного закрытия, сам принял решение: какое содержание должна нести речь. Во Французской Академии организовывались выступления и по другим случаям. Такие речи, включая и отчёты об ораторских и поэтических конкурсах, проводимых Академией, а также представление кандидатов к различным премиям, относились к типу академических выступлений.

Для удобства классификации необходимо прежде всего найти подходящие критерии. В зависимости от самого содержания выступления, от места его проведения, состава публики, личности оратора и других обстоятельств речь приобретает свой особый признак. Этот внутренний признак определяется, в основном, формой выступления. Как и в любом виде искусства, так и в ораторском, внешняя форма должна гармонировать с содержанием.

Риторика — это теория ораторского искусства, главной целью которой является исследование взаимосвязи между формой и содержанием, придание соответствующего словесного выражения определённой идее. Итак, кажется, что самая лучшая классификация та, которая принимает в качестве критерия внутренний характер выступления. Сколько существует содержаний, столько и тем, однако, между всеми возможными содержаниями можно отыскать некие общие черты, которые отличают их. Речь идёт именно о той сущности содержания, о тех характерных чертах, которые с разных сторон влияют на форму.

С этой точки зрения все выступления делятся на две главные категории: профессиональные и непрофессиональные. Каждая из этих категорий имеет множество подкатегорий, а в каждой из подкатегорий имеются многочисленные типы со своими отдельными нюансами, что и придаёт им отличия.

1. Профессиональные публичные выступления определяются тремя главными чертами:

- оратор является профессионалом, это его работа, и он регулярно выступает публично;
- тема — специальная, и оратор является профессионалом в данном вопросе;
- публика состоит из определённых лиц, обязанных присутствовать на данном выступлении; присутствие широкой публики исключается.

Профессиональную речь может произнести только оратор, имеющий определённую квалификацию в выступлениях такого рода. С другой стороны, публика всегда обладает знаниями по теме выступления. Поэтому профессиональные выступления более глубоки, чем непрофессиональные, на эту же самую тему. Здесь оратор не должен обращать внимание на отдельных случайных людей, присутствующих на лекции. Он обращается только к определённым слушателям, которые обладают знаниями в данной области, и он, оратор, адаптирует своё выступление сообразно *требуемому* интеллектуальному уровню публики, хотя возможно, что количество специалистов,

208

присутствующих на лекции, незначительно (может быть даже один человек), а остальная публика, хотя и весьма многочисленная, находится в зале просто из любопытства или по какой-либо другой причине. Но оратор будет обращаться только к профессионалам, а остальным слушателям совершенно не уделять внимания, они как бы пришли сюда посмотреть спектакль, который разыгрывают оратор и профессиональная публика.

Однородность публики — специфическая черта любого профессионального выступления. Эта однородность требует от оратора глубоких знаний по теме выступления и хорошей предварительной подготовки. Но это же позволяет ему смело употреблять сложные обороты и термины, не опасаясь быть непонятым. Оратор в профессиональном выступлении облакает содержание своих идей в самую подходящую, с его точки зрения, словесную одежду. Стиль выступления, произносимые фразы и слова будут самыми подходящими для данного случая. Всё это позволит оратору поднять своё публичное выступление до самого высокого уровня и по форме, и по содержанию.

Профессиональное выступление, в свою очередь, может быть разделено на несколько подкатегорий, многосторонне отличающихся между собой.

А) *Научное, преподавательское и воспитательное выступление* может затрагивать различные предметы, которые преподают в школах, университетах. Обычно оратор затрагивает какую-то ветвь науки, философии, искусства, политики и т. п. в целой серии докладов или лекций. В этом случае первое выступление является вводным, а последующие по определённой системе развивают мысли оратора на заданную тему. Выступления с лекциями и докладами в различных частных школах, на вечерних курсах, в просветительских обществах относятся к этой подкатегории выступлений. Сюда же можно отнести выступления в научных, художественных, философских, политических академиях.

Если выступление носит несколько общий характер, то оно называется *доклад*. Если выступление происходит в университете, академии или носит обучающий характер, имеющий

определённое научное значение, то это — лекция. Продолжительность доклада или лекции достаточно точно определена: 40 – 60 минут. Форма лекции или доклада достаточно типична. Введение, представляющее собой краткое резюме предыдущего доклада или лекции. Затем — развитие начатой в предыдущих выступлениях темы или отдельной ветви темы согласно общему плану данного цикла лекций и докладов. И заключительная часть, представляющая собой резюме только что сказанного и краткий план следующей лекции или доклада. Таким образом, весь цикл выступлений является единым целым, отдельные части которого (отдельные лекции и доклады) системно связаны между собой, хотя и могут иметь относительно самостоятельный характер.

Б) Церковная проповедь — это выступление на религиозные темы. Задача выступающего донести религиозную истину до слушателей с точки зрения исповедуемой религии, поднять религиозную активность верующих, и ещё больше убедить их в правильности избранного религиозного пути, подтвердить моральные, религиозные принципы данной веры.

Эта подкатегория профессионального публичного выступления называется *проповедью*. Так же, как и другие виды выступлений, проповеди могут охватывать различные религиозные темы так, что цикл проповедей может охватить полностью представление о какой-либо религии. В этом случае каждая последующая проповедь является продолжением предыдущей. Для этого оратор-проповедник заранее составляет план, по которому каждая отдельная проповедь освещает определённую часть всей темы.

Проповеди произносятся в церквях или в иных подходящих помещениях. Мистическая атмосфера, царящая вокруг церквей, позволяет оратору использовать величественные жесты, придать пафос всему выступлению. Сама тема даёт возможность обращаться больше к подсознанию и сердцу, чем к разуму. Поэтому эмоциональная сторона проповеди более сильна, чем интеллектуальная. Если доклады и лекции носят более делиберативный характер, то проповеди относятся, по большей части, к

произносится речь, может иметь большие последствия. Выступающий, учитывая самые различные, как объективные, так и субъективные обстоятельства (величина, мощь и состояние на данный момент страны, занимаемую должность персоны, от имени которой оратор выступает, должность того к кому он обращается, конкретная цель данного выступления и пр. и пр.), адаптирует форму своей речи, согласно правилам (протоколу), принятым для данных обстоятельств. Как видим, здесь оратору не нужно быть великим мыслителем, чтобы правильно выступить! Речь идёт только о схеме, всегда одной и той же для данного конкретного обстоятельства.

К этому типу принадлежит также и тронная речь.

Второй тип выступлений, часто подчиняющийся протоколу, но только до определённой степени (внутренние инструкции, регулирующие работу какого-либо учреждения). Например, инструкции для внутреннего пользования в каких-либо местных или областных администрациях, парламентах, в различных отделах ООН, межгосударственных комиссиях или мирных конференциях обычно предусматривают манеру выступлений: кто, как, когда и сколько имеет право говорить. Оратор, разумеется, должен подчиняться этим правилам и быть внимательным, чтобы эти правила не были использованы против него. А поэтому он должен очень хорошо их знать. Он должен знать свои права, чтобы иметь возможность их защитить, когда этого потребуют обстоятельства.

Параграфы внутренних инструкций, касающиеся права на выступления, обычно весьма общи и гибки. Они дают оратору большую свободу в части формы и содержания выступления. Во всяком случае, они позволяют оратору в демократическом обществе свободно высказать любую мысль. Он не обязан, как при дипломатическом выступлении, сковывать свою мысль рамками протокола. Напротив, он может свободно выразить себя. Сила его выступления зависит только от него самого, от его интеллекта, от его ораторского таланта и образования.

Политические речи, формально не регулируемые, могут

произносится речь, может иметь большие последствия. Выступающий, учитывая самые различные, как объективные, так и субъективные обстоятельства (величина, мощь и состояние на данный момент страны, занимаемую должность персоны, от имени которой оратор выступает, должность того к кому он обращается, конкретная цель данного выступления и пр. и пр.), адаптирует форму своей речи, соответственно правилам (протоколу), принятым для данных обстоятельств. Как видим, здесь оратору не нужно быть великим мыслителем, чтобы правильно выступить! Речь идёт только о схеме, всегда одной и той же для данного конкретного обстоятельства.

К этому типу принадлежит также и тронная речь.

Второй тип выступлений, часто подчиняющийся протоколу, но только до определённой степени (внутренние инструкции, регулирующие работу какого-либо учреждения). Например, инструкции для внутреннего пользования в каких-либо местных или областных администрациях, парламентах, в различных отделах ООН, межгосударственных комиссиях или мирных конференциях обычно предусматривают манеру выступлений: кто, как, когда и сколько имеет право говорить. Оратор, разумеется, должен подчиняться этим правилам и быть внимательным, чтобы эти правила не были использованы против него. А поэтому он должен очень хорошо их знать. Он должен знать свои права, чтобы иметь возможность их защитить, когда этого потребуют обстоятельства.

Параграфы внутренних инструкций, касающиеся права на выступления, обычно весьма общи и гибки. Они дают оратору большую свободу в части формы и содержания выступления. Во всяком случае, они позволяют оратору в демократическом обществе свободно высказать любую свою мысль. Он не обязан, как при дипломатическом выступлении, сковывать свою мысль рамками протокола. Напротив, он может свободно выразить себя. Сила его выступления зависит только от него самого, от его интеллекта, от его ораторского таланта и образования.

Политические речи, формально не регулируемые, могут

быть краткими, а могут продолжаться несколько часов или даже несколько дней, чтобы высказать все аргументы. Если нет ограничений на длительность и количество выступлений, то можно искусственно удлинить выступление с целью парализовать работу какой-либо организации. В парламенте оратор от оппозиции, стремящийся провалить какое-либо предложение правительства, может выступать в течение нескольких дней, а иногда и месяцев с единственной целью помешать работе депутатов. Есть ораторы, которые прославились умением говорить долго. Некоторые способны непрерывно выступать часами. После краткого перерыва они могут снова начать многочасовую речь. Такие долгие выступления являются сильным оружием обструкции.

Политические выступления являются или демонстративными, или делиберативными. Первый тип, когда форма выступления строго определена, имеет, в основном, демонстративный характер. Второй — делиберативный. Политические выступления, если они длинны и имеют своей целью кого-то убедить, называются *дискурсиями*.

Г) *Судебные речи* — это выступления перед судьями с целью обвинения или защиты. Обвинения выдвигаются от своего имени, от имени государства или от имени своего клиента. Защищают от своего имени или дело своего клиента. Во всех случаях хорошее знание юриспруденции — это первое условие, чтобы составить хорошее судебное выступление. Поэтому в подавляющем большинстве государств помощь профессионального адвоката обязательна во всех важных гражданских и уголовных процессах.

Продолжительность судебного выступления зависит от важности судебного процесса. Чем важнее и сложнее судебный процесс, тем длиннее выступление. На больших процессах, процессах в Верховном Суде, в международном трибунале, в арбитражном суде выступления могут продолжаться несколько дней.

Судебные речи отличаются от выступлений других типов не только особым содержанием, но и тем, что они регулируются законами и требованиями всей судебной системы. Часто закон

чётко предусматривает, каких вопросов может касаться выступающий, а какие — запрещены. Оратор, выступающий с защитной речью перед судьями, обязательно должен хорошо изучить эти предписания!

Любое судебное выступление, независимо от судебной системы, должно анализировать рассматриваемое дело с точки зрения фактов и юридических законов. Так как любое фактическое действие имеет определённую юридическую оценку, то совершенно естественно, что оратор должен начать своё выступление с изложения фактов, а затем перейти к праву. Чтобы представить факты, выступающий использует различные доказательства: показания свидетелей, заключения экспертов, документы и т. п., в зависимости от требований юридической системы. Из этого предварительно зафиксированного фактического состояния оратор делает выводы и, опираясь на юридические законы, строит свою защиту.

Интерпретация юридических законов — одна из самых главных и трудных задач в судебном выступлении. Различные юридические системы предписывают в этом случае опираться на определённые установленные правила толкования законов. Существуют методы интерпретации формальные (по букве закона), логические, по аналогии (по прецеденту). Есть юридические системы, которые допускают все формы интерпретации во всех или только в некоторых случаях, в то время как в других юридических системах вообще запрещаются какие-либо формы интерпретации.

Так же как существуют юридические системы, которые допускают юридическую практику, когда вердикты верховного суда, подготовительные работы к какому-то закону, контракту или иному юридическому акту используются как вспомогательные методы толкования законов, так существуют и другие юридические системы, которые запрещают использование подобной практики при толковании юридических законов. Из-за такого различия невозможно установить абстрактные правила юридической интерпретации для оратора в суде. Каждое лицо, которое обязано в силу своей профессии выступать перед

определённым судебным органом, должно хорошо изучить эти правила и стараться полностью использовать их для подготовки своего выступления.

Судебные речи называются защитой.

Д) Выступления перед солдатами выделяются в особую подкатегорию профессиональных выступлений. В этих случаях всегда речь произносят высшие чины перед низшими и всегда на военную тему: придание смелости перед боем, восхваление героизма, побуждение к более энергичному освоению воинского "ремесла" и т. п.

С речью к солдатам обращаются в самых различных случаях и при различных обстоятельствах. Чаще всего перед боем, после победы или поражения, по случаю национальных и армейских праздников. Цель всегда одна: поднять воинский дух! Подобно проповедям, но только с иной целью. Слушатели при этом уже настроены на эту тему. Для создания соответствующей обстановки используют трубы, горны, барабаны, играют марш. Место выступления украшают флагами, эмблемами и значками, гремят орудийные салюты, блестит оружие и сияет армейская форма...

Речи перед солдатами характеризуются краткостью фраз, непродолжительностью выступления (по форме) и отсутствием аргументов (по содержанию). Обычно эти выступления не имеют ни введения, ни заключительной части и отражают всю сложившуюся обстановку. Основная часть не содержит ни аргументов, ни доказательств, а состоит из призывов, лозунгов и приказаний. Аргументы уступают место служебному превосходству оратора над слушателями и дисциплине, которую следует соблюдать!

Выступления перед военнослужащими часто имеют форму, так называемых, *дневных заданий (приказаний на каждый день)*. Иногда эти приказания, если их отдаёт представитель высшего командного состава, могут иметь политическую окраску. В этом случае они не только зачитываются перед строем, но и передаются по радио. Из-за отсутствия непосредственного контакта между составителем обращения и слушателями такая

речь не является настоящим ораторским выступлением. Фактически, здесь разные лица выступают в качестве ораторов, но они не выражают собственные мысли: они только читают написанное другими.

1.2. Непрофессиональные публичные выступления отличаются от профессиональных тем, что в них отсутствует, по крайней мере, один из элементов, принадлежащих профессиональному выступлению. Например, оратор-специалист и выступление касается его специальности, а слушатели не являются специалистами в данной области. Оратор, хотя и является специалистом в какой-либо области науки, техники или искусства, но говорит на тему, которая не касается его непосредственной профессии.^(123*) В этом случае также идёт речь о непрофессиональном выступлении, даже если оратор и слушатели являются специалистами в одной области, а тема доклада не соответствует специальности оратора. Все непрофессиональные выступления можно разделить на две главные категории: доклады и выступления по (какому-либо) случаю.

1.2.1. Доклады — это выступления специалистов на какую-то профессиональную тему (перед слушателями неспециалистами) или любителей (перед слушателями специалистами). Доклады носят общеобразовательный характер. Единственное, но очень важное отличие докладов от лекций, проходящих в школах и университетах — это состав публики. Профессиональные доклады и лекции посещает ограниченное число слушателей, состоящее из лиц, которые по различным причинам обязаны их посещать. Непрофессиональные доклады организуются для широкой публики, среди которых может вообще не быть специалиста по данной теме. Это делает доклад более популярным.

Помещение, в котором организуется доклад, зависит от темы. Это может быть школа, университет или отдельное помещение, предназначенное для публичных выступлений. Это также может быть театр, кинотеатр, клуб или какое-либо другое подходящее место (например, столовая. — Примеч. пер.). Выбор помещения, как и подбор слушателей, очень важен.

Продолжительность доклада зависит от темы. Обычно доклад длится от 40 минут до одного часа.

1.2.2. *Выступление по (какому-либо) случаю* происходит при самых разных обстоятельствах. По случаю бракосочетания, смерти, рождения, начала или окончания работы, назначения на должность и т. п. принято произнести хвалебную речь. Подобные выступления всегда относятся к категории демонстративных, в отличие от докладов, которые содержат делиберативные признаки.

Тема выступления по случаю — это восхваление какого-либо человека, какой-либо идеи, института, общественного или политического движения.

Если похвала относится к умершему, то это — *траурная речь (траурная орация)*. Долгое торжественное выступление — *панегирик (восхваление)*. Выступление на празднике с одновременным предложением выпить “в честь” или “по случаю” называется *тостом*. Выступления по каким-либо другим причинам имеют также свои названия соответственно теме: “выступление по случаю открытия конгресса, памятного и т. п.”, “торжественная речь”, “вступительная речь”, “приветственная речь” (по случаю прибытия, присутствия кого-либо и т. п.).

“*Выступления по случаю*” должны быть чрезвычайно сконцентрированы на избранной теме. В силу обстоятельств их продолжительность может быть более или менее различна, но всегда нужно стремиться, чтобы выступление было коротким и динамичным. Нужно помнить: особые случаи, по которым происходят выступления, всегда имеют особую атмосферу, поэтому нет необходимости в длинном вступлении, для “моральной” подготовки слушателей к главной теме. Оратор должен только позаботиться о соответствии стиля и тона выступления душевному состоянию присутствующих.

Выступления по случаю — это значительность содержания, особая торжественность момента, внешние обстоятельства, а также пафос в голосе и жестах. Чем более волнующая обстановка, чем торжественнее момент, тем больше пафоса должно быть

при выступлении. Высокий стиль, благородные мысли, тон голоса, торжественные жесты — всё это не только гармонирует с торжественностью обстановки, но и способствует её усилению.

2. Разделение выступления на части

Ораторское выступление, как было сказано выше — это упорядоченное развитие мыслей. Это искусство. Как всякое художественное произведение, выступление состоит из нескольких частей и разделов. Каждая часть, каждый период выражается в целом и посредством этого целого, но одновременно растворяется, расплавляется во всём произведении, способствуя его красоте и величию.

Отдельная деталь, даже весьма искусно обработанная, может представлять интерес как фрагмент объекта исследования. Она тоже может содержать в самой себе некую красоту. Однако, только гармоничная связь с другими частями в сочетании с целым значительно увеличивает её художественную ценность. И именно эта пропорциональная гармония всех частей и мелких деталей заставляет их одновременно терять свою индивидуальность, которая переходит в высшую индивидуальность всего художественного произведения.

Отдельный камешек, хотя и очень красивый, отдельная музыкальная фраза, хотя и очень приятная, ещё не создают красоту мозаики, красоту симфонии. Но и красоту всего произведения невозможно представить без художественно обработанных камешков и фраз.

Если художественное целое не может существовать без деталей, также и детали не могут выразить себя вне целого. Только целое, состоящее из деталей, и детали в целом представляют художественное произведение.

Бриллиант имеет много граней, и каждая грань помогает проявиться ослепительной красоте камня, каждая грань получает свой нюанс красоты от общего блеска. Ораторское выступление — это монумент, созданный из звуков и тонов, из слов и фраз, из периодов и частей. Каждая деталь занимает своё

определённое место, играет свою роль, имеет своё значение в высшем единстве: звук и тон в слове, слова во фразе, фразы в периоде, периоды в каждой части. Каждая из них отдаёт свою силу и красоту всему произведению. Но их собственная сила и красота состоит во взаимоотношении отдельных деталей, как между собой, так и с этим целым. Усиливая целое, они и сами усиливаются. Оживляя, они сами оживляются. Делая всё произведение более художественным, они и сами становятся таковыми.

Поэтому необходимо не только заботливо создавать каждую часть и каждую деталь выступления, но и соответствующим образом связать их между собой, соблюдая определённые пропорции.

Согласно классической риторике, публичное выступление состоит из шести фундаментальных частей: *введение, сообщение, изложение, убеждение, опровержение, заключение.*

Во *введении* оратор представляет себя, старается заинтересовать темой выступления публику и приобрести её благосклонность. Эту часть выступления античные латинские риторы называли *exordium*.

Вторая часть — *сообщение* — состоит из чёткого и ясного уведомления публики о содержании выступления. В этой части даётся план выступления, чтобы слушатели знали, какие вопросы будет обсуждать оратор. У римлян эта часть называлась *enunciatio*.

Третья часть публичной речи — *изложение*. Она содержала информацию о фактическом состоянии дел, представленных в выступлении. Здесь оратор представляет факт за фактом. Эта часть в работах античных учителей называлась *narratio*.

Четвёртая часть, *убеждение*, считалась самой главной. В ней оратор доказывал свою точку зрения, приводя аргументы. В классической риторике эта часть имела название *persuasio*.

В следующей, пятой части, оратор *опровергает* аргументы оппонентов, ослабляет или полностью опрокидывает их доказательства, противостоит их требованиям. Называлась она -- *refutatio*.

И, наконец, в шестой, *заключительной* части, называемой когда-то *peroratio*, оратор настаивает на принятии его точки зрения и с помощью эмоциональных слов старается сломить последнее противостояние оппонентов.

Такое деление выступлений кажется подходящим и сегодня для некоторых типов. Главным образом политические и судебные речи хорошо подходят для подобного деления в качестве базовой модели. Однако нельзя сказать, что любое выступление должно содержать все вышеперечисленные части или что эти части должны иметь вышеуказанную последовательность.

Во многих выступлениях, например, при произнесении тостов, панегирик, ораций и др. отсутствуют такие разделы как *сообщение* и *опровержение*. В таких выступлениях нет места и для *изложения*, в классическом смысле этого слова, или оно (*изложение*) очень коротко. В докладах, напротив, главное место занимает *изложение* и иногда *убеждение*, в то время как *опровержение* может не играть почти никакой роли. Проповедь состоит главным образом из *убеждения*, но это *убеждение* основано, скорее, на авторитете, чем на аргументах. То же самое мы видим и в выступлениях перед солдатами.

Типовыми выступлениями, составленными по классической схеме из шести частей, являются речи защитников и обвинителей. Но и в них можно опустить такую часть, как *сообщение*, а *изложение*, *убеждение* и *опровержение* для удобства выступления соединить вместе. В этом случае оратор излагает один факт, представляет к нему доказательства, опровергает аргументы оппонентов, строит заключение. Затем обращается к следующему факту, приводит доказательства и т. д.

Можно спланировать своё выступление иначе: сначала — изложение фактов, затем аргументация и контраргументация в форме убеждения и опровержения.

В некоторых случаях целесообразнее тотчас привести аргументы и контраргументы относительно одного факта, оставив окончательную аргументацию и опровержение по всем остальным фактам для следующей части выступления. В иных случаях

можно в изложении представить сразу все факты, а части убеждение и опровержение соединить вместе так, чтобы на каждый аргумент тотчас следовал бы контраргумент. Всё это зависит от ситуации и умения оратора приспособить форму выступления к конкретным обстоятельствам.

Итак, самыми необходимыми являются следующие части выступления: *введение, основная часть и окончание.*

Введение (1) выполняет разную функцию. Прежде всего, оратор представляется публике, начинается беседа, устанавливается контакт. Эти первые шаги очень важны для дальнейшего выступления. От них во многом зависит весь успех. Поэтому оратор должен уделить введению много внимания, детально его разработать, предусмотреть различные ситуации и даже на всякий случай, подготовить несколько вариантов. Хороший старт — это предварительное условие для успешного достижения цели.

Во введении оратор старается привлечь внимание публики к теме выступления, получить поддержку, склонить её на свою сторону. Всё это достигается правильным выбором названия выступления и содержанием вводной части.

Обращение к публике — это как бы рука, которую оратор протягивает ей. Следует быть осторожным, чтобы это приветствие не носило характер пощёчины! А такое ощущение публика может почувствовать не только в результате грубости (резкости), но и из-за лести или излишней фамильярности, содержащейся в приветствии. Сказать друзьям: «Высокопочтимые господа» — то же самое, что обратиться к высокопоставленным лицам: «Дорогие друзья».

Обращение должно соответствовать характеру выступления и взаимоотношениям между оратором и слушателями. В кругу товарищей и друзей будут подходящими слова: «друзья, товарищи». Выступая перед специалистами в университете, академии, на конгрессе, оратор, имеющий ученое звание такое же, как и у собравшихся или выше, может сказать: «коллеги». Но если ранг выступающего ниже, то он должен обратиться к ним со словами: «уважаемые дамы и господа» или «уважаемые члены

учёного совета”, “уважаемые академики, профессора, доктора и кандидаты наук”. При выступлении высшего по званию офицера перед военнослужащими следует обращаться: “солдаты (солдаты и матросы), сержанты и старшины, офицеры, генералы и адмиралы” — в зависимости от состава собравшихся. Проповедник обращается к пастве: “дорогие верующие”, “дорогие прихожане”, “братья и сёстры во Христе” или сообразно принятому в данной религии обычаю. В суде принято обращаться: “уважаемые господа судьи”, “уважаемый господин прокурор”, “уважаемый председатель суда” и т. п. Дипломатический протокол строго предписывает определённые обращения в зависимости от занимаемых в государстве и посольстве должностей. При произнесении политических речей обычны обращения: “(дорогие) граждане”, “(дорогие) сограждане”, “друзья”, “(дорогие) россияне”. *(К зарубежной публике можно обратиться на её родном языке. Это производит хорошее впечатление, особенно, если у оратора неплохое произношение. — Примеч. переводчика.)*

Если собрание ведёт председатель, в зале присутствуют известные (знаменитые) лица, неплохо будет обратиться отдельно к председателю, отдельно к знаменитостям и отдельно к остальной публике. Если публика разбита на несколько групп, более или менее близких оратору, то следует в обращении перечислить все эти группы так, чтобы самая близкая оратору группа была названа последней. Например: “уважаемые дамы и господа! Товарищи! Друзья!”

Очень важно перечислить в обращении все категории слушателей, присутствующие в зале или на площади, но так, чтобы никто не был шокирован слишком неуважительным уравниванием или исключительным выделением какой-либо категории из состава слушателей.

.....
.....

Следует всё же помнить, что слишком большое количество

титулованных особ стесняет публику, создавая некую отчуждённость между слушателями. Поэтому не стоит перенасыщать своё обращение, упоминая титулы присутствующих, за исключением случаев, когда это действительно необходимо. Если выступление происходит в достаточно близком кругу, если собрание не слишком торжественное или продолжительность его всего несколько минут, избегайте перечисления большого количества титулов.

Правильное обращение — это не только дань вежливости. Оно сближает публику, делает её более однородной, приближает к оратору. Кроме нескольких типов выступлений, в которых форма обращения более или менее зафиксирована (дипломатическое выступление, речь перед солдатами, выступление в суде), оратор имеет широкие возможности в выборе и комбинации титулов. Желательно, чтобы в речах эмоционально-демонстративных чаще употреблялись обращения: друзья, братья, товарищи, а в публичных выступлениях делиберативного характера (на лекциях, докладах) — более сдержанные.

Само содержание введения подготавливает слушателей к главной теме. В нём несколькими словами можно рассказать о важности рассматриваемых вопросов. Здесь же следует указать причину и цель выступления, мотивы, по которым оратор выступает именно на эту тему. В зависимости от обстоятельств, необходимо поблагодарить организаторов выступления и слушателей, пришедших его послушать.

Иногда можно попросить слушателей быть более внимательными и терпеливыми, если тема не слишком интересна или трудна для восприятия. Во введении иногда следует связать *сообщение* с кратким, чётким планом выступления. Оратор в общих чертах информирует: как он будет отвечать на вопросы, изложенные в главной части выступления. *Сообщение* играет важную роль при выступлениях с защитной или обвинительной речью, при продолжительных выступлениях и на лекциях. Публика, чётко представляя весь ход выступления, лучше воспринимает информацию, и следит за отдельными частями выступления. В иных выступлениях раздел

сообщение бывает излишним, а иногда даже нежелательным. Выступающего, который вначале траурной орации сообщает, что он будет сначала говорить о гражданских добродетелях умершего, затем о его научных заслугах и завершит своё выступление, рассказав о его благородстве в частной жизни, нельзя назвать подлинным оратором! Бесспорно, в систему нужно облечь любое выступление, но не во всяком выступлении должно быть *сообщение*! Часто краткая информация о главных пунктах публичного выступления, напечатанная в объявлениях или в пригласительных билетах, может заменить *сообщение* во введении.

В проповедях вводная часть (введение) нередко представляет собой чтение отрывка из Евангелия.

Продолжительность вводной части должна быть пропорциональна длине всего выступления. Введение, достигающее по продолжительности половины выступления, уже не может называться введением! Обычно введение составляет $1/6$ - $1/10$ часть от всего выступления. Чем длиннее основная часть, тем меньший процент от неё занимает введение. Приветственная речь на четыре минуты может иметь вводную часть около минуты, но невозможно, чтобы в защитной речи продолжительностью четыре часа вводная часть длилась один час!

В некоторых типах публичных выступлений введение бывает коротким: только название темы и одна - две фразы. При настроении в зале, полностью совпадающем с целью выступления, нет необходимости подготавливать публику, а можно сразу переходить к основной теме. К таковым относятся выступления перед солдатами, проповеди, тосты, панегирики, праздничные выступления и подавляющее большинство *выступлений по случаю*.

В незнакомом обществе, перед разнородной публикой, в помещении, несоответствующем теме выступления и т. п. желательно несколько продлить введение. Это поможет публике привыкнуть к обстановке, к голосу и манере выступления оратора, а сам выступающий имеет возможность привлечь внимание публики. Изучая слушателей, он имеет возможность сблизить их, превратить из отдельных слушателей в публику и приспособить

форму своего выступления к сложившейся обстановке. По возможности оратор должен постараться не переходить к основной части, пока не установится необходимый контакт между ним и публикой. Это одна из главных задач введения.

Основная часть выступления (2) может иметь различную форму. Она может состоять из одной или нескольких частей. Каждая часть может содержать один или несколько пунктов, а каждый пункт, в свою очередь, иметь несколько небольших подпунктов, содержащих периоды и фразы. Всё это должно быть соответствующим образом и незаметно увязано.

Основная часть может, например, состоять из *изложения*, *убеждения* и *опровержения* (по классической схеме). Обозначим эти три части буквами **А**, **В**, **С**. В *изложении* можно представить множество фактов, которые обозначим цифрами **1, 2, 3, ...**. *Убеждение* также может включать в себя множество аргументов, а *опровержение* — контраргументов. Их также обозначим цифрами: **1, 2, 3, ...**. Все эти факты, аргументы и контраргументы могут быть тесно связаны между собой, или, наоборот — независимы друг от друга, или во всех этих частях (*изложение, убеждение, опровержение*) отдельные пункты (факты, аргументы, контраргументы) могут вытекать один из другого. Предположим, что все они важны и достаточно независимы друг от друга, но так, что вся их совокупность в каждой из частей позволяет вывести определённое заключение (вывод): **х, у, z**, а из всех заключений (выводов) следует окончательный вывод (**К**).

Схема такой основной части выглядит следующим образом:

$$\begin{array}{c}
 \left. \begin{array}{l}
 \text{А} \quad \left. \begin{array}{l} 1 \\ 2 \\ 3 \\ \vdots \end{array} \right\} \\
 \end{array} \right\} x \rightarrow \text{В} \quad \left. \begin{array}{l}
 \left. \begin{array}{l} 1 \\ 2 \\ 3 \\ 4 \\ \vdots \end{array} \right\} \\
 \end{array} \right\} y \rightarrow \text{С} \quad \left. \begin{array}{l}
 \left. \begin{array}{l} 1 \\ 2 \\ 3 \\ \vdots \end{array} \right\} \rightarrow z \quad \parallel \parallel \rightarrow x+y+z=\text{К}
 \end{array}
 \right.
 \end{array}$$

Если факты, аргументы и контраргументы логически вытекают один из другого, то схема примет следующий вид:

$$A (1 \rightarrow 2 \rightarrow 3 \rightarrow \dots) \rightarrow x \rightarrow B (1 \rightarrow 2 \rightarrow 3 \rightarrow 4 \rightarrow \dots) \rightarrow y \rightarrow C (1 \rightarrow 2 \rightarrow 3 \rightarrow \dots) \rightarrow z \rightarrow || x+y+z=K$$

Если только в одной из частей отдельные пункты следуют один за другим, а в других частях они имеют одинаковый ранг и независимы друг от друга, схема приобретает иную форму, например:

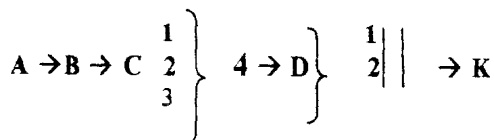
$$A \left. \begin{array}{l} 1 \\ 2 \\ 3 \\ \vdots \end{array} \right\} x \rightarrow B (1 \rightarrow 2 \rightarrow 3 \dots) \rightarrow y \left. \begin{array}{l} 1 \\ 2 \end{array} \right\} C \rightarrow x+y+z = K$$

Каждый из пунктов или некоторые из них могут состоять из отдельных элементов (a, b, c, ...). В этом случае схема изменит свой вид:

$$A \left. \begin{array}{l} 1 \\ a \rightarrow b \rightarrow 2 \end{array} \right\} \rightarrow B (1 \rightarrow 2 \rightarrow 3 \rightarrow \dots) \rightarrow y \rightarrow C \left. \begin{array}{l} a \\ b \end{array} \right\} \rightarrow$$

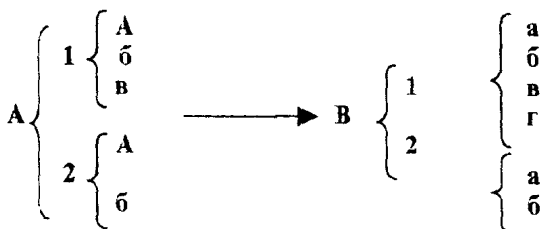
$$\rightarrow 2 \left. \begin{array}{l} a \\ b \\ c \end{array} \right\} \rightarrow z || \rightarrow x+y+z = K$$

Вышеприведённые схемы (они, разумеется, могут иметь и иной вид) относятся, главным образом к политическим речам и выступлениям в суде. Другие категории (типы) выступлений обычно строятся по этим схемам. В зависимости от типа и содержания публичного выступления схема может меняться. Например, простой доклад о поездке в какую-либо страну может иметь основную часть, состоящую из четырёх частей (страна, люди, общественная жизнь, культура). Каждая из этих частей может иметь несколько разделов (пунктов), например, общественная жизнь: политические партии, профсоюзы, кооперативы, пресса. Часть, освещающая культурную жизнь страны — искусство, образование. Из всех частей следует общее заключение (К):

Но этот же самый доклад может быть построен и по другому принципу: часть А — материальные ценности с пунктами: 1) природные богатства: а) уголь, б) леса, в) сельскохозяйственные угодья; 2) индустрия: а) тяжёлая индустрия, б) лёгкая индустрия; В — духовная культура: 1) искусство: а) литература, б) живопись, в) театр, г) музыка; 3) образование: а) начальное образование, б) высшее образование.

Схема такого выступления имеет вид:

Совершенно невозможно представить точно все варианты схем *основной части* выступления. Их число почти столь же велико, как и число тем и количество ораторов. Но есть одно общее правило: каждая основная часть в зависимости от конкретного содержания и целей должна быть сознательно приведена к определённой схеме. Публичное выступление — это не болтовня о чём угодно и не может состоять из случайных мыслей, беспорядочно громоздящихся одна на другую.⁽¹²⁴⁻⁶⁾ Публичная речь — это дворец, искусно построенный из многих элементов.

Архитектура *основной части* выступления должна показать интеллектуальную силу и художественный талант оратора. Правильное разделение выступления на части, разделы, пункты, подпункты, определённые пропорции между ними, их взаимосвязь — вот качества, присущие хорошо сформированной основной части.

Окончание (III) — это финал выступления. Выводы (заключения) можно делать и в главной части после изложения всех пунктов или после каждой отдельной части. Эти выводы являются пунктами перехода к следующим частям или разделам. Но окончательное заключение имеет иное значение. Оно не подготавливает новый вывод, а суммирует все предшествующие с целью привести публику к окончательному мнению, которого добивался в своей речи оратор.

Главный, окончательный вывод (главное заключение) может также присутствовать и в финале публичного выступления. Он может последовать тотчас за всеми предварительными выводами. В этом случае главный вывод принадлежит не окончанию выступления, а фактически — основной части выступления.

Окончание — это самая эмоциональная часть выступления. Если в предыдущих частях своей речи оратор обращался в основном к разуму слушателей, то в финале он обращается к их чувствам, и только чувствам. Хорошо подготовив настроение публики в главной части, выступающий бросается в последнюю атаку, чтобы нанести своим оппонентам последний победный удар.

Внутренняя сила финала отражается в форме выступления. Меняется голос оратора: его сила, высота, окраска. Жестикуляция, сообразно сути выступления, усиливается, а может и совершенно исчезнуть. Состояние оратора, тон его выступления ясно показывает приближение окончания выступления.

Также как в музыкальном произведении предчувствуют последние аккорды, так же и в хорошем публичном выступлении ощущается приближение окончания. И более того, также как в душах людей, слушающих прекрасную симфонию, возникает особая, благородная, едва сдерживаемая взволнованность от последних аккордов, так же и публика, присутствующая на выступлении оратора и воспринимающая последние возвышенные фразы, находится в состоянии высокого душевного напряжения. И как после финального аккорда, так же и после заключительной фразы наступает чувство удовлетворения, полученное от интеллектуального общения с интересным собеседником, наступает спад напряжения.

Подобно *введению* финал публичного выступления должен быть предварительно хорошо подготовлен. должно быть продумано буквально каждое слово. Рекомендую даже подготовить несколько вариантов заключительной части выступления, чтобы в зависимости от обстоятельств выбрать самый подходящий или даже использовать несколько вариантов последовательно или, наконец, составить из нескольких финальных вариантов новую заключительную часть.

Обычно окончание выступления состоит из двух частей. Очень короткое основное резюме, составленное из предыдущих выводов, которое представляет собой как бы переход от основной части к заключительной. Формально это основное резюме относится скорее к финалу, чем к основной части. Но в некоторых случаях оно может находиться среди других подразделов основной части и тогда не может быть отнесено к заключительной.

Вторая часть окончания речи — это, как правило, эмоциональный призыв (прямой или косвенный) одобрить и принять

высказанные идеи. Последняя фраза должна быть самой сильной по тону, которым она произносится. Присутствующие должны понять, что выступление закончилось.

Некоторые ораторы имеют плохую привычку заканчивать свою речь словами, прямо указывающими на окончание выступления: «я закончил», «я сказал всё, что хотел», «я благодарю вас ...» и т.п., хотя в некоторых случаях это допустимо. Хороший оратор манерой произнесения последних слов даёт понять, что речь окончена, а не объявляет об этом формально! Только выступающие, которые не знают, как закончить речь, используют такой способ.

Иногда случается, что оратор должен отказаться от заранее подготовленного финала, если в процессе выступления у него появится новая идея, как лучше построить окончание выступления. В этом случае он молниеносно должен определиться: принять ли новое решение, следовать ли заранее намеченному плану или выбрать некий третий вариант.

Бывает, что ещё до изложения всего намеченного в основной части, необходимо закончить выступление. Например, в силу каких-то обстоятельств оратор должен был увеличить вводную часть выступления, задержавшись на некоторых деталях, дать некоторые непредвиденные пояснения, ответить на замечания и т.п. Всё это может настолько удлинить выступление, что основную и заключительную части нужно будет сократить, отказавшись от высказывания многих заранее подготовленных интересных идей и сильных аргументов. Такое решение требует определённой решительности! Это одна из составных частей ораторской смелости. Если выступающий почувствует, что дальнейшее продолжение слишком затянувшейся речи несёт опасность, то лучше тотчас закончить выступление.

В этих случаях оратор может «приклеить» *окончание выступления к основной части* (уже произнесённой), но лучше всего сымпровизировать новый финал.

Необходимо упомянуть ещё одну возможную причину преждевременного окончания выступления. Горячее выступление может настолько всколыхнуть публику, что она неожиданно

начнёт аплодировать, и тут оратор должен подумать: а может быть такие горячие аплодисменты и есть лучшее окончание. Если же аплодисменты вспыхнут в начале или в середине выступления, то это будет очень хорошей поддержкой оратору.

Вобщем говоря, заключительная часть выступления может состоять из нескольких поэтапных заключительных моментов, как в музыкальном произведении, у которого бывает несколько финальных аккордов, каждый из которых, в принципе, может быть последним, но фактически является подготовительным к новому, ещё более впечатляющему аккорду. Очень важна градация: каждая последующая фраза более сильна и выразительна, чем предыдущая. И самая сильная — обязательно последняя. Она должна вызвать одобрение. И если предыдущие фразы также вызвали одобрение, то последняя — должна вызвать наибольшее.

Длительность заключительной части выступления должна соответствовать продолжительности всего выступления. Обычно *окончание* чуть-чуть короче *вводной части*. Оно может состоять из одной сильной (выразительной) фразы.

В речи Брута ⁽¹²⁴⁾ хорошо различимы *введение* (I), *основная часть* (II) и *окончание* (III).

Введение (I) состоит двух частей: обращение (A) и призыв ко вниманию (B). Здесь нет *сообщения*. Итак, обратимся к тексту:

A: Римляне, сограждане и друзья!

B: *Послушайте меня, хочу вам сообщить. Но соблюдайте тишину, чтоб все меня могли услышать. Поверьте мне во имя моей чести и положитесь на мою честь, чтобы поверить мне! Меня судите по своему разумению.*

Основная часть — одна (A), но содержит три пункта:

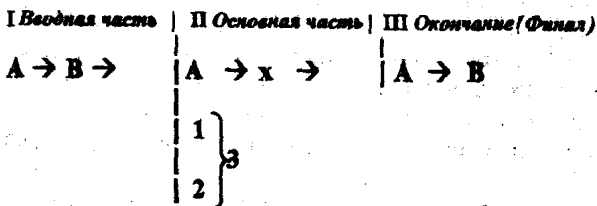
- 1) личное отношение Брута к Цезарю;
- 2) отношение Брута к родине;
- 3) оправдание убийства в интересах республики, несмотря на личные дружеские отношения Брута к Цезарю.

Окончание речи (III) состоит из двух небольших частей. В первой Брут говорит о том, что сейчас народ в республике живёт хорошо и свободно. Во второй части, наиболее сильной, Брут заявляет, что готов идти на смерть, если этого потребует родина.

Вот финал:
А: Вот его тело, оплакиваемое Марком Антонием, который, хотя и непричастен к убийству, но выиграл от этого, — он будет жить в республике. В таком же выигрыше будет и любой из вас.

В: С этим я ухожу, — и так же, как я поразил моего лучшего друга для блага Рима, так сохраню этот кинжал для себя, если моей отчизне потребуется моя смерть.

Вот схема этого выступления:

Вводная часть немного длиннее, чем **финал**, в то время как **основная часть** состоит из 3-х пунктов, тесно связанных друг с другом: любовь к Цезарю, ещё большая любовь к родине, вывод — смерть Цезарю! Второй пункт — самый важный. Он оправдывает убийство. Этим Брут привлекает ко второму пункту наибольшее внимание толпы. Он увязывает второй пункт с первым каждой своей фразой, кроме первой.

Речь Антония, по существу, политическое выступление, хотя он хитр □ называет её траурной, состоит из **вводной части**, **основной части** и **окончания**.

Вводная часть (I) кроме обращения (A) и призыва ко вниманию (B) имеет ещё раздел (C), в которой излагается цель — почтить память убитого.

Основная часть (II) состоит из пяти небольших разделов.

А) Похвала высоким достоинствам убитого с одновременной иронией в адрес Брута. Этот раздел состоит из нескольких пунктов: 1) обогащение Рима; 2) скромность Цезаря; 3) добросердечность Цезаря, что доказывает — Цезарь не был властолюбцем.

В) Возбуждение толпы с помощью намёка о некоем завещании Цезаря и усиливающаяся ирония в адрес Брута. Цель этого раздела показать — Цезарь был другом народа.

С) Предательство Брута и других заговорщиков. Этот раздел имеет несколько пунктов: 1) указание места на теле Цезаря, куда ударил кинжалом главный заговорщик (Брут); 2) контраст между любовью Цезаря к Бруту и предательской неблагодарностью Брута по отношению к Цезарю; 3) определить отношение толпы к жизни Цезаря.

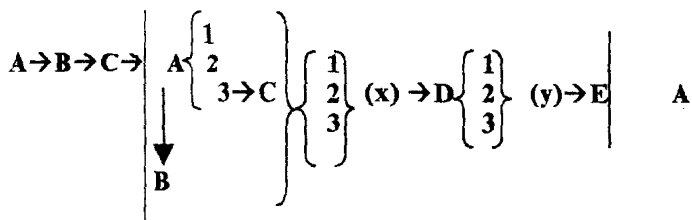
Заклочение (х): Цезарь пал; это удар, направленный против народа («... какое же паденье! И я и вы, мы все поверглись нищ...») После этих возбуждающих толпу фраз логически следует раздел **Д**.

Д) Призыв к бунту, который состоит из трёх пунктов: 1) неуклюжая защита заговорщиков, чтобы вызвать сильное возмущение народа против них; 2) показ себя простым обычным человеком по сравнению с «великим оратором Брутом» («*Я не оратор! Брут в речах искусней; Я человек открытый и прямой...*»); 3) косвенный призыв к бунту («*Но будь я Брутом, / А Брут Антонием, тогда б Антоний / Воспламенил ваш дух...*»). Когда Антоний увидел, что цель достигнута, и народ готов к бунту, он переходит к последнему разделу **Е**.

Е) Чтение завещания, которым ещё больше усиливается достигнутый эффект.

Окончание (III) состоит из очень короткой фразы: «*Таков был Цезарь! Где найти другого?!*»

Итак, вот схема этого выступления:

Как видим, каждая часть имеет заключение (резюме, вывод). В части (А) оно прямо не высказано, но логически вытекает: Цезарь не был властолюбцем, а был скромным человеком. Во второй части (В) также отсутствует формальное заключение, но оно просматривается в контексте: Цезарь — друг народа. Подразумеваемые выводы А и В явно выражены в резюме С(х): «И я и вы, мы все поверглись ниц». В разделе D вывод (у) также явно выражен: для отпущения народ должен восстать против заговорщиков («... чтоб их услышав, камни Рима, возмутясь восстали»). Раздел E не нуждается в выводах, т.к. его задача — усилить главный вывод D (у). Таким образом, основной вывод подготовлен и провозглашён в предшествующем разделе выступления — С (х), а в разделе E он ещё и дополнительно усилен. Окончание кратко подводит итог всего выступления и одновременно эмоционально активизирует толпу.

В речи Антония вступление намного длиннее, чем окончание. И это понятно, т.к. вначале он имеет перед собой враждебную публику, которую необходимо несколько дольше готовить к восприятию основной части. В конце речи публика уже полностью на стороне Антония. Он полностью руководит толпой, а поэтому и нет необходимости произносить длинное окончание, которое только смазало бы достигнутый результат.

Пять коротких разделов *основной части* по форме симметричны, что соответствует логике высказанных последовательно пяти идей: 1) Цезарь не властолюбив; → 2) он — друг народа; → 3) его смерть — это удар против народа; → 4) народ, следовательно, должен восстать против заговорщиков; → 5) завещание Цезаря — это новое доказательство его любви к народу.

Чтобы приучить себя к правильному разделению публичного выступления на части, необходимо читать и анализировать речи великих ораторов, таких как Демосфен и Цицерон. Они подарили нам подлинные жемчужины ораторского искусства не только по содержанию, но и по форме. Слушая выступления хороших ораторов, необходимо также анализировать содержание и форму их публичных выступлений.

3. Подготовка и произнесение речей

После всего вышесказанного об ораторе, публике и самом ораторском искусстве только немного было упомянуто о технике подготовки и о произнесении речей.

Важное правило, касающееся всех ораторов, даже самых опытных, всех видов выступлений, даже малозначительных, — не выступайте без подготовки.

Подготавливать речь — это значит очень точно знать перед самым выступлением, что вы хотите сказать. Речь можно готовить в течение нескольких дней или недель, а можно подготовить за несколько минут. Но её всегда надо готовить. Этого требует уважение к публике, интересы дела и даже уважение к себе.^(124-*)

Если оратор не может отказаться от неожиданного приглашения выступить, он должен попросить хотя бы немного времени, чтобы собраться с мыслями, и не начинать выступление, пока в его голове не возникнет хоть какая-то идея. Только очень опытные ораторы, имеющие большую практику, могут позволить себе подняться на трибуну совершенно без предварительной подготовки.^(124-*) Но и они за время медленного

приближения к трибуне во время произнесения *обращения* и *вступления* (обычно в подобных случаях стереотипного) обдумывают *основную часть* и *окончание*.

Как правило, оратор готовит речь в тиши кабинета. Подготовка состоит из двух частей: подбора материала для выступления и приведение в порядок этого материала согласно намеченному плану выступления.

Оратор прежде всего выбирает тему, или обстоятельства сами её диктуют. Понимая стоящую перед ним задачу, оратор сосредотачивается на проблеме, которую ему необходимо изучить со всех сторон, освежить в памяти прежние знания, приобрести новые. Он собирает факты, аргументы, доказательства, консультируется со специалистами и экспертами, просматривает литературу, подыскивает и изучает документы, проводит анкетирование и проверку. При этом необходимо делать краткие заметки о наиболее важных моментах, которые можно будет использовать в дальнейшем при написании речи. Точные ссылки на даты, названия произведений, имена, краткие резюме относительно только что прочитанного, дословное цитирование — всё это очень поможет оратору в дальнейшем при составлении доклада или выступления.

Собрав таким образом обширный материал, оратор переходит ко второй части своей работы — составление общего плана выступления. Лучше всего сразу приступить к написанию *основной части*, разделив её на разделы. Для каждого раздела подобрать, относящиеся к нему пункты и детали. Затем составляется *вводная часть* и *окончание*. Как уже было сказано выше, лучше разработать несколько вариантов начала и окончания речи. Эти части (*вводную* и *окончание*) лучше записать почти дословно. В очень важных выступлениях *вводную часть* и *окончание* нужно составлять особенно внимательно и даже заучить наизусть. Это, конечно, не означает, что в процессе выступления они должны быть именно так произнесены, но это обычно придаёт оратору уверенность. Оратор, который знает наизусть начало и окончание выступления, не побоится произнести эти части экспромтом, если того потребуют обстоятельства, т.к.

понимает, что в любом случае заранее приготовленный текст выведет его из затруднительного положения, если не будет найден лучший вариант.

Различные разделы, пункты, подпункты *основной части* детально не разрабатываются, а только кратко отмечаются (в виде тезисов), иногда даже одним словом. Эти пометки не являются текстом выступления, как таковые, а лишь напоминают оратору об идее, которую он хотел высказать и порядок выступления (*т.е. в каком порядке эти идеи должны быть высказаны*). Старое правило гласит: **помнить нужно не слова, не фразы, а мысли.** Это означает, что нет необходимости записывать и запоминать все фразы, периоды и т.п., нужно только помнить идеи, которые планировалось изложить. Эти идеи обретут словесную форму после, в процессе выступления перед публикой, в момент произнесения речи.

Эти заметки оратора будут путеводной нитью для всего публичного выступления. Если в процессе выступления оратор вынужден будет по различным причинам отойти от темы, он тотчас может ухватиться за эту нить. Если случайно память подведёт оратора, то он всегда может бросить украдкой взгляд в свои записи, которые помогут ему вспомнить, о чём надо сказать. Поэтому заметки необходимы не только при написании речи, но и во время выступления.

Путь, по которому следует идти при подготовке к выступлению, следующий: подготовить как можно больше материала и как можно глубже изучить его; из этого подготовленного материала выбрать самые лучшие части и включить их в схему подготавливаемого выступления; во время выступления использовать только тот материал, который покажется самым подходящим в данный момент.

Максимально возможный объём материала стремятся обработать. Некоторую часть его включают в план выступления (в тезисы), ещё меньшую часть используют при выступлении. Но именно эта малая часть и является квинтэссенцией всего подготовленного материала. Из большого объёма легче выбрать некоторое количество наилучшего материала, а из большого

количества материала, включённого в план выступления, легче исключить несколько пунктов уже во время произнесения речи, в то время как обратное не только сложно осуществить, но и порой просто невозможно.

Перед выступлением оратор должен несколько раз просмотреть свои заметки, попытаться мысленно представить отдельные разделы и пункты, чтобы убедиться, хорошо ли он запомнил их последовательность. Непосредственно перед самым выступлением, уже находясь на трибуне, необходимо бросить последний взгляд в свои записи, мысленно повторить хотя бы первую фразу из *вводной части* и начать выступление.

— *** —

Глава XIV

Заключение

Десятки тысяч людей во всём мире сегодня произносят речи перед публикой. Миллионы слушают их и дают им оценку. Среди этого огромного количества выступающих есть немало талантливых ораторов, а некоторые из них являются подлинными мастерами ораторского искусства.

Публика хорошо понимает, когда выступит великий оратор. Порой слушатели не могут точно ответить, почему этот оратор нравится им, тем так притягивает к себе, вызывает у публики энтузиазм, в то время как другому не удаётся добиться такого результата. Публика обычно не анализирует содержание и форму речи. Она не исследует пропорции различных частей выступления, не изучает модуляцию голоса оратора и значение каждого его жеста, не рассматривает детально интерьер помещения и прочие элементы, сопоставляя их с темой выступления. Публика только чувствует, воспринимает и оценивает в целом всё выступление, и на основе этого общего восприятия делает вывод: хорошее ли это выступление, красивое ли, сколь глубоки изложенные мысли, вызывают ли они энтузиазм. В одном случае это даёт положительную оценку, в другом — отрицательную и считает выступление бесполезным. На базе такого общего впечатления и происходит оценка мастерства оратора.

Фактически, формированию такого общего положительного или отрицательного впечатления способствуют многие факторы, присущие выступлению, самому оратору и публике. Для создания подлинно прекрасного публичного выступления недостаточно, чтобы каждый элемент выступления, каждая фраза, каждый жест были тщательно отработаны. Необходимо ещё соединить всё это в единое целое, проявив художественный вкус. Только тогда выступление станет подлинным

произведением искусства. Только тогда хорошее содержание превратится в прекрасную мраморную статую, гармоничную многоцветную картину, звучащую музыку. И публика, сама принимающая участие в этом созидании, не только начнёт восхищаться глубиной мысли, но испытает наслаждение от художественности формы, а форма выразится через содержание. Содержание и форма объединятся, поддерживая друг друга.

Таким и является настоящее публичное выступление, порождённое талантом и знаниями оратора.

Талант — это дар природы. Ему нельзя обучить, его нельзя изучить. Он или есть, или его нет. Он присутствует в человеке в том или ином количестве. Но талант можно развить с помощью обучения и практики.

Обучение до определённой степени является общим для всех, кто выступает публично. Некоторые принципы риторики подходят для всех видов выступлений, для всех категорий публики, для всех типов ораторов. Однако, есть правила специфические, относящиеся только к определённым типам выступлений. Но и в тех и других правилах изложены только общие принципы, а не законы или неукоснительные предписания. Эти принципы, будь то общие или специфические, стоят того, чтобы их принимать во внимание и изучать. Каждый, кто хочет хорошо выступать публично, не должен пренебрегать ими.

Дело каждого отдельного оратора соответствующим образом применить их в определённой ситуации, для конкретных целей, учитывая свои индивидуальные особенности. Умение применять эти принципы сообразно своим способностям показывают талант оратора. Здесь уже не поможет никакая риторика, т.к. она не является сводом формул и шаблонов, а есть лишь теория о тонком искусстве. И, после проведения исследования, анализа и постановки этих общих принципов, на этом заканчивается задача риторики, но не заканчивается задача оратора. Именно здесь начинается его индивидуальное обучение

ораторскому искусству. На базе этих общих принципов риторики, которые имеют скорее характер гибких советов и подсказок, чем строгих инструкций, оратор должен подобрать манеру выступления, которая наилучшим образом подходит к его характеру и темпераменту. Если разумное и тонкое применение риторики является и полезным и плодотворным, то рабская и бездарная имитация есть смерть публичного выступления.

Риторика превращает красноречие в искусство. Она указывает путь, по которому, искусно сформулированная, и этим усиленная мысль, может достичь цели. Но эта цель не всегда бывает благородной. Иногда она бывает скрыто-эгоистичной и недостойной. Риторика, используемая для целей низменных, столь же осуждаема, насколько она полезна и благородна при распространении высоких идей. В руках людей достойных она будет оружием для установления правды, мира, терпимости и человечности. Да, оружием! Потому что за человечность, к сожалению, ещё нужно бороться. И долго!

* * *

Приложения

Речь Брута

(В. Шекспир “Юлий Цезарь”, акт III, сцена 2)

перевод М. Зенкевича

Брут:

Римляне, сограждане, друзья! Выслушайте, почему я поступил так, и молчите, чтобы вам было слышно: верьте мне ради моей чести и положитесь на мою честь, чтобы поверить; судите меня по своему разумению и пробудите ваши чувства, чтобы вы могли судить лучше. Если в этом собрании есть хоть один человек, искренне любивший Цезаря, то я говорю ему: любовь Брута к Цезарю была не меньше, чем его. И если этот друг спросит, почему Брут восстал против цезаря, то вот мой ответ: не потому, что я любил Цезаря меньше, но потому, что я любил Рим больше. Что вы предпочли бы: чтоб Цезарь был жив, а вы умерли рабами, или чтобы Цезарь был мёртв и вы все жили свободными людьми? Цезарь любил меня, и я его оплакиваю; он был удачлив, и я радовался этому; за доблести я чтил его; но он был властолюбив, и я убил его.

Комментарий

Речь Брута — абстрактная апология человека высоких принципов. Классическое публичное выступление с понижением голоса при обращении к противопоставлениям, благородные призывы, высокий стиль.

Недостатков и слабых моментов очень много. Брут ошибочно предполагает, что толпа понимает его абстрактные принципы и идеалы. Фактически толпа воодушевляется только в моменты, когда речь Брута достигает пафоса. В речи отсутствуют подробные доказательства вины Цезаря, поэтому поступок Брута (убийство Цезаря) недостаточно оправдан.

За его любовь — слёзы; за его удачи — радость; за его доблести — почёт; за его властолюбие — смерть. Кто здесь настолько низок, чтобы желать стать рабом? Если такой найдётся, пусть говорит, — я оскорбил его. Кто здесь настолько одичал, что не хочет быть римлянином? Если такой найдётся, пусть говорит, — я оскорбил его. Кто здесь настолько гнусен, что не хочет любить своё отечество? Если такой найдётся, пусть говорит, — я оскорбил его. Я жду ответа.

Все: Такого нет, Брут, нет.

Брут: Значит, я никого не оскорбил. Я поступил с Цезарем так, как вы поступили бы с Брутом. Причина его смерти записана в свитках Капитолия; слава его не умалена в том, в чём он был достоин, и вина его не преуменьшена в том, за что он поплатился смертью.

Входят Антоний и другие с телом Цезаря в открытом гробу.

Вот его тело, оплакиваемое Марком Антонием, который, хотя и непричастен к убийству, но выиграет от этого — он будет жить в республике. В таком же выигрыше будет и любой из вас.

С этим я ухожу, — и так же, как я поразил моего лучшего друга для блага Рима, так я сохраню этот кинжал для себя, если моей отчизне потребуется моя смерть.

Следующую ошибку Брут совершает, когда уходит и оставляет Антонию свободу действий. Он так искренне верит в свою правоту,

Приложения

Речь Брута

(В. Шекспир “Юлий Цезарь”, акт III, сцена 2)

перевод М. Зейкевича

Брут:

Римляне, сограждане, друзья! Выслушайте, почему я поступил так, и молчите, чтобы вам было слышно; верьте мне ради моей чести и положитесь на мою честь, чтобы поверить; судите меня по своему разумению и пробудите ваши чувства, чтобы вы могли судить лучше. Если в этом собрании есть хоть один человек, искренне любивший Цезаря, то я говорю ему: любовь Брута к Цезарю была не меньше, чем его. И если этот друг спросит, почему Брут восстал против цезаря, то вот мой ответ: не потому, что я любил Цезаря меньше, но потому, что я любил Рим больше. Что вы предпочли бы: чтоб Цезарь был жив, а вы умерли рабами, или чтобы Цезарь был мёртв и вы все жили свободными людьми? Цезарь любил меня, и я его оплакиваю; он был удачлив, и я радовался этому; за доблести я чтил его; но он был властолюбив, и я убил его.

Комментарий

Речь Брута — абстрактная апология человека высоких принципов. Классическое публичное выступление с понижением голоса при обращении к противопоставлениям, благородные призывы, высокий стиль.

Недостатков и слабых моментов очень много. Брут ошибочно предполагает, что толпа понимает его абстрактные принципы и идеалы. Фактически толпа воодушевляется только в моменты, когда речь Брута достигает пафоса. В речи отсутствуют подробные доказательства вины Цезаря, поэтому поступок Брута (убийство Цезаря) недостаточно оправдан.

Речь Антония

(В. Шекспир. Юлий Цезарь. Акт 3, сцена 2)

Перевод М. Зенкевича

Антоний:

1. Друзья ..., сограждане, внемлите
мне,

Не восхвалять я Цезаря пришёл.

А хоронить. ⁽¹⁾ Ведь зло переживает

Людей, добро же погребают с ними.

Пусть с Цезарем так будет.

Честный Брут

Сказал, что Цезарь был властолюбив.

Коль это правда, это тяжкий грех,

За это Цезарь тяжко заплатился.

Комментарий:

1. Антоний начинает речь колеблясь. Толпа настроена враждебно. Антоний прощупывает дорогу к умам и сердцам слушателей. Первая попытка — намёк на добродетели Цезаря.

⁽¹⁾ Прошу читателей обратить внимание ещё на одну очень важную деталь начала выступления Антония. До Антония выступал Брут. И успешно! Публика (толпа) приняла и одобрила его слова. Что ещё может сказать следующий оратор? Да вроде бы ничего нового. Внимание толпы не слишком сосредоточено, хотя она и готова выслушать следующего оратора, и поэтому Антоний начинает свою речь совершенно неожиданным заявлением: "Не восхвалять я Цезаря пришёл, а хоронить", что сразу же привлекает внимание слушателей. Как это так — не восхвалять Цезаря?! Это — что-то новенькое. Ну-ка послушаем! Так этим неожиданным приёмом Антоний заставляет толпу сразу же прислушаться к своим словам.

2. Здесь с разрешения Брута и других.—
А Брут ведь благородный человек,
И те, другие, тоже благородны. —
Над прахом Цезаря я речь держу.
Он был мне другом искренним и

верным,

Но Брут его назвал властолюбивым,
А Брут весьма достойный человек.

3. Гнал толпы пленников к нам Цезарь
в Рим.

Их выкупом казну обогащая,
Иль это тоже было властолюбьем?
Стон бедняка услыша, Цезарь плакал,
А властолюбье жёстче и черствей;
Но Брут назвал его властолюбивым,
А Брут весьма достойный человек.
Вы видели во время Луперкалий
Я трижды подносил ему корону,
И трижды он отверг— из властолюбья?
Но Брут назвал его властолюбивым,
А Брут весьма достойный человек.
Что Брут сказал, я не опровергаю,
Но то, что знаю, высказать хочу.
Вы все его любили по заслугам.
Так что ж теперь о нём вы не скорбите?
О справедливости! Ты в груди звериной.
Лишились люди разума. Простите:
За Цезарем ушло в могилу сердце.

Полагаю, что каждый оратор должен взять на вооружение этот приём и заранее иметь в запасе набор подобных неожиданных фраз. — *Примеч. переводчика.*

2. Далее, заботливая похвала Бруту и другим заговорщикам, с целью добиться симпатий толпы, которая только что рукоплескала Бруту. Но каждый раз фраза: “а Брут весьма достойный человек”, становится всё более ироничной.

3. Далее следуют доказательства, что Цезарь не был властолюбивым человеком. Это первое обращение к чувствам толпы.

Второе обращение к чувствам слушателей ещё более сильное. Смелая игра слов относительно имени Брута (Брут в переводе с латинского и многих европейских языков означает “грубый”; в русском языке также есть производное от этого слова — “брутальность”, “брутальный” — грубый, скотский. — *Примеч. переводчика*)

4. Позвольте выждать, чтоб оно
вернулось.

*Выкрики в толпе: В его словах как
будто много правды./ ... Зря
Цезарь пострадал./ Всех благородней
Риме Марк Антоний./*

Вчера ещё единым словом Цезарь
Всем миром двигал: вот он недвижим,
Без почестей, пренебрегаем всеми.

5. О граждане, когда бы я хотел
Поднять ваш дух к восстанью и
отмщенью,

Обидел бы я Кассия и Брута,
А ведь они достойнейшие люди.
Я не обижу их, скорей обижу
Покойного, себя обижу, вас,
Но не таких достойнейших людей.

6. Вот здесь пергамент с Цезаря
печатью,

Найдённый у него, — то завещанье.
Когда бы весь народ его услышал, —
Но я читать его не собираюсь, —
То раны Цезаря вы лобызали б,
Платки мочили бы в крови священной,
Просили б волосок его на память
И, умирая, завещали б это
Как драгоценнейшее достоянье
Своим потомкам.

4. Антоний делает паузу,
чтобы толпа проглотила и
переварила его аргумен-
ты.

5. Первый намёк на воз-
можность бунта.

6. Антоний открывает
свою самую сильную ко-
зырную карту: завещание
Цезаря. Он намекает, что
Цезарь был полезен наро-
ду, и ещё раз “пускает
пробный шар”, исследуя
чувства толпы, т.к. не
знает, как народ отнесёт-
ся к бунту. Потому в дан-
ной части выступления он
говорит в сослагательном
наклонении.

Крики: Прочти нам завещанье.

Друзья, терпенье. Мне нельзя читать.
Нельзя вам знать, как Цезарь вас
любил.

Вы — люди, а не дерево, не камни,
Услышав Цезарево завещанье,
Воспламенитесь вы, с ума сойдёте;
Не знаете вы о своём наследстве.
А иначе — о, что бы здесь свершилось!

*Все: Мы слушаем. Читай скорей,
Антоний!*

7. Терпенье. Можете вы подождать.
О завещанье я вам проболтался,
Боюсь обидеть тех людей *достойных*,
Что Цезаря кинжалами сразили.

*Выкрики: Достойных! Нет, предатели
они./ Читай нам завещанье! Они
злодеи./ убийцы.*

Хотите, чтоб прочёл я завещанье?
Над прахом Цезаря все станьте кругом,
Я покажу того, кто завещал.
Могу ль сойти? Вы разрешите мне?

*Все: Сходи. Спускайся. Место
Благородному Антонию!*

8. Коль слёзы есть у вас, готовьтесь
плакать.

Вы эту тогу знаете; я помню,
Как Цезарь в первый раз её надел.

Ещё более возбудив любопытство толпы, он рассказывает о том, что народ унаследует по данному завещанию.

7. Здесь наиболее сильным является слово "*достойных*". И толпа уже реагирует полностью благосклонно на выступление Антония. Ещё несколько манёвров, и толпа произносит слова: "*предатели*", "*убийцы*"!

8. Антоний обещает прочесть завещание. До сих пор он только говорил о нём, но не прочёл. Он ещё медлит и не читает

То было летним вечером, в палатке,
В тот день, когда он нервийев разбил.
Смотрите! След кинжала —

это Кассий;

Сюда удар нанёс завистник Каска,
А вот сюда любимый Брут разит:
Когда ж извлёк он свой кинжал

проклятый,

То вслед за ним кровь Цезаря

Метнулась,

Как будто из дверей, чтоб убедиться —
Не Брут ли так жестоко поступался.
Ведь Брут всегда был Цезарев любимец
О боги, Цезарь так любил его!

9. То был удар из всех ударов *злейший*!
Когда увидел он, что Брут разит,
Неблагодарность больше, чем оружие,
Его сразила; мощный дух смутился,
И вот, лицо своё закрывши тогой,
Перед подножием статуи Помпея,
Где кровь лилась, великий Цезарь пал.
Сотраждане, какое то *паденье*!
И я, и вы, мы все поверглись ниц,
Кровавая ж измена торжествует.
Вы плачете: я вижу, что вы все
Растроганы: то слёзы состраданья.
Вы плачете, увидевши раненья
На тоге Цезаря? Сюда взгляните.
Вот Цезарь сам, убийцами сражённый!

Возгласы:

О скорбный вид! О благородный

Цезарь!

... Предатели, убийцы! Мы

отомстим!

Мест! Восстанем! Найдти их, ожечь!

Убить!

завешание, а только
лишь воспользовался
разрешением сойти с
трибуны, чтобы пока-
зать труп Цезаря и
этим ещё сильнее воз-
будить народ.

Антоний вызывает у
толпы сожаление и
гнев против убийц. Он
хитро упоминает слав-
ную победу Цезаря
над нервиями, которой
особенно гордятся
римляне.

Царит всеобщее
возбуждение и лико-
вание.

9. Антоний первый раз
говорит об измене и
коварстве (*неблагодар-
ность, злейший удар*).

Антоний второй
раз говорит об из-
мене и называет за-
говорщиков убий-
цами.

И после такого силь-
ного кресчендо Анто-
ний прямо называет
заговорщиков преда-
телями.

Делая вид, что он за-
щищает заговорщи-
ков, Антоний вызы-
вает ещё большее воз-
мущение против них
такой сознательно
неуклюжей защитой.

Сограждане, стойте.
Друзья мои, я вовсе не хочу,
Чтоб хлынул вдруг мятёж потоком
бурным.

Свершившие убийство благородны,
Увы, мне неизвестны побужденья
Их личные, они мудры и честны
И сами всё вам могут объяснить.
Я не хочу вас отвратить от них.
*Я не оратор, Брут в речах искусней;
Я человек открытый и прямой*
И друга чтил; то зная, разрешили
Мне говорить на людях здесь о
нём.

Нет у меня заслуг и остроумья,
Ораторских приёмов, красноречья,
Чтоб кровь людей зажечь. Я

говорю
Здесь прямо то, что вам самим
известно:

Вот раны Цезаря — уста немые.
И я прошу их — пусть вместо меня
Они заговорят.

10. Но будь я Брутом,
*А Брут Антонию, тогда б Антоний
Воспламенил ваш дух* и дал язык
Всем ранам Цезаря, чтоб, их услышав
И камни Рима, возмутясь, восстали.

*Все: Восстанем мы!
Сожжём дотла дом Брута!*

11. Внемлите мне, сограждане,
внемлите!
Друзья, восстали вы, ещё не зная,
Чем Цезарь заслужил любовь такую.

Благородные, убивающие из "побуждений ... личных". Эта фраза — дикая насмешка над заговорщиками.

Речь, оказывающая сильное влияние. Антоний особенно фиксирует внимание слушателей на личности Брута, которого представляет как великого оратора, способного своими рассуждениями убедить толпу, в то время как сам представляется "наивным" выступающим.

10. Открытое внушение бунта, но внушение, сделанное весьма искусно: *если бы Антоний был Брутом*, то он бы призвал к восстанию не только людей, но и *камни Рима!*

11. Таким образом Антоний добился главной цели, ещё не зачитав завещания.

Увы, не знаете; я вам открою;
Забыли вы о завещанье.

.....
.....
Вот завещанье с Цезаря печатью.
Он римлянину каждому даёт,
На каждого по семьдесят пять драхм

*Все: О, благородный Цезарь!
Месть за смерть!*

Антоний:
Доступайте меня!
Он завещал вам все свои сады,
Беседки и плодовые деревья
Вдоль Тибра, вам и всем потомкам
вашим,
На веки вечные для развлечений,
Чтоб там вы отдыхали и гуляли.
Таков был Цезарь! Где найти
другого?

*Все: Скорей, скорей идёмте!
Мы прах его сожжём в священном
Месте*

*И подожжём предателей дома.
Берите тело. Огня добудьте.
Скамьи ломайте!
Скамьи выламывайте, окна, всё!*

Граждане уходят с телом Цезаря

Антоний:
Я на ноги тебя поставил, смута!
Иди любым путём!

—***—

И вот теперь он выкладывает свой самый главный козырь. Он читает толпе завещание Цезаря, и тем ещё сильнее возбуждает толпу против заговорщиков. Антоний понимает, что возбуждение толпы может быстро испариться, поэтому он вносит в свою речь конкретный смысл, который затрагивает личные интересы всех.

Полная победа Антония. Толпа ведёт себя так, как он этого хочет. Анализ его выступления приведён в XIII главе.

Речь доктора Людвига Лазаревича Заменгофа

по случаю торжественного открытия
Подготовительной конференции российских
эсперантистов в г. С.-Петербурге в 1910г.

(Эта речь посвящена воспитательному и образовательному значению эсперантских конгрессов)

Уважаемые, дамы и господа!

Возможно, вы удивитесь, что я обращаюсь к вам не на русском языке, а на эсперанто. Возможно, вы скажете: "Раз мы все здесь собравшиеся — граждане одной державы, и все участники конференции, по крайней мере, в подавляющем большинстве хорошо понимаем русский язык, то было бы более естественным говорить на этом языке. Но существует, однако, очень важная причина, по которой я выбрал язык эсперанто, за признание которого во всём мире мы боремся и ради которого мы здесь собрались.

Конгрессы эсперантистов, не только всемирные, но и национальные, носят, прежде всего, образовательное и воспитательное значение. Эсперантисты, разбросанные по большим и малым городам и сёлам, собираются более или менее большим составом, чтобы услышать язык эсперанто, проверить себя — достаточно ли правильно они произносят слова и строят предложения, хорошо ли понимают друг друга, сравнить свою манеру говорить с манерой других, более опытных эсперантистов. После возвращения домой, не только они сами будут говорить более правильно, но и продемонстрируют другим примеры красивой, грамотной речи. Таким образом наши конгрессы нормируют употребление языка не только в крупных городах государств, но и в самых отдалённых уголках Земного шара. Уже сегодня, слушая хорошее и грамотное выступление на

языке эсперанто какого-либо оратора, мы не можем определить из какой он страны, к какой нации принадлежит. Полная самостоятельность нашего языка, не замещающая и не имитирующая дух других языков, всё более усиливается, как будто мы все живём вместе на небольшом пространстве.

Не менее важно и воспитательное значение эсперантских конгрессов. Эсперантисты, живущие изолированно, далеко от больших городов, не имеющие возможности практиковаться, часто сомневаются: действительно ли можно с помощью эсперанто хорошо понимать друг друга. Даже внутри эсперантских групп часто не решаются говорить на эсперанто и предпочитают общаться на своём национальном языке. Пропорционально боязни заговорить на эсперанто появляется нерешительность пропагандировать язык, т.к. эсперантист, который только и умеет лепетать на эсперанто, не может избавиться от боязни, что эсперанто — скорее идея теоретическая, нежели практическая. Но когда такой эсперантист приезжает на конгресс, где он имеет возможность услышать хорошего и опытного оратора, выступающего на языке эсперанто, когда он своими ушами слышит, как свободно и красиво можно говорить на этом языке, его энтузиазм увеличивается. Он понимает, что эсперанто — это реальная вещь, и возвращается домой, обретая смелость и новый прилив энергии. Наши конгрессы, не только всемирные, но и местные, таким образом воспитывают убеждённых энтузиастов, борцов за наше дело.

Это и есть главная причина, по которой мы на всех наших конгрессах, не только всемирных, но и национальных, региональных обязательно должны говорить не только об эсперанто, но и на эсперанто.

Но если на всех национальных эсперантских конгрессах говорить на эсперанто желательно, то тем более это необходимо в нашей стране, в великой России. Наша огромнейшая держава, простирающаяся от Карпат до Тихого

океана и “от холодных финских скал до пламенной Колхиды”, наша держава — столь многонациональна, что каждый наш всероссийский конгресс подобен конгрессу международному. Многонациональны и другие государства, но там взаимоотношения между нациями иные, чем у нас.

Я не хочу здесь анализировать этот факт, т.к. это заставило бы меня перейти к вопросам региональной политики, чего я хотел бы избежать. Я только констатирую его. Из-за этого ещё в течение долгого времени в нашей стране не смогут состояться действительно всероссийские конгрессы, в которых совершенно добровольно и искренне приняли бы участие все народы российской империи. Ещё в течение долгого времени подлинное, искреннее участие в конгрессах всех российских народов может быть только на нейтральной основе. Один из таких конгрессов — это нынешний Всероссийский конгресс эсперантистов. Среди участников конгресса, который сегодня открывается, нет противников и врагов, нет покорителей и покорённых, а есть только единомышленники. Поэтому я с радостью приветствую вас вдвойне: как эсперантист и как гражданин России.

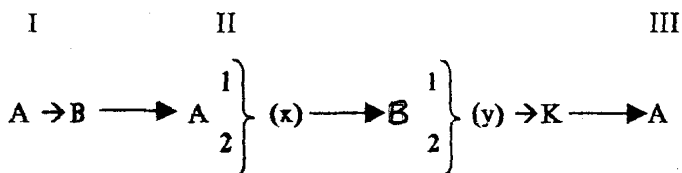
Число участников нынешнего конгресса невелико, т.к. мы слишком поздно начали подготовку к нему. Небольшое количество российских эсперантистов принимают в нём участие, очень мало народов прислали своих представителей. Фактически, это только начало, первая попытка. Это только первый подготовительный шаг к будущим всероссийским конгрессам. Но я не сомневаюсь, что эта первая репетиция не будет напрасной для будущего развития эсперанто в России. Несмотря на наши незначительные силы, я надеюсь, что все собравшиеся здесь единомышленники заложат первые камни в фундамент, на котором в дальнейшем будет построено огромное здание российского эсперанто-движения.

Я надеюсь, что благодаря нашим усилиям, нам не будет стыдно перед иностранцами, а наше движение будет таким же организованным и сильным, как и в других странах. В добрый час, мы начинаем нашу работу!

Анализ выступления Л.Л.Заменгофа

Данное выступление имеет *введение, главную часть, и окончание*. Во *введении*, которое начинается с обращения к присутствующим, обозначена тема: значение выступлений на языке эсперанто во время конгрессов.

Главная часть состоит из двух разделов. В первом разделе оратор главным образом говорит о воспитательном и образовательном значении конгрессов эсперантистов. Этот раздел разбит на два пункта: образовательное значение и воспитательное. Второй раздел опирается на выводы, сделанные в первом разделе относительно ситуации в Российской империи и поясняет цель данного конгресса. Он также как и первый содержит два пункта. *Окончание* состоит из **призыва** к дальнейшей работе. Схема данного выступления классически проста:

Эта речь ещё интересна и потому, что д-р Заменгоф обращает внимание слушателей на роль ораторского искусства в развитии и распространении языка эсперанто. Дважды Заменгоф говорит о хороших и опытных ораторах, красивые и грамотные выступления которых воодушевляют присутствующих.

Вступительное слово
профессора, доктора (высшей ступени)*
исторических наук
Эдмона Прива (Edmond Privat)
по случаю торжественного открытия
39-го Всемирного конгресса эсперантистов
в Гарлеме (Нидерланды), 1954г.
(текст выступления любезно предоставлен
в распоряжение автора для данного издания)

Дорогие участники Конгресса!

Я с благодарностью обращаюсь к благородному народу, который сегодня пригласил сюда нас и наш язык эсперанто. В Нидерландах живёт скромный, но очень смелый народ. Столетиями он сражается с разъярёнными водами океана, чтобы жить свободно на своей маленькой земле. Ещё несколько сот лет назад парламент Нидерландов провозгласит: "Бог не создал народы, чтобы они были рабами принцев", а известный вождь Вильгельм Молчаливый храбро заметит: "Надо не надеяться, а действовать!"

Каждый год эсперантисты встречаются на больших международных конгрессах. Иногда даже эти конгрессы бывают самыми большими в мире (до 5 – 6 тысяч участников. — *Примеч. переводчика*). Несмотря на такие впечатляющие доказательства применения языка эсперанто и активность эсперантистов, мы однако сознаём, что наше движение представляет пока ещё очень маленькую часть человечества.

-
- Во многих западных странах принята следующая градация учёных степеней: доктор (doctor) — соответствует в России степени **кандидат наук**; доктор высшей ступени (doctor habilitatus) — **доктор наук**.

Мы ведь хорошо знаем, как много нам приходится барахтаться, чтобы, как собакам под столом, получить несколько кусочков хлеба — официальной поддержки со всего мира.

Возможно, нам противостоят из ревности к нашим большим и хорошо организованным всемирным конгрессам, которые проходят совершенно без помощи переводчиков. Мы радуемся и воодушевляемся, ощущая царящую на этих встречах гармонию непосредственного общения и взаимопонимания между собеседниками, как бы сильно не отличались их язык и цвет кожи. Впрочем, противостояние всегда ожидает нас, когда мы начинаем добиваться официального введения обучения нашему языку в школах, а ведь дети с удовольствием его изучают.

Без усталости мы должны сеять и сеять наши идеи. “Сто семян потеряется, тысяча семян потеряется”, но несколько всё-таки прорастут и принесут удивительные плоды. “В одном единственном жёлуде содержится будущий лес”, — писал американский мыслитель Эмерсон. Конгресс эсперантистов — это место воспитания будущего объединённого человечества. И очень хорошо, что семена, посеянные Заменгофом, имели время медленно подняться, как молодые дубки, потому что язык должен формироваться медленно, основательно. Только тогда язык может стать подлинно живым. Такой язык захватывает человеческие чувства, которых не хватает у нынешних всемирных институтов, занимающихся поисками своей души, опираясь на старые предрассудки.

Сегодня на улицах Гарлема развевается зелёный флаг эсперанто. Это уже не только теоретический символ, это — знак живого духа и новой традиции.

Всюду, где изучают вспомогательный язык (*т.е. эсперанто*. — *Примеч. переводчика*), возникает это чувство, в котором так нуждается мир, чтобы проявить своё единство в различии и общность в уважении ко всем различным языкам и обычаям. Чем богаче будет эсперанто (литература, культура, программы наших встреч), тем сильнее он будет привлекать желающих ознакомиться с культурой человечества. Постепенно, один за другим придут к нам люди, которые смотрят в будущее и стремятся к гармонии.

Этот красивый зелёный цвет нашего флага означает не только надежду человечества, которому угрожает саморазрушение, но он означает также устранение мощных барьеров и открывает дорогу, по которой мы все рука об руку пойдём вперёд.

Здесь среди нас немало железнодорожников, которые вместе с учителями, инженерами, врачами и представителями других профессий принимают участие в конгрессе. И они хорошо знают важность зелёного цвета. Если он горит перед локомотивом, то значит — путь свободен! Для нас зелёный цвет означает то же самое: вперёд, не останавливаясь, к цели!

— * —

Речь автора
на открытии 35-го Конгресса эсперантистов
в Сорбонне (Париж) 6-го августа 1950 г.
“О международном языке как средстве
выражения и побуждения универсализма”

Господин президент! Господин представитель Министерства образования! Друзья!

Мы снова вместе! В этой удивительной стране света и свободы; в этом прекрасном городе великих духовных ценностей и блестящих культурных ценностей; здесь, во всемирно известной Сорбонне — светоче всемирной науки и кузнице самых благородных идей, которая столетиями питала прогресс. Мы приехали сюда со всех концов планеты: с востока и запада, с юга и севера, из больших городов и маленьких деревень, из дворцов и хижин, с полей, заводов, школ.

А

Многочисленны национальные и интернациональные, официальные и неофициальные встречи, конгрессы, конференции, которые ежедневно проходят в разных городах земного шара. На этих встречах ученые обмениваются своими идеями, дипломаты решают судьбу народов, специалисты обсуждают свои проблемы. Люди встречаются, чтобы скоординировать свои действия, обсудить религиозные взгляды, политические убеждения. И всегда это определённая категория людей.

Наш конгресс носит совершенно определённый характер. На нём присутствуют представители различных рас, национальностей и языков, религий, политических и философских течений. На нашем конгрессе представлены все социальные слои и профессии. Поэтому наш конгресс, в отличие от других, — это мир в миниатюре. Мир, в котором в определённой степени отражается внешняя реальность. Но только в определённой степени!

Т.к., несмотря на многие различия и национальные, и социальные, и идейные, этот наш маленький мир объединён одним языком и одной идеей!

Когда-то, много лет назад, в мире, который казался спокойным и дружелюбным, автор международного языка, гениальный доктор Заменгоф высказал идею, что там, в Булонь-на-море, в тот исторический 1905 год, когда в первый раз появилась возможность непосредственного общения, благодаря нейтральному (не принадлежащему никакой нации) языку, тогда собрались вместе не француз и русский, не англичанин и поляк, но встретились просто человек с человеком. Были произнесены красивые слова, выражены глубокие мысли!

Сегодня, после двух ужасных мировых войн, в которых на полях сражений пяти континентов миллионы людей пролили кровь, миллионы были повешены, задушены в газовых камерах, изранены и замучены только потому, что они имели иной цвет кожи, были иной национальности, исповедовали иную религию или говорили на другом языке, после того как бесчисленные материальные и духовные ценности были разрушены, растоптаны человеческие права и основы свободы, когда тёмные преступные страсти проявлялись со всей своей ужасающей силой, сегодня, когда всё это вызывает новый, ещё больший приступ национализма и шовинизма, а ненависть ослепляет разум, и над нашими головами возникает призрак новой, ещё более ужасной войны, — сегодня, друзья, провозглашать идею Заменгофа покажется не только большой смелостью, но и сумасшествием! Ведь сумасшедший — это тот, кто в эпоху всеобщего безумия не приспосабливается к нему! Однако, даже рискуя прослыть безумцами, мы спокойно и ещё твёрже, энергичнее и громче заявляем: “Да, мы все, здесь собравшиеся, представители всемирного движения эсперантистов, несмотря на всё, и вопреки всему, существуем и ощущаем себя прежде всего людьми!

В

Так ли это? Или возможно наши уверения — это наивно-обманчивые, ничего не значащие фразы, противоречащие самой

очевидной реальности. А мы, ослеплённые стремлением к великой цели, убаюканные и погружённые в сон сладкими нежными звуками языка наднационального общения, в своей утопичности не хотим ничего ни видеть, ни слышать.

Возможно ли, чтобы небольшая часть людей могла мыслить, чувствовать и действовать в едином общечеловеческом духе в мире, расчленённом и распятом, в мире разрываемом бесчисленными противоречиями, в мире крови, льющейся из тысяч ран?

Или здесь, в этом зале мы, видим чудо?

Нет! Ни то, ни другое!

Мы не являемся существами вне общества, какими-то фантастами-мечтателями, витающими в облаках и забывшими грешную Землю. Мы не страусы, сунувшие голову в песок и успокаивающие себя: "Всё в порядке". Мы понимаем, что сегодня экономические, политические и идейные противоречия имеют две общие черты и провозглашают по сути две во всём противоположные тенденции: одна — это тенденция общности, универсализма, а другая — стремление к местничеству.

Постоянный прогресс универсализма, вопреки всем искусственным барьерам и помехам, — это несомненный факт. В области экономики он выражается усиливающейся взаимозависимостью между странами всего земного шара. На политической арене универсализм проявляется, как стремление сформировать надгосударственные международные институты, как например, Лига Наций, а ныне Организация Объединённых Наций. В областях идеологии, науки и культуры, которые до недавнего времени были прерогативой закрытых обществ, намечается всё большая открытость и сотрудничество в рамках всего человечества. Даже последние крупные войны — эти самые преступные действия против человечности, разрушающие общечеловеческую солидарность — являются, как ни странно, и доказательствами мирового универсализма. Сам факт, что войны превращаются в мировые, что они не ограничиваются рамками отдельных территорий, ясно показывает, что мир вольно или невольно

имеет общие коренные интересы: страдания в одной части Земного шара приводят к страданиям на всей Земле, процветание в одной части планеты несёт прогресс всему человечеству!

Этому естественному стремлению человечества к единству препятствуют старые, отжившие свой век, но ещё достаточно мощные силы тьмы и застоя. В области экономики — это последние попытки сформировать самодостаточную, независимую экономику внутри одной страны. На политической арене — это нацизм и диктаторские режимы. В сфере идеологии — это провозглашение исключительности своей национальной культуры и попытки навязать свою идеологию и свой язык другим странам!

Разворачивается тяжелейшая борьба между гнивающим прошлым и блестящим будущим, борьба, в которой мобилизуются все физические и моральные силы. И мы все являемся свидетелями и участниками этой борьбы!

Тяжело и непросто пробивает себе дорогу через болота, горы и грозы универсализм. Среди бурь и туманов, снегов и пожаров, вперёд к солнечным вершинам экономического благосостояния, к свету социальной справедливости и свободы! Неустанно, победоносно вперёд.

Эммануил Кант сказал, что есть постулаты разума и есть постулаты истории. Перефразируя эту мысль Канта, я скажу: “Универсализм — это постулат разума, т.к. он является постулатом исторической эволюции человечества, которое, опираясь на технический прогресс, движется от различия и многообразия к единству и согласию”.

Человечество осознаёт самоё себя! Всё больше и больше!

С

Какова же позиция эсперантизма в этой ситуации?

Идея общего международного языка — это тенденция универсализма. Реализация этой идеи в виде языка эсперанто является наиболее конкретным, физически ощутимым проявлением такого стремления всего человечества. Но в то же время общий язык является и самой сильной поддержкой универсализма.

Язык, всё равно какой, это социальный феномен, который находится в постоянных взаимоотношениях с базой, из которой он вырос. Язык помогает не только мыслить и обмениваться идеями, но и создаёт определённую атмосферу общения между людьми, использующими его. Порождённый обществом, язык цементирует общество, оберегая его от распада.

Так же и международный язык — это не только чисто “технический” способ мышления и не единственный посредник при обмене мыслями в рамках межнационального общения. Он несёт в себе глубокий идейный смысл. Так же как национальные языки играли и играют одну из главных ролей в формировании нации, так и международный язык, нейтральный, наднациональный инструмент общения формирует и стимулирует общечеловеческую солидарность.

Употребление в разных языках одинаково знакомых слов сближает людей. Даже если бы эсперанто ограничивался только этим, то его роль уже была бы велика. Но международный язык даёт возможность прямого непосредственного общения во всём мире, позволяет почувствовать сходство человеческой природы.

На эту тему было написано много научных трудов. Различные религии провозглашали общий язык основой в соответствующей религиозной концепции. Философия с различных сторон рассматривала этот вопрос. О нём говорили много и часто. Но только мы, использующие международный язык эсперанто, говорим о всеобщей солидарности людей, понимаем и чувствуем её. Мы чётко понимаем, что все люди, независимо от расы, национальности, языка или религии должны быть равными. Поэтому мы считаем, что должна исчезнуть любая форма подчинения и принижения одного народа другим. Должны быть ликвидированы все привилегии, базирующиеся на расовой, языковой или религиозной основе. Одним словом, мы глубоко убеждены в правильности универсализма, основным принципом которого являются: равенство людей, духовная свобода, социальная справедливость и мир между народами.

То, что международный язык кардинально меняет манеру

мышления, уводит людей от узко-национальной концепции к общечеловеческой, хорошо поняли противники универсализма. Они поняли это даже лучше, чем сторонники универсализма и эсперантисты.

Не случайно, что все деспотические и тиранические режимы поднялись против эсперанто, стали запрещать его, преследовать эсперантистов! Если бы эсперанто было бы только детской игрой, если бы с его помощью нельзя было достигнуть взаимопонимания, если бы этот язык не имел никакого идейного значения, то, поверьте мне, они бы пропагандировали его. Но так как международный язык несёт в себе огромную духовную силу, находится в первых рядах универсализма и поддерживает общечеловеческие идеи, он атакуется шовинистами всех мастей. Но эти атаки не должны испугать нас. Наоборот, мы должны этим гордиться! Мы должны гордиться, что тирания противостоит нам, ибо она — всегда враг благородства и прогресса. Эти атаки ещё больше убеждают нас в нашей правоте, в истинности и величии нашего дела. Мы должны сознавать, что дух нельзя сломить, если только мы сами не откажемся от борьбы! Идею невозможно заковать в цепи, арестовать или убить! Именно поэтому (так уже было и будет) великие империи исчезали, диктаторы и автократы, приводившие всех в трепет, низвергались, но эсперанто остался, живёт и пользуется признанием, проникает в пробуждающееся сознание человечества.

Универсализм обязательно победит, а вместе с ним победит и эсперанто. С победой эсперанто подлинный, искренний универсализм завоюет новые позиции. И это мы все глубоко осознаём!

D

Универсализм языка выражен в соответствующей организационной форме. Это Всемирная ассоциация эсперантистов (UEA — Universala Esperanto Asocio), её конгрессы, встречи эсперантистов и другие эсперантские мероприятия. UEA (УЭА) —

это нейтральная организация. Она вне и над политической борьбой. Но в её основе лежат принципы уважения к правам человека и свободе. А это означает, что УЭА стремится распространить международный язык эсперанто вместе с его неотъемлемым принципом духовного сближения людей, с одновременным правом каждого иметь собственные взгляды и убеждения и свободно выражать своё мнение. Нейтральность вовсе не означает безыдейность и униформизм мыслей! Напротив, это плодотворная почва для расцвета различных взглядов и мнений внутри всего нашего движения кроме тех, которые явно противоречат самой сущности международного языка и его идейной основы.

Поэтому мы, вдохновлённые общими идеалами, вооружённые общим средством общения, составляем единое целое, несмотря на различие наших взглядов, мыслей, убеждений и т.п. Мы готовы понять и проявить терпимость ко многому, кроме посягательств на свободу личности и нетерпимость к чужому мнению!

Именно поэтому Всемирная ассоциация эсперантистов является на сегодняшний день единственной международной негосударственной организацией, которая имеет своих представителей (*сеть делегатов. — Примеч. переводчика*) во всех частях света. Это организация, которая может собрать за одним столом представителей почти всех национальностей, всех рас, религий и языков, и эти представители свободно, на равных, в дружеской обстановке, без переводчиков может провести совещание, организовать дискуссии и выступления! Уважения эсперантистов к правам человека и основам свободы — это не пустой звук, это не просто красивая пропагандистская фраза, а реальность, основной руководящий принцип всей деятельности. По существу, это жизнь и смерть самой идеи международного языка.

Нейтральность означает, что в отношениях мы не связываем себя ни с какими политическими концепциями, ни с какими движениями и чуждыми нам идеологиями. Как эсперантисты мы самостоятельны и независимы и идём своим путём.

Это вовсе не означает, что мы безразличны ко всему происходящему в мире. Мы хорошо знаем, что международный

язык может прогрессировать только в условиях свободы и дружбы между народами. С другой стороны, мы также знаем, что одним из самых мощных двигателей развития благородных идеалов является международный язык.

Поэтому мы горячо приветствуем свободу и международное братство! Поэтому мы осуждаем рабство и войну!

Поэтому мы протестуем против запрещения международного языка независимо от того, откуда исходят эти запреты!

* * *

Нынешний 35-й Всемирный конгресс эсперантистов проходит в очень напряжённый, почти штормовой период. Тяжёлые, чёрные тучи нависли над нами. Хаос в делах и смятение мыслей.

В этой ситуации ещё большее значение обретает наш Конгресс. Это подлинный свет во тьме, алмаз, сверкающий в грязи, луч оптимизма среди всеобщего пессимизма!

Мы должны ещё раз показать всему миру совершенство нашего языка! Мы должны доказать самим себе и всем, кто хочет видеть и слышать, высокую идею, миротворческую силу международного языка, его культурную ценность!

35-й Всемирный конгресс эсперантистов должен стать большой впечатляющей манифестацией не только в поддержку нейтрального всеобщего языка, но и человечности!

Конгресс придаст всем нам новых сил, чтобы мы ещё более сплочённо и решительно, ещё более самоотверженно продолжили наш путь к конечной цели в интересах не только словесного, но и духовного и душевного взаимопонимания между всеми прогрессивными людьми, людьми, имеющими добрые намерения!

— * * * —

Примечания

1. "Бытие", 2,19.
2. "Бытие", 2,15 – 17
3. Цитируется по Библии в переводе с древнегреческого на эсперанто. Перевод Л.Л. Заменгофа.
4. "Бытие", 11; 1,5 –9.
5. Интересно заметить, что и в последующие эпохи "народы-избранники" акцентировали "превосходство" своего почитаемого языка. Нередки были, да и сейчас ещё появляются абсурдные утверждения, что по тем или иным "высшим качествам" тот или иной язык должен стать языком межнационального общения.
6. Pierfrancesco Giambullari, "Origine della Lingua Fiorentina" (Пьерфранческо Джамбуллари. "Происхождение флорентийского языка"), in Fiorenza, 1569, стр.7.
7. О. Есперсен (Otto Jespersen), "Language — Its Nature, Development and Origine" ("Язык — его природа, развитие и происхождение"), издание 10-е, Лондон, 1954, стр.21.
8. Ioannes Goropius Vescanus. "Nemathena", статья, опубликована в "Opera Ioannus Goropius Vekani ..." ("Произведения Иоаннеса Горопиуса Бекануса ..."), под ред. Лавинуса Торрентиуса (Lavinus Torrentius), Антверпен.
9. Federico Garlanda, "La filosofia delle Parole" (Ф.Гарланда. "Философия слов"), 2-е итальянское издание, Рим, 1900, стр.134. Об этом же упоминает Mario Pei, "The Story of Language" ("История языка"), издание второе, стереотипное, Лондон, 1957г., стр.18.
10. "Les Langues du Monde", написан группой авторов по ред. А. Мейе (А.Meillet) и М. Коэна (M.Gohen), Париж, 1952г., стр.525.
11. Mario Pei, "The Story ..." (см. примеч. 5), стр.18.
12. Журнал "Evening Standard" (London), 5 марта 1943 (по книге Л.Стейна (Leopold Stein) "The Infancy of Speech and the Speech of Infancy" ("Детство языка и язык детства"), Лондон, 1949, стр.2.

13. Работа была продолжена при поддержке русской императрицы Екатерины II, в результате чего появилось объемистое произведение П.С.Палласа “Linguarium Totius Orbis Vocabularia Comparativa Augustissimae Cura Collecta” (“Сравнительный словарь языков всего мира, составленный под наблюдением Её Высочества”). Первое издание в 2-х томах появилось в 1787 – 1789 гг. и включало в себя 149 языков и диалектов Азии, плюс 51 язык Европы, т.е. всего 200 языков. Второе издание в 4-х томах (1790 – 1791) упоминает о 280 языках Азии, Европы, Африки и Америки.

Другое значительное собрание языков — И.К. Аделунг (J. Chr. Adelung) и др. авторов “Митридат или лингвистика ...”, в 4-х томах, Берлин, 1806-1817. В нём были представлены все известные тогда языки мира.

Ещё один значительный труд — Hervés y Pandurro, “Catalogo de las Lenguas de las Naciones Conocidas ... (Гервас-и-Пандурро. “Каталог языков известных народов ...”), в 6-ти томах, Мадрид, 1800-1805. Следует заметить, что автор этого произведения считает грамматику основой для сравнения языков и определения их родства, в то время как раньше (да и в более поздние времена) многие анализировали только сходство слов и полагали такой критерий достаточным для установления родства.

14. См. примечание 7, стр.27.

15. Санскрит — античный культовый и кастовый язык Индии. Слово “санскрит” означает “благородный язык”, в отличие от “пракрита” — языка народа, плебеев. Санскрит первоначально формировался как религиозный язык брахманов, высшей из четырёх основных каст Индии. На нём написаны ведические тексты. Только потом санскрит стал употребляться как светский язык в литературе. Классический санскрит исследовался индийскими лингвистами, прежде всего известным специалистом Панини (Panini), который жил в 4-м столетии до н.э. На санскрите создана обширная литература. Санскрит сохранился до наших дней, как литературный язык, используемый также для научного общения между индийскими учеными. Параллельно с санскритом развивались и многие общие праkritские языки более или менее распространенные. Наконец, независимо от праkritских — свою

отдельную эволюцию прошли очень многие региональные и местные языки (диалекты).

16. Franz Bopp. “Über die Conjugationssystem der Sanskritsprache in Vergleichung mit jenen der Griechischen, Lateinischen, Persischen und Germanischen Sprache”, Frankfurt am Main, 1816.

17. “Vergleichende Grammatik des Sanskrit, Send, Armenischen, Altslawischen, Gotischen und Deutschen”.

17-а. Зендский язык — язык, на котором написана “Авеста”. Относится к семье иранских языков и близкому ему санскриту. — *Примеч. переводчика.*

18. Второе, полностью переработанное, издание было опубликовано в 1822 году. Все четыре тома были закончены в 1837 г.

19. См. примечание 7, стр.37-38.

20. Весьма полная библиография находится в сочинении А. Мейе (A.Meillet) и М. Козна (M.Gohén), “Les Langues du Monde” (“Языки мира”),

Париж, 1952 г., стр. XVII – XLII, и отдельно во всех главах по различным языковым группам и отдельным языкам.

20-а. О позиции Н.Я.Марра, кроме известных работ в России, можно также ознакомиться в работе И. Лаленна “Esperanto en perspektivo” (“Эсперанто в перспективе”), раздел “Сталин против Марра”. (*примечан. переводчика*)

21. August Schleicher. “Compendium der Vergleichenden Grammatik der Indogermanischen Sprachen (A. Шлайхер. “Краткое руководство по сравнительной грамматике индогерманских языков”), Weimar, 1861 – 1862. Шлайхер находился под сильным влиянием теории Дарвина и в своей работе “Теория Дарвина и наука о языке” представлял язык как материальный, естественный объект. Эту точку зрения он защищал в своей книге “О значении языка в естественной истории человека”.

22. Следует заметить, что, самые известные лингвисты никоим образом не приходили к единому мнению об определении понятия “классификация языков”, ни о критериях этой классификации. В данном вопросе используется два главных метода:

1) генеалогический, а именно, классификация по родству на базе “общего происхождения”; 2) типологический — на базе

структурных характеристик изучаемых языков. В практическом приложении этих двух методов, отдельные лингвисты вносят новые критерии, из которых самым важным является психологический. Он был введен уже В. фон Гумбольдтом (Wilhelm von Humboldt) и затем применялся в основном Г.Штейнгалом (H.Steinhal). Чтобы показать огромные расхождения между лингвистами, стоит упомянуть только некоторые мнения. По М.Мюллеру языки делятся на три большие группы (туранские, семитские и арийские), из которых все имеют множество подгрупп, семей и т.п. Итальянский лингвист Альфредо Тромбетти (Alfredo Trombetti) уверял в своей книге "L'Unità d'Origine del Linguaggio" ("Изначальное единство языка"), Bologna, 1905, что можно насчитать до 20 групп. Затем он много раз менял эти выводы, и именно в своих работах: "Личные местоимения" ("I Pronomi Personali", Bologna, 1908) и "Числительные" ("I Numerali", Bologna, 1912). В заключительном периоде своей научной деятельности (1912 – 1929 гг.) Тромбетти сократил число крупных лингвистических групп до 9-ти. В книге "Языки мира" ("Les Langues du Monde", Paris, 1952), авторы А. Мейе и М. Козн указывается, что деление языков на группы-"семьи" сильно "варьируется" в зависимости от рассматриваемых языков различных частей света. По этому известному произведению все языки "старого света" могут быть разделены на менее чем 20 "живых семей", имеющих более или менее четкое построение, но Америка представлена более чем сотней отдельных семей, к которым следует ещё добавить "изолированные языки"!

23. Max Müller. "Lecture sopra la Scienza del Linguaggio" (М. Мюллер. "Лекции о лингвистике"), итальянский перевод с английского Дж. Нерчи (G. Nercci); Milano, 1864, стр.400.

24. М. Мюллер (Max Müller), см. примечание 23, стр.27. Было бы ошибкой умолчать о том факте, что склонение к концепции, в то время официальной, о создании человека (в этом отношении очень поучительна судьба теории Дарвина), этот, действительно признанный всеми лингвист — сделал много подлинно научных выводов, опираясь на объективно исследуемые факты.

25. Alfredo Trombetti. "L'Unita d'Origine dell Linguaggio" (А. Тромбетти. "Изначальное единство языка"), Bologna, 1905, стр.6.
26. А. Тромбетти — один из немногих лингвистов, которые стоят на позиции родства определённых языков, исходя из факта сходства между их корнями. Уже упомянуто мнение Герваси-Пандурро (Hervás y Pandurro) о возможности грамматического сходства (см. примечание 13). Большинство последующих лингвистов считали грамматическое сходство как существенный фактор языкового родства. А.Мейе (A.Meillet) сказал: "Словарные конкордансы никогда не являются абсолютными доказательствами, т.к. никогда нельзя с уверенностью сказать, что они не были заимствованы". Смотрите об этом в его книге "Linguistique Historique et Linguistique Générale" ("Лингвистика историческая и лингвистика общая"), Paris, 1926, том 1, стр.88 и последующие, где он поясняет, что языковое родство может базироваться только на грамматических и фонетических связях, а не на словарном родстве. Также и М.Пэи в книге (см. примечание 9) обращает внимание на то, что сходство слов может быть результатом чистой случайности (стр.357). Напротив, Кробе (Krober) в статье "The Determination of Linguistic Relationship" ("Определение языкового родства"), статья в журнале "Atropos", 1913, стр.389, выражает мысль сходную с мнением Trombetti.
27. У. Коллинсон (W.E.Collinson). "Человеческий язык", Берлин, 1927г., стр.89.
28. См. примеч. 27, стр.89.
29. Max Müller, см. примеч. 23, стр. 57.
30. G.Révész. "The Origins and Prehistory of Language" (Д. Ревес. "Происхождение и предыстория языка"), перевод с немецкого J.Butler, London, 1956, стр.88.
31. Mario Pei. "The Story of Language" ("История языка", изд. второе, Лондон, 1957, стр. 357.
- 31-а. Подобная мысль развита в работах русского философа А.Ф. Лосева (23.09.1893 - ?). См. А.Ф.Лосев "Бытие, имя, космос", изд-во "Мысль", Москва, 1993 г. — *Примеч. переводчика*
- 31-б. Артикуляция - работа органов речи, необходимая для произнесения того или иного звука. Примитивная артикуляция

присуща человеку от рождения, однако, при изучении языка (родного или иностранного) приходится сталкиваться с необходимостью усваивать непривычные артикуляции. — *Примеч. переводчика*

31-в. Это сочинение Дж. Локка в русском переводе известно как “Опыт о человеческом разуме”. — *Примеч. переводчика*

32. John Locke. “An Essay Concerning Human Understanding” (Дж. Локк. “Эссе о человеческом понимании”), книга 3, глава 2; напечатана в “The Philosophical Works of John Locke” (“Философские произведения Джона Локка”), J.A.St.John. London, 1843, стр.313.

33. Слова “ко-ко”, “кукареку”, “гав”, “мя”, “иа-иа” называются **ономатопеическими** и встречаются во многих языках. В китайском языке они встречаются несколько чаще, например: петух поёт “kiao-kiao”, цепь — “tsiang-tsiang”, колокольчик — “tsiang-tsiang”, барабаны — “kam-kam”, звуки дождя и ветра — “siao-siao” (по М. Мюллеру, см. примеч. 23, стр.374).

34. Max Müller, см. примеч. 23, стр.374.

34-а. Этьенн Бонно де Кондильяк (*примеч.переводчика*).

35. G.Révész. Ńi. iđèiâ÷. 30, ñđđ.21.

36. Mario Pei. “All About Language” (М. Пэи. “Всё о языке”), London, 1956, стр.17.

37. Max Müller. “Nuove Letture sopra la Scienza del Linguaggio” (М. Мюллер. “Новые лекции о лингвистике”), itala eldono, перевод G.Nerucci, Milano, 1870, p.345.

38. Max Müller, см. примеч. 37, стр.345, 346.

39. Max Müller, см. примеч. 37, стр.346.

40. John Locke, см. примеч. 32, стр.312.

41. F.Garlanda, см. примеч. 9, стр.158.

42. C.W.Valentine. “The Psychology of Early Childhood” (Ц. Валентин. “Психология раннего детского возраста”), Лондон, 1942, стр.405, 406.

43. Leopold Stein. “The Infancy of Speech and the Speech of Infancy” (Л. Штайн. “Детство языка и язык детства”), Лондон, 1949, стр.161. Краткую, но хорошо и чётко изложенную информацию

см. в книге W.E. Collinson, "La homa lingvo", на яз. Эсперанто, (У.Э. Коллинсон. "Человеческий язык"), см. примеч. 27, стр.49 и последующие.

44. См. примеч. 7. стр.417.

45. См. примеч. 42, стр.401.

46. См. примеч. 43, стр.71, 83, 93, 104, 154, 157 и др.

47. См. примеч. 9. стр. 159.

48. См. примеч. 9, стр.162.

49. Как указано в другом источнике — в языковых генеалогических деревьях языки по сходству классифицируются в различные семьи и группы, которым даются имена по "благородству" (арийские языки) или по имени двух библейских сыновей Ноя: Сима и Хама (семитские и хамитские языки). Имя третьего сына, Яфета, осталось неиспользованным. Марр присвоил это имя кавказским языкам, которые он отыскал и изучал и которые не вписывались в систему, к тому времени разработанной генеалогической языковой таблицы. Это имя, разумеется, чисто условное. Об этом также говорится в книге А.П.Андреева "Revolucio en la lingvoscienco" ("Революция в лингвистике", стр.15), изданной на языке Эсперанто в Лейпциге, в 1929г.

Главное произведение Марра относительно яфетической теории, это — "Этапы эволюции яфетической теории", Москва-Ленинград, 1926г. и "Яфетическая теория", Баку, 1927г.

50. Н.Я. Марр. "По этапам развития яфетической теории", М.-Л., 1926г., стр.323.

51. Э. Сепир, известный американский специалист по индейским языкам, во многих своих работах приводил примеры о языках жестов. Он говорит, что такой язык удовлетворяет потребности общения между племенами, говорящими на разных языках. См. Edvard Sapir, "Selected Writings in Language, Culture and Personality" (Э. Сепир. "Избранные исследования языка, культуры и личности"), под ред. Д. Мандельбаума (D.G.Mandelbaum), London, 1949, стр.28.

52. А.П. Андреев, см. примеч. 49, стр.23.

53. Тем самым дан ответ на вопрос, что означали первые слова: имена или действия, Адам Смит (Adam Smith), великий

шотландский учёный, экономист и философ, в своём мало известном сочинении пишет, что глаголы были первыми сознательными словами. Имена были менее необходимы, т.к. на предметы можно было указать или имитировать их, в то время как действия нельзя было выразить таким способом: “Глаголы необходимо было безотлагательно применять в первую очередь, а потому и формировать их. Никакое утверждение не может быть выражено без глагола” (стр.459). Далее он разъясняет, что, увидев льва, “первые дикари, которые изобрели язык”, сказали: “Он идёт” и, таким образом, рассказали о событии без помощи какого-либо другого слова. Только в последующем развитии, когда люди начали давать имена отдельным предметам, они стали добавлять обозначения к слову “идёт” и говорили: “Идёт медведь”, “идёт волк”. См. статью А. Смита “Considerations Concerning the First Formation of Languages” (“Размышления относительно начального формирования языка”) в книге “The Theory of Moral Sentiments” (“Теория моральных чувств”), Лондон, 1774, стр.461. Дж. Гердер (J.G.Herder) также считал, что первые слова означали действия.

Другие, как, например, шотландский философ Д. Стюарт (Dagald Stewart), имели противоположное мнение. Первыми словами, говорят они, были имена (имена существительные), в то время как глаголы выражались жестами. Обе точки зрения — некорректны. Они приписывают первобытному человеку мыслительные способности, которыми он не мог обладать. Наш предок из эпохи формирования звукового языка совершенно не умел мыслить так, как это делает современный человек. Первые слова не принадлежали ни к какой грамматической категории. Они имели различное нечёткое значение, менявшееся от ситуации к ситуации.

54. В русском языке слово “рука” происходит от слова “рушить” (“рухнуть”), через “рух” в “дух” (“душа”). Подобное же изменение слов можно отыскать в хорватском и сербском языках.

54-а. Связь между словами “рушить”, “рухнуть” и “рука” — несомненна. Однако связь между словами “рука” и “разум” — отнюдь не очевидна. Автор, вероятно, имеет ввиду то, что во

шотландский учёный, экономист и философ, в своём мало известном сочинении пишет, что глаголы были первыми сознательными словами. Имена были менее необходимы, т.к. на предметы можно было указать или имитировать их, в то время как действия нельзя было выразить таким способом: “Глаголы необходимо было безотлагательно применять в первую очередь, а потому и формировать их. Никакое утверждение не может быть выражено без глагола” (стр.459). Далее он разъясняет, что, увидев льва. “первые дикари, которые изобрели язык”, сказали: “Он идёт” и, таким образом, рассказали о событии без помощи какого-либо другого слова. Только в последующем развитии, когда люди начали давать имена отдельным предметам, они стали добавлять обозначения к слову “идёт” и говорили: “Идёт медведь”, “идёт волк”. См. статью А. Смита “Considerations Concerning the First Formation of Languages” (“Размышления относительно начального формирования языка”) в книге “The Theory of Moral Sentiments” (“Теория моральных чувств”), Лондон, 1774, стр.461. Дж. Гердер (J.G.Herder) также считал, что первые слова означали действия.

Другие, как, например, шотландский философ Д. Стюарт (Dagald Stewart), имели противоположное мнение. Первыми словами, говорят они, были имена (имена существительные), в то время как глаголы выражались жестами. Обе точки зрения — некорректны. Они приписывают первобытному человеку мыслительные способности, которыми он не мог обладать. Наш предок из эпохи формирования звукового языка совершенно не умел мыслить так, как это делает современный человек. Первые слова не принадлежали ни к какой грамматической категории. Они имели различное нечёткое значение, менявшееся от ситуации к ситуации.

54. В русском языке слово “рука” происходит от слова “рушить” (“рухнуть”), через “рух” в “дух” (“душа”). Подобное же изменение слов можно отыскать в хорватском и сербском языках.

54-а. Связь между словами “рушить”, “рухнуть” и “рука” — несомненна. Однако связь между словами “рука” и “разум” — отнюдь не очевидна. Автор, вероятно, имеет ввиду то, что во

58. J.Vendryès, *Le Langage* (“Язык”), Париж, 1921.

58-а. Человек относится к:

1. виду — человек разумный (*Homo sapiens*): в пределах вида различают расы;
2. роду — человек (*Homo*);
3. семейству гоминидов (*Hominidae*);
4. отряду приматов (*Primates*);
5. классу млекопитающих (*Mammalia*);
6. типу хордовых (*Chordata*). (*примеч. переводчика*)

58-б. В 1998 году, вблизи от этого места, была найдена берцовая кость. Исследование показало, что челюсть и берцовая кость принадлежат одному и тому же существу.

59. См. примечание 58. стр.8

60. H.G.Wells, “*A Short History of the World*” (Г. Уэллс. “Краткая история мира”), Лондон, 1927, стр.30.

61. Например, В. Чайлд (V.G.Childe), Эллиот Смит (Elliot Smith), Дж.Г.Керр (J.G.Kerr), Д.Дэвисон (D.Davison) и др.

61-а. Даже в наше время, несмотря на острую необходимость в едином языке, проблема остаётся нерешённой. Последовательно претендовавшие на роль международного языка: французский, немецкий, а ныне — английский не смогли стать подлинно языками международного общения. Даже эсперанто, не смотря на своё достаточное совершенство (на язык эсперанто переведена почти вся мировая классическая, художественная и философская литература) и лёгкость в освоении, за сто с лишним лет своего существования так и не сумел завоевать признание. — *Примеч. переводчика.*

62. Марио Пэи (Mario Pei) пишет об этом в книге “*All About Language*” (“Всё о языке”), London, 1956: “Но не было бы сюрпризом, если по прошествии многих лет и столетий, национальные языки будут использоваться всё меньше и меньше, а интернациональный язык всё больше и больше, т.к. интернациональный язык может быть использован во всех случаях, и обращён ко всем, в то время как национальные языки ограничены своей территорией. Если бы это произошло, то означало, что такие языки как английский, французский, немецкий и русский в конце

концов стали бы как латинский и греческий, т.е. языками, которые изучают для чтения и научных исследований, а не для общения” (стр.166-167).

63. Более подробно см. в книгах И. Лапенны: “Международный язык в историческом прошлом и сегодня”, на хорватском языке, Загреб, 1939г.; “Английский или Эсперанто?”, на хорватском яз., Загреб, 1940г.; “О так называемой искусственности Международного языка”, на французском яз., в газете “L’Essor”, №2, 1950; и в др. статьях.

64. Известен отчёт, согласно которому орангутанги были обучены имитировать слово “папа”. Другой уверяет, что он сумел обучить собаку считать до трёх и произносить слово “сахар”. В информации, поступившей из США, сообщается, что овца была обучена говорить. Юмористическая газета “Punch” (Лондон) остроумно заметила: “Says ewe!” (“Говорит овца”). При произнесении эта фраза похожа на американизм: “Says you!”, выражающий недоверие, мол: “Расскажи это кому-нибудь другому”.

65. A.Schleicher. “Compendium der Vergleichenden Grammatik der Indogermanischen Sprachen” (А.Шлейхер. “Краткая сравнительная грамматика индогерманских языков”), Weimar, 1876, Предисловие.

66. Цитируется по книге Дж.Бонфанте “Неолингвистическая позиция” (Giuliano Bonfante, “The Neolinguistic Position”), опубликовано в “Language”, том 23, №4, 1947.

67. Ferdinand de Saussure, “Cours de Linguistique Generale” (Ф. де Соссюр. “Курс общей лингвистики”), опубликован Шарлем Балли (Charles Bally) и Альбером Зешо (Albert Sechehaye), в совместной работе с Албертом Ридлингером (Albert Riedlinger), Lausanne-Paris, 1916, стр.25.

68. См. примеч. 67, стр.31.

69. См. примеч. 67, стр.32, 33.

70. A.Meillet. “Linguistique Historique et Linguistique Générale” (А. Мейе. “Историческая и общая лингвистикаЭ), том 1, Париж, 1926, стр.79.

71. См. примеч. 58, стр.15.

72. Проф. Чикобаба А.С.. “Введение в языкознание. ч.1, издание второе, Москва, 1953г., стр.23.

72-а. Говоря о “Международном языке”, автор имеет в виду создание планового Международного языка. имеющего логически построенную грамматику и словообразование, как, например, в языке эсперанто. Для подобных языков, которых в настоящее время создано уже несколько тысяч, ученые не применяют термин — **искусственные**, а называют их **плановые**, т.е. сконструированные, изобретенные, согласно заранее намеченному плану, полагая, что все современные литературные языки являются искусственными, т.к. нормы их употребления устанавливаются различными государственными институтами (см. **нормы употребления современного русского языка, нормированный русский язык и т.п.**). В России нормированием русского языка занимается Институт русского языка и литературы при Российской Академии наук. Процесс этот долгий. Придуманное писателем или возникшее в народной речи какое-либо оригинальное слово, проходит длительную “обкатку” и, либо “приживается” в народной речи, либо быстро забывается, а Институт либо признаёт его, либо не рекомендует, а порой даже отвергает. Например, десятки миллионов людей в России уже более сотни лет употребляют слово **ложить** или, даже, **лѳжить**, но до сих пор оно так и не стало литературным (и слава Богу и Институту русского языка и литературы!). В вопросе признания или не признания новых слов действует философская категория “Единства и борьбы двух противоположностей”. С одной стороны, язык стремится поспеть за быстро меняющейся жизнью, но с другой стороны, сопротивляется слишком быстрому изменению, т.к., в противном случае, уже деды и внуки перестали бы понимать друг друга, и был бы потерян целый пласт национальной культуры. — *Примеч. переводчика*

73. См. примеч. 10, стр. XXIX.

73-а. Политика некоторых государств направлена на пропаганду своего национального языка и, в связи с этим, на отрицание применения какого-либо международного языка, в частности — эсперанто. В 1983 году английский эсперантист Дэвид Кетис (David

Curtis) передал английской королеве Елизавете письмо, в котором предлагал активнее пропагандировать язык эсперанто. Вот буквальный ответ личного секретаря королевы от её имени: "...Политикой Её Величества является пропаганда и распространение во всём мире английского языка как Международного. Таким образом, Её Величество не заинтересовано в распространении языка эсперанто". В 1954 году на сессии ООН был поставлен вопрос о принятии языка эсперанто в качестве одного из рабочих языков Организации Объединённых Наций. Все страны поддержали это предложение, за исключением США и Советского Союза, которые воздержались при голосовании. Наиболее активно поддерживают эсперанто страны, которые не рассчитывают, что их национальный язык станет одним из мировых языков; например, Польша, Чехословакия, Венгрия, Болгария, Италия, Япония, Китай, Вьетнам и многие другие. — *Примеч. переводчика*

74. Mario A. Pei, "The World's Chief Languages" (Марио Пэй. "Главные языки мира"), издание третье, Лондон, 1954г., стр.580.

74-1. Более подробно см. G. Waringhien, "Eseoj II", на яз. эсперанто.

75. См. примеч. 51, стр.89 и следующие.

75-а. Например, в некоторых кавказских языках слово "идти" выражается различными словами в зависимости от того, как движется человек: по ровной поверхности, поднимается или спускается по склону горы, крутой склон или пологий, что весьма важно для жителя гор. — *Примеч. переводчика*

75-б. При настройке компьютерных цветных мониторов можно получить несколько десятков тысяч цветовых оттенков. — *Примеч. переводчика*

76. См. примеч. 51, стр.90.

76-а. Подобное же было когда-то и в русском языке. Брата матери ребёнок называл дядей (это слово сохранилось и до сих пор), а брата отца — "стрый". — *Примеч. переводчика*

77. См. примеч. 43, стр.141 и примеч. 74, стр. 36, 287, 289.

77-а. Свои путешествия по Южной Америке Тибор Секели интересно описал во многих научно-популярных и художественных книгах, как для взрослых, так и для детей. Эти книги написаны на языке эсперанто и переведены на многие европейские языки, а также на китайский и японский. — *Примеч. переводчика.*

78. Gabriel Sagard, "Grand Voyage du Pays des Hurons" (Габриэль Сагард. "Большое путешествие в страну гуронов"), Париж, 1631г.

79. E.Sapir. См. примеч. 51, стр.169.

80. См. примеч. 22.

81. См. примеч. 74, стр.454.

81-а. Более правильное название — династия Конбаунов (про-существовала с 1752 по 1885гг.), основана феодалом Алаунпая (Аломпра) из округа Шуэбо (годы жизни: 1714 – 1760гг). A-ra-ka-piо — современная область Ранхайя (Аракан). — *Примеч. переводчика*

82. См. примеч. 70, стр.116.

83. См. примеч. 74, стр.33.

84. См. примеч. 23, стр.60.

85. См. примеч. 70, стр.113.

86. Margaret Schlauch. "The Gift of Tongues" (Маргарет Шлаух. "Подарок языков"), Лондон, 1949, стр. 261 – 262. К приведённой выше цитате можно добавить: данный "контраст" таков, что никто, даже хорошо знающий английский, если он не англичанин, не поймёт лондонский **cockney** (кокни).

86-а. Именно на сленге **кокни**, этом "ужасном" языке восточной части Лондона, говорила прекрасная цветочница в пьесе Б.Шоу "Пигмалион". — *Примеч. переводчика*

87. См. примеч. 70, стр.113.

88. W.E.Collinson. "La homa lingvo" (У. Коллинсон. "Человеческий язык"), Берлин, 1927г., стр.74.

89. См. примеч. 23, стр.268.

90. Согласно Марио Пэи, см. примеч. 31, стр.112.

91. См. примеч. 31, стр.112.

92. Эти цифры абсурдны и противоречат сами себе. Сравните кажущийся словарный запас 10-летнего ребёнка (34000) со словарём средне образованного взрослого (35000), который, однако, остаётся средне образованным человеком, даже имея 70000 словарный запас! Прежде всего, необходимо иметь в виду языки, о которых идёт речь. Есть языки, в которых слово является независимой единицей с самостоятельным значением, как например, в греческом, латинском и, вообще, в индоевропейских и семитских

языках. Но есть языки, в которых слово теряется во фразе и не имеет самостоятельного значения. Например, в некоторых американских языках, в которых имеется столько слов, сколько фраз, и столько фраз, сколько слов. В языках с самостоятельным значением слов необходимо различать активный и пассивный словарь. Далее необходимо определить, что значит “знать” слово. Определение “знать” слово имеет очень широкий смысл: от полного понимания, которое включают в себя большие словари, до весьма туманного представления о значении данного слова. Вероятно, М. Мюллер имел в виду активные употребления слов и удовлетворился пониманием социальной идентификации слова. В этом смысле и я говорю о словарном запасе и не считаю флексии отдельными словами. Более детально см. в статье “Kelkaj lingvistikaj demandoj” (“Несколько лингвистических вопросов”), опубликованной в журнале “Belarto”, издаваемом УЕА (Всемирная Эсперанто-Ассоциация), 1958г.

93. См. примеч. 31, стр.111.

94. См. примеч. 31, стр.111 – 112.

95. В общем, словарный запас человека — зеркало его культуры — относительно беден. Нужно иметь в виду, что словарь “Ветхого Завета” насчитывает всего 5642 слова. Шекспир в своих драмах использовал 15000 различных слов, а всего, учитывая и другие произведения, 16000. Согласно М. Пэи, общее количество различных слов, которые использовал во всех своих произведениях Расин (Racine) — 6000, в то время как словарь произведений Виктора Гюго достигает 20000 слов. Вероятно, в случае с В. Гюго были подсчитаны как отдельные слова, так и флексии этих же слов или собственные имена, которые он использовал. Полный литературный словарь Мильтона оценивается приблизительно в 8000 – 11000 слов. Сравните эти цифры с выше приведёнными для 10-летнего ребёнка! Бедные Шекспир, Расин, Гюго, Милтон и все остальные, всемирно известные писатели! Хороший оратор должен использовать в своей речи 8000 – 10000 слов. В эсперанто активный словарь — около 3000 корней — даёт огромное количество слов.

Примеч. переводчика. В языке эсперанто используется

аглютивный принцип словообразования, т.е. берётся корень слова и к нему добавляются суффиксы и префиксы и, таким образом, получается новое слово. От одного корня с помощью суффиксов и префиксов можно получить от 10 до 40 новых слов. Например, *rogko* — хряк (корень — *rogk*). Если к этому корню добавить суффикс женского рода “-in”, то получим новое слово *rogkino* — свинья, добавив к корню суффикс “-id”, обозначающий: потомок, дитя — получим слово *rogkido* — поросёнок. Используя суффикс “-aj”, обозначающий: конкретное проявление признака, вещество, получим слово *rogkajo* — свинина, а суффикс “-es”, обозначающий свойства, качества, даст нам слово *rogkeso* — свинство. Используя суффикс “-ej”, образуем слово *rogkejo* — свинарник, и т.д. Таким образом, человек, выучивший 500 корней, а также суффиксы и префиксы, уже знает более 5000 слов.

96. См. примеч. 51, стр.212.

97. См. примеч. 70, стр.114.

98. См. примеч. 70, стр.115.

99. О роли экономического фактора в формировании Международного языка Эсперанто см. также весьма интересное исследование: Lucien Laurat, “L’Esperanto, Langue Vivante” (Л. Лора. “Эсперанто, живой язык”) в журнале “L’Année Politique, Economique et Coopérative”, №22, ноябрь – декабрь 1949г., стр.197.

100. Более детально см. Иво Лапенна, “Aktualaj problemoj de la nuntempa internacia vivo” (“Актуальные проблемы современной международной жизни”), Роттердам, 1952г.

101. См. примеч. 51, стр.90.

102. Вот типичный анекдот. Когда римский император Тиберий сделал какую-то грамматическую ошибку, грамматик Марцелл указал ему на это. Другой грамматик, случайно оказавшийся рядом, возразил Марцеллу, заметив, что, даже если император допустил грамматическую ошибку, то эта ошибка должна стать правилом грамматики, **ибо так написал император**. Тогда Марцелл обратился к императору: “О, Цезарь! Вы можете дать гражданство людям, но не словам”. Однако, Марцелл не совсем прав. Сколько раз грамматическая ошибка в результате частого

употребления становилась, в конце концов, правилом! И сколько раз грамматическая неточность влиятельной персоны была принята другими!

102-а. В русском языке слово “апробировать” (утверждать /например, документ/, одобрять) в результате созвучия и неправильного употребления в значении “опробовать”, “провести испытания”, в конце концов, приобрело и это значение, и в современных словарях толкуется как “опробовать, испытать”. —

Примеч. переводчика

103. Идея, что язык может быть изменён какой-либо личностью, очень стара. Протагор, один из великих философов и лингвистов античной Греции, попробовал установить несколько новых правил употребления грамматических родов в греческом языке. На базе этих своих правил он стал корректировать тексты Гомера, усматривая в них грамматические ошибки. Но Протагор потерпел неудачу. Он, впрочем, не понял, что влияние отдельной личности на развитие языка, в основном, условно, и в очень малой степени независимо. Излишне говорить, что язык эсперанто никто не может изменить по своему личному усмотрению или, опираясь на свой авторитет, по тем же самым причинам, по которым нельзя изменить любой другой язык.

103-а. Попытки изменить грамматику, орфографию и пр., как правило, терпели неудачу. В настоящее время острым атакам подвергается алфавит языка эсперанто, из-за того, что шесть букв имеют надстрочный диакритический знак ^ (циркумфлекс): ĉ, ĵ, ĝ, ĥ, ŝ, ŭ). Это действительно долгое время служило неудобством при издании эсперантской литературы, т.к. многие типографии не имели эсперантских шрифтов. С появлением персональных компьютеров, современных печатающих устройств и программ-редакторов проблема полностью решена. На сегодняшний день созданы десятки редакторов, позволяющих вводить в компьютер и распечатывать тексты на языке эсперанто. Однако многие стойкие умы (среди которых есть и мои друзья, как в России, так и за рубежом) продолжают атаковать Академию Эсперанто в Роттердаме. Последним их аргументом является Интернет: вот, мол, трудно передать эсперантский текст по

Интернету. Однако, существует несколько простых способов, позволяющих обойти эти затруднения (ĉ — ch или ch; ĵ — jh или jx; и т.д.). Интересующиеся могут, используя ключевое слово “esperanto”, отыскать сегодня в Интернете десятки тысяч текстов и посланий на языке эсперанто. Вариант с буквой “x”, на мой взгляд, — предпочтительней, т.к. позволяет произвести чёткую компьютерную сортировку слов по алфавиту, что не позволяет вариант с буквой “h”. — *Примеч. переводчика.*

104. По-гречески *koinós. ê, ón* — означает “общегреческий”.

104-а. В средние века учёные и богословы писали свои трактаты, переписывались, обмениваясь результатами своих исследований, вели дискуссии на латинском языке. Таким образом, латынь в средние века играла роль международного языка, причём в значительно большей степени, чем сейчас английский. — *Примеч. переводчика*

105. А.Мейе и М. Коэн “Языки мира” (A.Meillet et M.Cohen “Les Langues du Monde”), Paris, 1952, стр. XXIX.

106. См. примеч. 105. В этой работе авторы подчёркивают, что невозможно найти подходящий критерий, чтобы отличать языки от диалектов и местных говоров.

107. Различные попытки, как сегодня, так и в прошлом, “очистить” национальные языки от “иностраных” слов, являются не только реакционной, но даже смертельной глупостью для самих языков. Такие попытки есть последний крик неонационализма, который провозглашается в различных странах в последние десятилетия в той или иной форме. Так, например, итальянские фашисты хотели убрать из итальянского языка многие интернациональные слова “иностранного происхождения”. Ситуация получилась смешной, т.к. такие слова как **hotel**, **menu**, **chauffeur**, фактически, являются латинского происхождения, хотя и пришли в итальянский язык из французского. Эти слова были заменены, соответственно, на **albergo**, **lista** и **autista**, которые имеют германское и греческое происхождение! В хорватском языке, во времена фашистского правления в период Второй Мировой войны, также пытались провести насильственную замену интернациональных слов. Слова **telegram**, **telefon**, **radio**,

automobil пытались заменить на **brzobjav, brzoglas, krugoval, samovoz**, являющиеся рабским переводом соответствующих международных слов. Появились насмешливые выражения: вместо слова “автомобиль” или “самовоз” в шутку предлагали — “четырёхколёсное самодвижущееся с надувными колёсами”. Подобные “чистки” препятствуют объединительным тенденциям языка в целом. Такие попытки были обречены на поражение, хотя в отдельных случаях, под давлением политических сил, могут привести к некоторым результатам, разумеется, негативным.

107-а. Подобные попытки неоднократно предпринимались и в русском языке. Предлагались, например, такие замены: *тротуар* — топталище, *эгоизм* — ячество, *факт* — быт, *инстинкт* — побудка, *брильянты* — сверкальцы, *бильярд* — шаротык, *архипелаг* — многоостровие, *фигура* — извитие, *философия* — любомудрие, *автомобиль* — самокат, *галoши* — мокроступы, *лыжи* — снегоступы (кстати, словом снегоступы называют приспособление похожее на лапти, но шире и длиннее ступни; с помощью снегоступов передвигаются по снегу в густом лесу и кустарнике). Против засилья иностранных слов выступали (и порой справедливо) В.Г. Белинский, Н.М. Карамзин, князь П. Вяземский и др. Возражал против употребления многих иностранных слов, доходя порой до абсурда, А.С. Шишков (1754 – 1841), автор книги “Рассуждения о старом и новом слоге российского языка”. А.С. Шишков был колоритной фигурой. Консерватор, напуганный французской революцией, адмирал, позднее министр просвещения, президент Академии — он предлагал запретить такие слова, как реформа, революция, диктатура, республика и др. — *Примеч. переводчика.*

108. Формирование многих новых общих языков совершенно не противоречит представленной ранее тенденции общего развития, которая приводит к уменьшению количества языков на Земле. Новые большие языки становятся общими на обширных территориях с большим количеством других языков, диалектов и местных наречий, которые заменяются этими общими языками для общения на всём этом новом языковом пространстве. Одновременно они вытесняют из этих регионов чужие, навязанные им языки других наций.

108-а. Суахили является государственным языком Эфиопии. Эта страна практически никогда (за исключением короткого периода 1936-1941 гг., когда Муссолини объявил её итальянской колонией) не была ничьей колонией, во многом благодаря постоянному присутствию военных советников из России (со времён Петра I), сформировавших армию Эфиопии, и регулярным поставкам российского оружия на протяжении двух с половиной веков. — *Примеч. переводчика.*

109. О проектах общих языков см. P.E.Stojan. "Bibliografio de Internacia Lingvo (П.Е.Стоян. "Библиография международного языка"), изд-во Всемирной Эсперанто-Ассоциации (UEA), Genève, 1929; E. Drezén, "Historio de la Mondlingvo" (Э. Дрезен. "История международного языка"), Leipzig, 1931.

109-а. См. также: Э. Дрезен, "В поисках всеобщего языка", издательство "Земля и фабрика", Москва-1925-Ленинград, Э.С. Сवादост, "Как возникнет всеобщий язык", Академия наук СССР, Институт философии, Москва, 1968г.; Эд. Вартамян, "Путешествие в слово", изд-во "Советская Россия", Москва, 1978г. — *Примеч. переводчика.*

110. См. об этом очень интересный пример в работе M.Müller "Nuove Letture sopra la Scienza del Linguaggio" (М. Мюллер. "Новые лекции о лингвистике"), итальянское издание, перевод Дж. Неручи (G.Nerucci), Milano, 1870, стр.305 и последующие.

111. Возможно, следует обратить внимание на то, что некоторые люди никогда не прекращают говорить на своём диалекте или местном наречии. Эти люди не принимают, да и не могут принять участие в формировании национального языка. Другие же сразу изучают национальный литературный язык (как свой семейный) и часто даже не знают местного диалекта и наречия. Следовательно, эти лица, хотя и проживают в данном регионе, не являются составной частью местного языкового сообщества. Большая часть людей, в зависимости от страны проживания, проявляют, однако, оба признака своей социальной принадлежности, и только относительно небольшая часть населения проявила себя с третьей стороны и приняла Международный язык (т.е. Эсперанто; *примеч. переводчика*) как лингвистический вариант общего языка.

112. Эсперанто непрерывно обогащалось и обогащается неологизмами, которые действительно необходимы. Этого требуют не те люди, которые употребляют из своего собственного национального языка не более чем несколько сот слов, а те, кому необходимо адекватно выразить свои мысли. Среди этих, действительно необходимых неологизмов, нужно отличать произвольно придуманные неталантливыми начинающими литераторами новые слова, вводимые для рифмы стихов или игры слов. Следует ещё добавить, что подобного рода “неологизмы” не закрепляются в языке и не имеют шансов быть принятыми к употреблению.

112-а. Кроме новых корней (слов), что вполне естественно, в язык Эсперанто с момента его создания были введены несколько новых суффиксов, префиксов и предлогов. Однако, этот процесс осуществлялся осторожно и медленно. В языке эсперанто в момент его рождения в 1887 году было 8 префиксов, к которым в 1929 году был добавлен ещё один: “mis-“, и 29 суффиксов, к которым добавили: в 1909 г. —ac-, в 1919г. —ism-, в 1953г. —end-. Как видим, эсперанто не является каким-то застывшим изобретением, но изменяется, хотя и очень медленно (приблизительно также как и любой национальный язык). Периодически, в эсперанто появляются неологизмы, которые почему-то более охотно воспринимают восточные страны Япония, Китай, Корея, но говорить о появлении какого-то восточного диалекта нет оснований. Изменения в эсперанто контролирует и регулирует Лингвистическая Академия (эсперанто). В составе Академии — ученые-лингвисты разных стран, в том числе и из России. В Академии происходит регулярная ротация её членов, которые избираются тайным голосованием (по переписке) всеми членами Всемирной Эсперанто-ассоциации, количество которых в 1998 году равнялось 20141 (двадцать тысяч сто сорок один) из 120 стран. Следует заметить, что это число совершенно не отражает количество эсперантистов во всём мире, это только эсперантисты уплатившие членские взносы (для России, считающейся на сегодня “бедной” страной, эта сумма равняется 26,5 долларам США в год, для США — 60 долл., для Германии — 47 долл.) — *Примеч. переводчика.*

112-б. Лауреат Нобелевской премии по экономике за 1994 год

(“Теория игр”) Рейнгат Зелтен (R. Selten) в одном из своих интервью рассказал, что он часто использует язык эсперанто при чтении лекций и докладов по своей специальности в различных странах: Для этого он в каждой стране приглашает специалиста по экономике, владеющего языком эсперанто, который и переводит его доклад аудитории. Так он неоднократно делал в Испании, Швеции, Италии, Нидерландах и других странах.

Эсперанто также нередко способствует созданию интернациональной-семьи, даже тогда, когда будущие супруги совершенно не знают языка друг друга. На сегодняшний день в мире имеется несколько тысяч таких пар. — *Примеч. переводчика.*

113. В своей работе “Лекции о лингвистике” (см. примеч. 23, стр. 49) Макс Мюллер говорит: “То, что мы привыкли называть языками, а именно, литературные идиомы Греции, Рима, Индии, Франции, Испании ... предпочтительно считать искусственными, нежели естественными формами разговора. Естественная жизнь языка проявляется в диалектах”.

113-а. К сожалению, в данном примере: “neĝo blankas — снег белеет” перевод с эсперанто на русский язык не предаёт нюансы этой фразы с помощью глагола “белеет”. Для этого в русском языке, несомненно, найдутся другие формы передачи смысла, хотя они (эти формы) и не отразят полностью смысла фразы, построенной на языке Эсперанто (или каком-либо другом национальном языке). Этот пример лишний раз подтверждает гипотезу Куайна (Quain) “О непереводимости в переводе” — *Примеч. переводчика.*

Примечания ко второй части

114. В “Полном словаре” (“Plena vortaro de Esperanto”) подготовленном и изданном Всенациональной всемирной ассоциацией (SAT) слово “риторика” определяется как искусство чётко и красноречиво говорить. Такое определение кажется мне не корректным, так как оно неполно. Вне сомнения риторика имеет и это значение. Но она также, главным образом, есть теория искусства чётко и выразительно говорить, а не само ораторское искусство.

Слово “риторика” я буду употреблять преимущественно именно в этом, втором смысле, в то время как относительно первого случая я буду применять определение “ораторское искусство”.

114-а. Человек, составлявший речи для других, в Древней Греции назывался **логографом**. — *Примеч. переводчика.*

115. Вот подобного рода ошибочный вывод из слова “командовать” (“править”). “Мой двухлетний сын, — говорит Фемистокл, — командует своей матерью. Моя жена командует мной. Я правлю Афинами. Афины правят Грецией. Греция правит всем миром. Следовательно, мой двухлетний сын правит миром!”

115-а. Согласно постановлению Международного конгресса живой латыни (Авиньон. 1957г.) буква “С” произносится как звук “К”. Таким образом, привычные для нас имена и названия звучат иначе и весьма необычно. Например Цицерон — Кикерон (см. у Плутарха). — *Примеч. переводчика.*

115-б. “О преступном посольстве” — обвинительная речь Демосфена против известного оратора и политического деятеля Афин Эсхина. Эсхин был в составе посольства, заключившего невыгодный для афинян, так называемый “Филократов мир” с македонским царём Филиппом II. Филократ, глава посольства, был подкуплен царём Филиппом, а Эсхин, будучи одним из лидеров македонской партии, сыграл важную роль в заключении этого постыдного мира.

“О венке” — защитная речь Демосфена против оратора и одного из лидеров македонской партии Эсхина. Эсхин внёс жалобу в суд присяжных на постановление народного собрания Афин, наградившего Демосфена золотым венком. Эсхин проиграл процесс, был подвергнут штрафу и уехал на о. Родос, где открыл риторическую школу. — *Примеч. переводчика.*

116. Слово “элокуция” (lat. “*elocutio*”) означает само произнесение речи.

117. “Делиберативный” — означает также “дискуссионный”. Слово “демонстративный” в риторике означает хвалебное или порицательное выступление или высказывание, воздействующее на чувства слушателей.

117-а. Первым древнерусским сочинением, систематизировавшим науки (“свободные мудрости” — *ars liberalis*) было “Сказание о семи свободных мудростях” (тривиум — грамматика, риторика, диалектика и квадривиум — музыка, арифметика, геометрия, астрономия), которое появилось на русском языке в начале 17 века. Автор книги неизвестен. Предполагают, что он же является автором первого учебника по “Риторике” на русском языке. В 1672 г. Николай Спафарий (по происхождению молдаванин) переработал “Сказание” в “Книгу избранную вкратце о девяти музах и семи свободных художествах”.

117-б. Немало прекрасных ораторов было и на Руси. Вот сведения, собранные по крупницам у Карамзина, Татищева, Соловьёва и др. Хорошим оратором был в 13 веке первый русский митрополит Илларион (до него митрополитами на Руси были византийцы). Кирилл Туровский (10 век) известен нам как прекрасный проповедник. Его речь была яркой и образной. Вот пример одной из его проповедей: “Сегодня весна красуется, оживляя земное естество, и ветры буйные, теперь тихо веющие, плоды умножают, и земля, семена питая, зелёную траву рождает; так, весна красна — это вера Христова, которая крещением возрождает человеческую природу, бурные же ветры — это греховные помыслы, покаянием претворённые в добродетель”. О труде проповедника в “Слове в новую неделю после пасхи” К.Туровский говорит: “Ныне ратаи (*пахари*) слова, приводя словесных ягнят к духовному ярму, и погружая кресное рало (*плуг*) в мысленных браздах, проводя бразду покаяния и всыпая семя духовное, надеждами будущих благ веселятся”. (*Чудесно! Не правда ли?!*) Проявил себя как оратор крупный государственный деятель Киевской Руси Владимир Мономах. Выдающимися ораторами были Даниил Заточник, обитавший (прости, читатель, но иного слова я здесь употребить не могу) при дворе князя Ярослава Всеволодовича; Сергей Радонежский.

Ошибочно считают, что становление теории русского ораторского искусства связано с именем М.В.Ломоносова, написавшего “Краткое руководство к красноречию” (1748г.). Еще в 1616 году, в царствование Михаила Фёдоровича Романова в

Троицкий монастырь посылается грамота с приказом отыскать монахов, владеющих грамматикой и риторикой. Приблизительно в это время (март 1620г.) появляется первый русский учебник "Риторика". Автор его неизвестен (ошибочно полагали, что это сочинение принадлежит новгородскому митрополиту Макарию). Предполагают, что автору "Риторики" принадлежит и сочинение "Сказание о семи свободных мудростях". "Риторика" состоит из двух книг: "Об изобретении дел" и "Об украшении слова" и представляет собой диалог учителя и ученика.

Сведения о риторике на Руси до 17 века почти отсутствуют, но это не значит, что не было самой науки риторики. Начиная с 9-го века, в дошедших до нас рукописях встречаются слова: "ритор", "риторика", "витий" (оратор), "витийство", "глаголение" (сравни: "глаголом жець сердца людей"). В древнерусском сборнике пословиц и афоризмов "Пчела" (издавался в конце 14 - начале 15 вв.) критикуется праведник Аристид (церковное имя) за то, что "помногу учеников имея и риторию уча, сам же убог был".

В конце 17-го и в 18 веках появляются и другие книги по риторике: Софроний Лихуд (основатель и преподаватель Славяно-греко-латинской академии", 1698г.) "О силе риторической"; Михаил Усачёв "Риторика" (конец 17в.), Андрей Белобоцкий "Наука проповедей", "Книга сия философская" (краткая риторика); Стефан Яворский "Риторическая рука" (1705); "Книга всекрасного златословия" (1710), автор — грек Козьма Афоноиверский, перевод с латинского Фёдора Поликарпова. Вышеперечисленные книги были изданы на русском языке. Кроме того, многие российские преподаватели в Киеве, Москве, Перми, Рязани, Смоленске, Чернигове сами писали учебники по риторике на латыни для российских учеников (т.к. преподавание велось, в основном, на латинском). Феофан Прокопович, крупный деятель в области русской культуры и литературы, преподаватель риторики Киевско-Могилянской академии, написал на латыни "De arte poetica" (курс поэтики) и "De arte rhetorica" (учебник риторики).

В основу учебника М.В.Ломоносова положен курс лекций, который прочитал в 1733-1734 гг. в Московской славяно-греко-латинской академии украинский монах Порфирий Крайский.

Молодой Ломоносов был в эти годы слушателем академии.

Создавали учебники профессор латинской и русской элоквиенции (*а не только поэт*) В.К.Тредиаковский (“Слово о витийстве”), Г.А.Глинка (1774 - 1818), преподаватель Дерптского университета, первый из русских дворян, обладая независимым состоянием, стал преподавателем (“Риторика”, “Риторика в пользу молодых девиц, которая равным образом может служить и для мужчин, любящих словесные науки, сочинённая Г.Гальяром”. 1797г., перевод с французского с глубокой переработкой текста). Н.Г.Курганов (преподаватель Морского кадетского корпуса, профессор высшей математики и навигации, учёный и просветитель, время жизни 1725? - 1796 гг.) издал “Письмовник”, который выдержал 11 изданий. Амвросий (Серебряков? или Серебренников?, даты жизни 1745 - 1792) екатеринославский архиепископ, один из самых выдающихся российских ораторов второй половины 18-го века составил “Краткое руководство к оратории российской, сочинённое в Лаврской семинарии в пользу юношества, красноречию обучающегося”, М. 1778г., второе изд.1791г. (он же перевёл с французского “Потерянный рай” Мильтона). А.С.Никольский (1755 - 1834), учёный-словесник, служил в Адмиралтейском департаменте; за труды по логике, риторике и русской словесности был удостоен звания академика; написал “Краткую логику и риторику для учащихся в Российских духовных училищах” (первое изд. 1790г.). И.С.Рижский, первый ректор Харьковского университета, издал ряд учебников по риторике. Прекрасными ораторами были Н.Н.Поповский, професор красноречия, магистр философии; А.А.Барсов, переводчик и книгоиздатель, преподаватель математики и красноречия в Московском университете (“говорил красно, писал сухо”); П.В.Победоносцев.

Время расцвета русской риторики наступило в начале 19-го века. Многократно переиздавались пособия по риторике А.Ф.Мерзлякова (изд.1809-1828гг.), Н.Ф.Кошанского (изд.1829-1850), К.П.Зеленецкого (изд. 1846 - 1852гг.).

Мастерами судебного красноречия были: П.А.Александров,

С.А. Андриевский, М.Ф. Гремницкий, В.И. Жуковский,
Н.П. Корабчевский, А.В. Лоховицкий, П.Г. Мионов,
Н.В. Муравьев, А.Я. Пассовер, Ф.Н. Плевако, В.Д. Спасович,
А.И. Урусов, К.Ф. Хартулари, Н.И. Холев. теоретик судебного
красноречия П.С. Пороховщиков.

Профессор Петербургского университета, теоретик военного красноречия Я. Толмачёв написал учебник для школ гвардейских прапорщиков.

Блестящим оратором был Н.А. Умов (1846 - 1915), учёный-физик, общественный деятель, философ, художник. "Николай Алексеевич, — писал о нём Андрей Белый, — всходил на кафедру сверкать умом, жизнью, блеском, срывать голубой покров неба и показывать коперниковскую пустоту в величавых жестах и величавых афоризмах... Он любил не пышность фразы, а углублённость мысли".

Прекрасно произносили речи и вели полемику Н.В. Гоголь, В.Г. Белинский, В.О. Ключевский, адвокат А.Ф. Кони, Г.В. Плеханов, К.А. Тимирязев, В.И. Ленин, Л.Д. Троцкий, С.М. Киров, острый на язык А.Я. Вышинский и многие другие.

117-в. В качестве примера можно привести выступления в Верховном Совете Российской Федерации Андрея Дмитриевича Сахарова. Умнейший и благороднейший человек своего времени, учёный с мировым именем, он был очень плохим оратором, из-за чего многие его весьма позитивные предложения, не только не воспринимались слушателями, а вызывали у них даже раздражение и смех. — *Примеч. переводчика.*

117-г. Ещё один пример из нашей, российской, жизни. Выступает один из демократических лидеров времён перестройки. "Раньше, — говорит он, во времена коммунистического режима, в Советском Союзе говорили и выступали всегда одни, а всем остальным затыкали рот. Теперь же, в эпоху свободы и демократии, всё стало наоборот". — *Примеч. переводчика.*

118. Я применяю здесь термины "инвенция", "диспозиция", "элокуция", смысл которых поясняется в тексте. Согласно Квинтилиану (Marcus Fabius Quintilianus, 35–95гг.), латинское слово "eloqui" означает: публично высказать, выразить своё мнение,

свои мысли.

118-а. Здесь автор использует в языке эсперанто неологизмы: “invencio”, “dispozicio”, “elokucio” и поясняет их. — *Примеч. переводчика.*

118-б. Более подробно о голосе см. “Музыкальная энциклопедия”, т. I, стр. 1035. Изд. Москва, 1973 г. — *Примеч. переводчика.*

119. С точки зрения требований риторики, критерии к знанию языка, разумеется, значительно более строги.

119-а. Рекомендации, которые приводит автор для выступающих на языке эсперанто, переводчик вынес в раздел ПРИМЕЧАНИЯ. Однако они могут быть интересны для русскоязычных ораторов, выступающих перед иностранцами, как на русском языке, так и на иностранном.

“Не следует забывать, что эсперанто — довольно хорошо воспринимаемый на слух язык с большим количеством гласных, с удобным постоянным ударением на предпоследнем слоге, с большим количеством слов, оканчивающихся на гласный звук. Всё это делает язык эсперанто очень удобным для публичных выступлений. Если хорошо выделять слова, не забывать о слабых дополнительных ударениях в составных словах и, особенно, не “петь” последние слоги (как это делают некоторые люди, которые не могут забыть акцент своего родного языка), тогда чёткость и ясность эсперанто позволит говорить перед публикой в быстром темпе, даже если среди слушателей будут находиться люди ещё не полностью освоившие язык. При этом оратор будет хорошо понят”.

.....
.....

119-б. Далее автор приводит правила произношения эсперантских гласных, что для русскоязычного читателя не представляет интереса. — *Примеч. переводчика.*

120. Подробнее см. книги К.Калочай и Г.Варингьена “Полная грамматика языка эсперанто” (“Plena analiza gramatiko de Esperanto”), Rotterdam, 1984.

120-а. Согласно некоторым историческим источникам, Брут был внебрачным сыном Цезаря, и Цезарь очень его любил.

По другим источникам, Цезарь, в силу некоторых политических обстоятельств, просто усыновил Брута. — *Примеч. переводчика.*
120-б. Л.Л. Заменгоф, создавая эсперанто, понимал, что не во всех языках мира интонации голоса имеют одинаковый смысл, и поэтому ввёл в язык вопросительную частицу “ĉu”, которая указывает, что данное предложение является вопросительным (в русском языке такую роль часто выполняет частица “ли?”). — *Примеч. переводчика.*

120-в. В.И. Ленин, по воспоминаниям современников, был очень хорошим оратором. Однако, серьёзным недостатком у него при выступлении была манера жестиковать. Он беспорядочно размахивал руками. Кто-то из партийных товарищей посоветовал ему держать руки в карманах: это, конечно, тоже плохо, но лучше, чем изображать на трибуне ветряную мельницу. Таким образом, В.И. Ленин выработал у себя привычку при выступлениях (да и в разговоре с собеседником) одну или обе руки держать в карманах или засунув их за борт пиджака. — *Примеч. переводчика.*

120-г. Мы знаем, сколь сильным оратором был А. Гитлер. Однако его манера держать руки в области паха или размахивать ими (хотя и сдержано) над головой, показывают, что нет правил без исключения, и в ораторском искусстве требуется индивидуальный творческий подход. — *Примеч. переводчика.*

120-д. Утверждают, что А.Я. Вышинский мог (на спор) без подготовки сделать 2-часовой доклад на любую предложенную ему тему.

Вышинский Андрей Януарьевич (1883 – 1954 гг.), советский государственный деятель, дипломат, ученый в области права, академик. Был прекрасным оратором. 1933 – 35гг. — зам. прокурора СССР, 1935 – 39гг. — прокурор СССР, 1939 – 46гг. — первый зам. наркома по иностранным делам, 1946 – 49гг. — зам министра иностранных дел СССР, 1949 – 53гг. — министр иностранных дел СССР, 1953 – 1954 гг. первый зам. министра иностранных дел СССР. Постоянный представитель СССР в ООН. “Прославился” всемирно известными сталинскими политическими процессами, используя свою эрудицию и дар оратора для осуждения на смертную казнь многих совершенно невинных людей.

К стилистическим фигурам (греч. *schēma*; лат. *figura* — очертание, внешний вид, оборот речи) относятся *фигуры связности*, которые делятся на *разъединения* (выбор конструкции со слабой связью составных частей), *дистантное употребление слов*, непосредственно связанных по значению (“Где взгляд людей обрывается куций” В.В. Маяковский), *парцелляцию* — реализация единой синтаксической конструкции более чем одной фразой (“Я жаловаться буду. Губернатору.” М. Горький); *аттракция* — устранение согласования (“Началась у них драка — бой великая”); *вводные элементы* (“И тут появляется — кто бы вы думали? — она.”), *перестановка частей высказывания* (“Умрём и бросимся в бой”. Вергилий); *фигуры стилистические значимости* (*уравнивания*), *выделения* (*инверсия*, *градация*, *риторический вопрос*, *отождествление с абзацем*) и т.д. Простые стилистические фигуры могут синтезироваться в целостном тексте, образуя сложные.

К стилистическим фигурам близко примыкают *тропы*. *Тропы* (греч. *trópos* — поворот, оборот речи) — в стилистике и поэтике слова и словосочетания в переносном смысле. Это фигуры переосмысливания. Тропы были объектом исследования ещё в античных и средневековых поэтиках и риториках (у Аристотеля, Квинтилиана, Ю.И. Скалигера, Г. Хиробоска и др. тропам присуща *двуплановость*, наличие одновременно прямого (буквального значения) и переносного, *иносказательного*. Общие понятия троп: *метафора*, *метонимия*, *олицетворение*.

Однако не существует чёткого отличия *троп* от *фигур*. Иногда слова *троп* и *фигура* выступают как синонимы.

В изощрённых схоластических описаниях насчитывают более 200 различных троп и фигур.

Более подробно см.: Рыбникова М.А. “Введение в стилистику”, М., 1937 г.; Корольков В.И. статья “К теории фигур” в книге “Сборник научных трудов Московского государственного педагогического института им. М. Тореца, вып. 78, М., 1974 г.; “Античные теории языка и стиля”, М. — Л., 1936 г.; Потебня А.А. “Эстетика и поэтика” (раздел из “Записок по теории словесности”, М., 1976 г.); Гаспаров М.Л. “Цицерон М.Т.” (статья

К стилистическим фигурам (греч. *schēma*; лат. *figura* — очертание, внешний вид, оборот речи) относятся *фигуры связности*, которые делятся на *разъединения* (выбор конструкции со слабой связью составных частей), *дистантное употребление слов*, непосредственно связанных по значению (“Где взгляд людей обрывается куцый” В.В. Маяковский), *парцелляцию* — реализация единой синтаксической конструкции более чем одной фразой (“Я жаловаться буду. Губернатору.” М. Горький); *аттракция* — устранение согласования (“Началась у них драка — бой великая”); *вводные элементы* (“И тут появляется — кто бы вы думали? — она.”), *перестановка частей высказывания* (“Умрём и бросимся в бой”. Вергилий); *фигуры стилистические значимости (уравнивания)*, *выделения (инверсия, градация, риторический вопрос, отождествление с абзацем)* и т.д. Простые стилистические фигуры могут синтезироваться в целостном тексте, образуя сложные.

К стилистическим фигурам близко примыкают *тропы*. *Тропы* (греч. *trópos* — поворот, оборот речи) — в стилистике и поэтике слова и словосочетания в переносном смысле. Это фигуры переосмысливания. Тропы были объектом исследования ещё в античных и средневековых поэтиках и риториках (у Аристотеля, Квинтилиана, Ю.И. Скалигера, Г. Хиробоска и др. тропам присуща двуплановость, наличие одновременно прямого (буквального значения) и переносного, иносказательного. Общие понятия троп: метафора, метонимия, олицетворение.

Однако не существует чёткого отличия *троп* от *фигур*. Иногда слова *троп* и *фигура* выступают как синонимы.

В изощрённых схоластических описаниях насчитывают более 200 различных троп и фигур.

Более подробно см.: Рыбникова М.А. “Введение в стилистику”, М., 1937 г.; Корольков В.И. статья “К теории фигур” в книге “Сборник научных трудов Московского государственного педагогического института им. М. Тореза, вып.78, М., 1974 г.; “Античные теории языка и стиля”, М. – Л., 1936 г.; Потехина А.А. “Эстетика и поэтика” (раздел из “Записок по теории словесности”, М., 1976 г.); Гаспаров М.Л. “Цицерон М.Т.” (статья

“Цицерон и античная риторика”, М., 1972 г.); Белый А. “Символизм” (статья “Магия слов”), М., 1910 г.; Хлебников В. “Наша основа”. Л., 1933 г.; и др. *Примеч. переводчика*
122-б. О таких людях очень хорошо сказал Г. Гейне в поэме “Германия — зимняя сказка”:

Я знаю мелодию, знаю слова,
Я авторов знаю отлично.
Они тайком тянули вино,
Проповедуя воду публично.

Перевод В. Левика

Вот прекрасный образец для обличительного выступления. — *Примеч. переводчика.*

122-в. IALA (International Auxiliary Language Association) — нейтральная неправительственная лингвистическая ассоциация, созданная в США в 1924 г., поставившая своей целью установление единого вспомогательного языка во всём мире. — *Примеч. переводчика.*

122-г. Как показывает опыт, плохо владеющему каким-либо либо иностранным языком, например, английским, легче общаться на этом языке с человеком, который также плохо владеет этим языком, потому что собеседник, хорошо знающий язык, во-первых, говорит быстро, а во вторых, строит фразы более сложные, да и словарь его языка богаче.

123. Эта речь приведена в Приложении.

123-а. В этом случае мы сталкиваемся с проблемой: кого считать специалистом. Композитор А.П.Бородин (по образованию химик) и музыкальный критик Ц.А.Кюи (морской офицер, профессор фортификации) формально не являются специалистами в области музыки, а В.Даль (армейский офицер) — в области филологии, но за годы занятий в соответствующих областях науки и искусства они приобрели знания и опыт, порой превосходящие таковые у дипломированных специалистов. — *Примеч. переводчика.*

124. См. примечания.

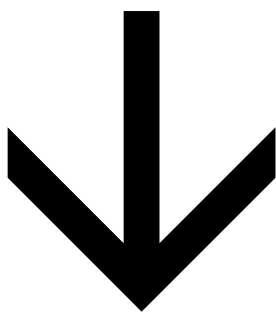
124-а. Однажды известный экономист Г. делал доклад об экономике в городе Волгодонске. Послушать и поучиться собрались специалисты в области экономики и управления. Однако Г.,

поговорив немного на тему доклада, незаметно перешёл к воспоминаниям о своём знаменитом дедушке, которое длилось около полутора часов. Конечно, экономист Г. хорошо знал предмет выступления, и, понадеявшись на это, отнёсся небрежно к подготовке доклада. Вместо серьёзного научного выступления получилась несерьёзная болтовня. Собравшиеся были сильно разочарованы. — *Примеч. переводчика.*

124-б. Такого оратора представил в своём романе “Инсургент” французский писатель и журналист Жюль Валлэ(с) (J. Vallès) — *Примеч. переводчика.*

125. Речь была записана на магнитофонную ленту.

— * * * —

Оглавление

стр.

Об авторе	5
Замечания к третьему изданию	6

Глава I

Введение	7
----------------	---

Часть первая: ЯЗЫК

Глава II

Возникновение языка

1. В полной тьме	9
2. Начало научных исследований	12
3. Один или множество праязыков	16
4. Различные мнения о формировании языков	20
5. От многоязычия к одноязычию	32
6. Что говорит антропология?	37

Глава III

Язык как социальный феномен 49 |

1. Естественно-биологическая концепция	50
2. Язык и общество	52
3. Природная и социальная среда	57

Глава IV

Факторы, влияющие на развитие языков 61 |

1. Разъединяющие факторы	61
а) Географический фактор	61
б) Экономико-социальные факторы	63

• Кастовые или классовые факторы	63
• Профессиональные факторы	65
• Факторы полового различия	67
• Религиозные факторы	68
2. Объединяющие факторы	70
а) Экономико-социальные факторы	70
• Разделение труда	70
• Идеи равенства	71
б) Технические факторы	71
в) Факторы просвещения	72
3. Личность или коллектив?	74

Глава V

Формирование больших общих языков	77
1. Греческий язык	78
2. Латинский язык	79
3. Ещё несколько примеров	82

Глава VI

Международный язык	86
1. Формирование	87
2. Интернациональность	88
3. Социальный носитель	90
4. Цельность языка	93
5. Влияние общества	95

Глава VII

Язык и мысль	97
--------------------	----

Часть вторая: Риторика

Глава VIII

Красноречие и риторика	106
------------------------------	-----

Глава IX

Физические качества оратора	125
1. Внешний вид	125
2. Голос	126
а) Высота голоса	129
б) Скорость выступления	132
в) Интенсивность голоса	138
г) Окраска голоса	143
д) Знаки препинания	144
3. Жесты	147
4. Одежда	150

Глава X

Интеллектуальные способности оратора	153
1. Общая и профессиональная культура	153
2. Языковая культура	155
3. Тройная интеллектуальная активность	167

Глава XI

Моральные качества оратора	173
1. Честность	174
2. Смелость	179

Глава XII

Слушатели (Публика)	183
1. Внешние условия	186
2. Интеллектуальный уровень	190
3. Моральные качества	198
4. Три главных категории	200

Глава XIII

Публичное выступление	203
1. Различные виды выступлений	204
1.1. Профессиональные публичные выступления	208
• Научное, преподавательское и воспитательное выступление	209
• Церковная проповедь	210
• Политическое выступление	211
• Выступление в суде	213
• Выступление перед солдатами	215
1.2. Непрофессиональные публичные выступления	216
• Лекции	
• Случайные лекции	
2. Разделение выступление на части	218
Введение (I)	221
Основная часть (II)	225
Окончание (III)	228
3. Подготовка и произнесение речей	235

Глава XIV

Заключение	239
------------------	-----

Приложения	
I. Речь Брута	242
II. Речь Антония	245
III. Выступление д-ра Заменгофа	252
IV. Выступление проф. Прива	256
V. Выступление автора	259
Примечания	267
Оглавление	301

* * *